

WARHAMMER
40,000

PAWNS OF CHAOS

BRIAN CRAIG

Annotation

Планета Сизматус, потерянная в Варп-шторме, стала одним из тысяч полей сражений в вечной войне между Империумом и Хаосом. И это поле боя - одновременно гладиаторская арена, алтарь для жертвоприношений и сцена ужасного представления, где главная роль принадлежит демоническому Повелителю Перелен. Сможет ли простой смертный прервать чудовищный спектакль, срежиссированный самим Божественным Комбинатором?

- [Брайан Крэйг - Пешки Хаоса](#)

○

Брайан Крэйг - Пешки Хаоса

A WARHAMMER 40,000 NOVEL

ПРОЛОГ

ЛИШЬ увидев, как рассыпалась стена, Заркон осознал, каким же глупцом он был, воображая, что люди, подобные ему, способны противостоять захватчикам. Человека слева от него разорвало на куски выстрелом, с легкостью пробившим и каменную стену, и его тело за ней. Поднявшиеся клубы серой пыли, казалось, поглотили брызги крови и разорванную плоть.

Человек справа от него погиб лишь секунду спустя, подняв голову над бруствером, чтобы рассчитать бросок. Обжигающая вспышка света выжгла его правый глаз, мгновением позже его мозг брызнул из удивительно маленького выходного отверстия в затылке. Треск, раздавшийся через долю секунды, был,

вероятно, звуком выстрела оружия, убившего его. К тому времени мертвое тело уже рухнуло на землю, разбросав безжизненные конечности.

Зажигательный снаряд, который защитник собирался швырнуть в грузовик врага, полетел неприцельно, но рука, державшая его, потеряла силу настолько внезапно, что примитивная бомба с глухим стуком упала на песчаную землю. Глиняный кубшин раскололся. От горящего фитиля вспыхнуло вытекшее масло. Больше похоже на разбитый масляный фонарь, чем на оружие.

«Таковы мы все!», мелькнула скорбная мысль в охваченном ужасом разуме Заркона. «Не бойцы — всего лишь жалкие разбитые фонари, пытающиеся сравниться с сиянием полуденного солнца...»

Туча пыли, поднявшаяся от выстрела, убившего первого защитника, поднялась не меньше чем на десять футов, прежде чем начала оседать. Заркон разглядел две оторванных ноги и жуткий кусок, который когда-то был головой, но руки отбросило куда-то далеко, а торс был разорван на

стехотворно крошечные клочки.

Остальным защитникам стены справа и слева приходилось не легче. Тех, кто не был разорван болтерными снарядами или пронзен лучами лазганов, давили и калечили падающие камни. Некоторые из утирающих еще кричали, но их оставалось немного. Никто не успел убежать. Все произошло слишком быстро.

Заркон понял -- слишком поздно -- что единственная причина, по которой он все еще стоит на ногах и все еще может видеть происходящее -- уцелевший кусок стены перед ним, не больше четырех или пяти футов, по чистой случайности не задетый первой очередью тяжелого болтера.

Он понимал, что жить ему осталось всего ничего, и вторая очередь разорвет его с той же легкостью, с какой первая убивала его товарищей.

Никогда, даже в самых жутких кошмарах, не мог он вообразить такой разрушительной силы. Ему рассказывали, что есть такие вещи, как болтеры и лазганы -- и рассказывали, на что способно

такое оружие -- но его воображение не могло превратить слова в точные образы.

Теперь он понимал, как же глуп он был, думая, что стена защитит его. Она казалась хорошо защищенным укреплением, с которого он и его товарищи смогут обрушить град зажигательных бомб на машины захватчиков. Но она не смогла их защитить. Во всей Гүльзакандре не было такой стены, которая смогла бы противостоять огневой мощи имперцев.

Это был не бой, нет; это была резня. Если и дальше так будет, оборона Гүльзакандры окажется не войной, а сплошным безумием: бесконечной чередой страшных жертвоприношений кровожадным боевым машинам Калазендры.

Конечно, Заркон с самого начала знал, что оружие, которым обладали защитники -- стрелы, копья, камни, самодельные зажигательные снаряды -- было просто жалким в сравнении с пушками и машинами врага. Хотя врагов было не так много -- тысячи, самое

большее - десятки тысяч -- а защитники
Гүльзакандры исчислялись сотнями тысяч.
Заркон наивно верил, что не важно,
сколько боев могут проиграть защитники,
враги все равно не смогут выиграть войну.

Теперь он знал, что ошибался.

Ему говорили, что у захватчиков
лишь несколько болтеров и немного
лазганов, а большая часть их войск
вооружена более простым оружием,
произведенным на заводах Калазендры. Но
теперь он знал, что даже нескольких
болтеров и лазганов будет более чем
достаточно, чтобы захватчики ворвались
в самое сердце Гүльзакандры.

Когда они взяли город Ринтру и порт
Кемош, их стало невозможно остановить.
Даже если они потратили при этом
последний болтерный снаряд и последний
аккумулятор лазгана, теперь, когда у них
есть здесь тыл, их нельзя будет выбить
отсюда. Что может остановить их? Уже
точно не люди, подобные Заркону. Их не
остановит даже магия, по крайней мере,
та, которую он видел.

Решившись попытаться сделать

хоть что-нибудь перед смертью, Заркон со всей силой метнул копьё — но, хотя он знал, что погибнет через несколько секунд, он не смог заставить себя высунуть голову из-за укрытия на достаточное время, чтобы прицелиться. Он услышал, как наконечник копья ударил по твёрдому металлу, и понял, что копьё отскочило от брони машины, не причинив никакого вреда.

Даже если бы он рискнул и поднял голову, было крайне маловероятно, что он смог бы сделать что-то большее, но когда он увидел, как обрушился последний кусок стены, и понял, что сейчас его разорвет на куски, он проклял себя за свою неудачу.

Конечно, когда он умер, уже не имело ни малейшего значения, какая последняя мысль мелькнула в его разуме, или какое чувство волновало его сердце. У Гүльзакандре и ее богу не послужило бы лучше, если бы он умер с молитвой на устах или с тщетной надеждой в сердце, что намерения захватчиков не настолько жестоки, как предсказывала Мудрость Сновидцев.

Когда оторванная голова Заркона

упала на землю, в пропитанную кровью пыль, уже не имело значения, была его судьба лишь его судьбой, или она являлась собой нечто большее -- символ судьбы всего континента. Не осталось никого, кто мог бы это видеть, лишь неумолительно наступающие вражеские стрелки, а они слишком часто видели подобное, чтобы обращать хоть какое-то внимание на еще одну смерть.

Если бы захватчики имели лучшее представление о том, кто они и за что они сражаются, они, вероятно, сочли бы смерть Заркона еще менее достойной внимания.

Убо что может значить смерть лишь одного человека на лишь одной планете в сравнении с театром военных действий, охватившим четыреста миллиардов звезд, и войной, которая может длиться еще миллиард лет, и так и не будет выиграна?

ГЛАВА 1

ДАФАН сидел под деревом гомбени на холме Металион, когда заметил огромные клубы пыли далеко в Янтарной

Пустоши. И как только он увидал их, то сразу понял, что в них есть что-то странное. Он часто видел всадников, ехавших к деревне с того направления, обычно это были конники, скачущие рысью или галопом, или медленно двигавшиеся караваны вьючных камулов. Дважды он видел, камулов, скачущих намного быстрее, когда караван преследовали разбойники, но даже тогда они не поднимали столько пыли, как то, приближалось к деревне сейчас.

Он с тревогой сказал себе, что, может быть, это какой-то необычный ветер. Возможно, начало сильной бури или даже землетрясения.

Дафану было только пятнадцать лет, и он еще никогда не видел землетрясений, хотя слышал о них. Он успел пережить сотню песчаных бурь, но такого он тоже не видел. Правда, он по-настоящему не видел и того, как буря начинается, поэтому не мог быть уверен, что она не начинается именно так.

Так или иначе, это было что-то новое, и оно заслуживало внимания. Дафан

встал и вышел из тени кроны дерева домбени, заслонив рукой глаза от полуденного солнца и всматриваясь вдаль.

Янтарная Пустошь была не лучшим местом для путешественников. Кристаллические песчинки, сделавшие землю пустоши непригодной для растений, были твердыми и острыми, и если особенно крупная песчинка застревала меж подушкой и копытом лошади, она могла проколоть роговую часть копыта и вонзиться в мягкую плоть за ним. Камулы, копыта которых, казалось, были мягче, и которые всегда охотнее жили в пустынях, чем делили территорию с людьми, были лучше приспособлены природой к таким условиям, но даже они предпочитали местность, расположенную выше и с более твердой почвой, регулярно, хотя чаще всего недостаточно, продуваемой ветром. Но этой причине Янтарную Пустошь пересекали тропы, по которым следовали все опытные путешественники. Тучи пыли, которые видел Дафан, поднимались широко и беспорядочно, должно быть, их поднимает ветер.

Ули...?

Дафан ощутил странное, вызывающее тошноту чувство где-то в животе, и подумал, не может ли это быть предчувствие. Раньше он никогда не ощущал предчувствий -- хотя пытался -- и не знал, на что они похожи. Он часто спрашивал Гициллу, которая испытывала предчувствия все время, но она не могла дать ему ясный ответ. Гицилла испытывала так много предчувствий, что даже паптер Салмана, местный священник, объявил ее восприимчивой и готовил ее к раннему посвящению в Таинства -- но это для него не стало неожиданностью, принимая во внимание, что ее семья находилась в дальнем родстве с семьей Гавалона, самого могущественного Повелителя Шабаши во всей Гүльзакандре.

Дафан и Гицилла были близкими друзьями с самого детства, но это было так лишь потому, что они родились почти одновременно. Теперь они были почти взрослые, и их жизненные пути неизбежно должны были разойтись и направить их к разным целям. Так было

бы, даже если бы Тицилла не проявила способностей Сновидца.

Охранного цвета тучи пыли поднимались все выше и выше, клубясь и вздымаясь столь необычно, словно они были живыми. Иногда Дафану казалось, что тучи сливаются в почти бесформенные очертания злобеще ухмыляющегося лица, но такие подобиya лишь обманывали, приводя в замешательство, когда Дафан пытался найти в них какой-то смысл.

В одной легенде говорилось, что давным-давно Янтарная Пустошь была совсем другим местом -- не пустыней, но поистине волшебной землей, настолько полной жизни, что даже камни там были живые. «Янтарь», из-за осколков которого пустошь была так названа, был, как говорилось в легенде, останками некоей экзотической формы жизни -- наполовину растительной и наполовину животной, которая обитала здесь до того, как появились люди. Она пыталась многочисленными существами, слишком толстыми для того, чтобы их можно было увидеть человеческим глазом, и, в свою

очередь, служила пищей для всех видов экзотических животных, из которых лишь немногим, оказавшимся полезным для человека -- в том числе камулам -- было позволено выжить. Возможно, это была правда, а возможно и нет; узнать это было невозможно, хотя Сновидцы иногда утверждали, что возвращались в то волшебное время в своих снах, и видели мир таким, каким его видели первые люди -- исключая, конечно, тот факт, что, по словам тех же Сновидцев, первые люди в мире были не самыми первыми, но лишь первыми прибывшими с какого-то другого мира, который, в свою очередь, был населен людьми, прибывшими откуда-то еще.

Согласно Мудрости Сновидцев, звезды в Великом Скоплении были солнцатами, и вокруг них вращались другие миры. Дафан сомневался в этом. Звезды, похожие на светлячков в ночном небе -- как они могут быть солнцатами? Если они действительно были далекими солнцатами, подобными великому светилу в небе над его головой, почему же столько странных и необычных оттенков в ночном сутраке? Мудрость

Сновидцев, несомненно, мудра, но в последнее время Дафан начал задумываться, умели ли его предки отличать ее от просто снов, которые могли быть у каждого человека.

Конечно, он держал такие мысли при себе. Было бы крайне не мудро сомневаться в Мудрости, к которой с уважением относились даже Повелители Шабашей.

Когда он, наконец, осознал, что он видит, рука, которой он защищал глаза от солнца, начала дрожать. Предчувствие или нет, тошнота в животе действительно была предупреждением.

Клубы пыли не были подняты какой-то странной бурей, не были они порождены и землетрясением. Они, как и все прочие клубы пыли, были подняты путешественниками -- но эти пришельцы ехали не на лошадях или камулах. У них были машины.

Рассказы путешественников о чудесных машинах Калазендры были совсем не то же самое, что легенды о времени до появления людей в мире или в дальних пределах Великого Скопления.

Рассказы о могучих машинах, способных пересекать пустыни, появились самое большее лишь несколько поколений назад, и были те люди, из-за которых возникли эти рассказы, первой волной пришельцев или же второй, мало кто сомневался, что они были пришельцами. Раньше эти люди никогда не появлялись в Янтарной Пустоши, но теперь они пересекали ее, и все слухи и рассказы о них совпадали в одном — что если эти пришельцы явятся сюда, они придут не как торговцы, и уж точно не как грузы.

Дафан был страшно испуган, но он знал, что должен преодолеть этот ужас. Ему было пятнадцать лет, и одна вещь пугала его больше, чем все остальное — что другие не будут принимать его всерьез, считая еще ребенком. Он был уже взрослым, и должен действовать как взрослый. Да, он мог проявить страх, но лишь если это страх, порожденный тревогой за других, а не парализующий ужас от мысли о том, что может случиться с ним. Да, он мог убежать, но не просто убежать, крича и плача от страха.

Он должен бежать к деревне, размахивая руками, чтобы никто не заметил, что они угрожают, и закричать, предупреждая об опасности, ясным и громким голосом.

Он повернулся и побежал в западном направлении, обратно к деревне, размахивая руками и крича об опасности, громким голосом, который был громким даже без внимания в истерику. То, что он двигался, помогло ему преобразовать энергию страха в адекватное действие, а не выражать страх по-детски.

Хотя путешественники, которые иногда проезжали через деревню, называли ее Огуенн, для Дафана и всех остальных ее жителей это была просто «деревня», так же как мир был просто «миром». Это было место, где жил он, и все остальные, кого он знал. Дафан думал, что он всю свою жизнь будет жить тут, станет ремесленником, плотником, может быть, кровельщиком или даже пекарем. Его отец давно умер, не успев научить его никакому ремеслу, и Дафан помогал всем и при этом не был ничьим учеником. Но деревня заботилась о своих, и вскоре для него нашлось бы

постоянное место. Сейчас же, совершенно внезапно, ему пришлось столкнуться с возможностью того, что все его планы на жизнь окажутся перечеркнуты, и деревня будет обращена в руины еще до заката.

У него были все основания испытывать страх. Разве это не самое ужасное, что может произойти?

- Улпериум! -- закричал он, сбегая по склону холма к проулку между фермой Неграта и кузницей. -- Улпериум идет!

Дафан не очень представлял себе, что такое Улпериум, но с детства его учили, что Улпериум -- главный враг, и худшее, что может случиться с его деревней и всей Гүльзакандрой -- нашествие Улпериума. Его также учили, что он сразу узнает нашествие Улпериума, потому что улперские войска придут на машинах. В его воображение это стало таким страшным, что он всегда представлял себе, как эти машины нахлынут тысячами, а управлять ими будут гиганты в два человеческих роста. Тот факт, что на самом деле машины оказались гораздо меньше, уже не имел

значения.

Просто произнесение вслух зловещего слова «Умперу́м», казалось, делало страшную угрозу реальной, и от одного его звучания на глазах Дафана выступили слезы.

- Умперу́м! -- взвыл он, изо всех сил пытаясь обратить пожирающий его страх в яростный гнев. -- Умперские машины едут по пустоши! Они будут здесь меньше чем за час!

Его крики мгновенно привлекли внимание, когда он бежал мимо кузницы и хижины кузнеца к домам с соломенными крышами вдоль дороги к деревенской площади. Кузнец, должно быть, был в конюшнях за кузницей, потому что его топка не горела, как не было огня и в печах для обжига, на которых обжигали горшки. Большинство людей, выскочивших на крик из таленких домов, были женщины и дети, потому что мужчины в основном работали в полях, но когда Дафан подбежал ближе к площади, где дома были не из глины, а из дерева, с плотными бревенчатыми крышами, ремесленники

побросали свои инструменты и побежали за женщинами. Плотник Каборн и пекарь Релф пробежали мимо Дафана, очевидно, натереваясь убедиться, правда ли то, что он видел -- имперские войска, но не выразили сомнений в словах Дафана, позволив ему бежать дальше, выкрикивая страшное предостережение.

Дафан знал, что если кто-то из услышавших его крик, и усомнится, правда ли это, сомнение не должно помешать действию. Одной лишь вероятности того, что это может быть правда, должно показаться достаточно, чтобы отбросить все повседневные дела. Каждый мужчина, у которого было оружие, должен вооружиться, а тот, у кого не было денег, чтобы купить лачете или лук, сделанный мастером, должен взять дубинку или вилы. В деревне было довольно мало денег -- местные ремесленники должны были сами изготавливать почти все, что могло понадобиться жителям -- но урожаи за пять из последних восьми лет были достаточно хороши, чтобы более богатые крестьяне могли продать излишки в

Мансине и Эльвеноре, и запас оружия в деревне отнюдь не ограничивался лопатами и кухонными ножами.

В разговорах деревенских мужчин, которые иногда подслушивал Дафан, упоминались слухи о том, что у Империума есть оружие, которое может стрелять молниями и жидким огнем. Говорили также, что имперские мастера в Калазендре разрабатывают ружья и строят заводы, чтобы производить более простое оружие, которое стреляет металлическими пулями и механические пушки, которые стреляют снарядами, похожими на укороченные стрелы.

Каждый ребенок в Гүльзакандре знал, что колесные металлические машины Империума могут двигаться быстрее лошади на скаку, но говорили также, что Империум обучает всадников, вооруженных копьями, и набирает на службу сукаров с дальнего юга, чтобы превратить их в массивных вьючных локсодонтов в живые боевые машины. Из этого можно сделать вывод, насколько мог понять Дафан, что у Империума не так много оружия, которое

стреляет молниями и жидким огнем, не слишком много и колесных машин, и возможностей их производить.

В этом случае, предполагал Дафан, с Улпериумом все же можно сражаться, даже тем примитивным оружием, которое было у охотников и крестьян. Может быть, Улпериум даже можно победить, если, конечно, в Гүльзакангре наберется достаточно охотников и крестьян, чтобы заставить захватчиков израсходовать свои лучшие боеприпасы и вынудить их к отступлению.

- Улпериум! -- кричал Дафан снова и снова, пробегая через площадь и по улице между рядами довольных бедных домов, направляясь к хижинам, о жителях которых говорили, что их животные спят на более чистой соломе, чем они сами. Даже эти недостойные заслуживают того, чтобы быть предупрежденными об опасности. Даже те крестьяне, о которых говорят, что они слишком любят пиво, которое варят их жены, чтобы быть хорошими работниками, даже они будут сражаться со всей яростью, защищая свой

дом.

К этому времени Дафан с радостью почувствовал, что его страх действительно обратился в гнев, и что волнение, наполняющее его кровь, было на три четверти яростным стремлением сражаться и лишь на одну -- побуждением бежать.

- Вооружайтесь против Империи! -- кричал он, и другие подхватили его крик. Теперь Каборн и Релф увидели то же, что увидел он.

Увы, инстинкты Дафана недолго могли поддерживать в нем храбрость, когда он увидел свою маленькую хижину и мать, спешившую встретить его. Другие люди звали его мать Орой, но для него она была просто мамой, и в ее присутствии одних слов было недостаточно, чтобы поддерживать ярость. В ее присутствии он всегда был ребенком, даже если бы он был сорокалетним стариком, а она сама каким-то чудом дожила бы до почтенного возраста в пятьдесят пять лет.

- Дафан! -- воскликнула она. Она не пыталась сдержать слезы и превратить

своей ужас в гнев. Она не спрашивала его, правда ли это, потому что верила ему. Она слышала его, когда он был еще у кузницы, и уже думала, что делать дальше -- но она была настроена бежать, а не сражаться.

- Мне нужен клинок! -- закричал Дафан, но он уже знал, бесполезно было надеяться, что мать сможет найти клинок для него.

- Беги! -- сказала она. -- Беги к патеру Салтане. Ты должен помочь ему с детьми. Он знает, где их спрятать.

Но крайней мере, у нее хватило ума и вежливости -- направить его на помощь детям, а не причислять к ним, но все же это не дело для настоящего мужчины.

- Я должен найти оружие, - выдохнул он, останавливаясь и переводя дыхание. -- Надо защитить деревню.

- Мужчины будут защищать ее... как смогут, - сказала она. -- Но прежде всего надо защитить детей. Это самое важное. Уди к патеру Салтане -- ему тоже нужна помощь мужчин. Уди!

Дафан не успел ответить, потому что за его плечом уже стоял Канак, староста деревни, спрашивая, что именно Дафан видел. Канак уже держал в руке клинок — пожалуй, единственный клинок в деревне, который можно было действительно назвать мечом. Хотя в деревне еще десяток мужчин претендовали на звание владельцев мечей, но они явно были слишком высокого мнения о своих мече. Многие крестьяне носили ножи гораздо большего размера, чем было необходимо, чтобы резать хлеб и мясо, но столовый нож Дафана был слишком маленьким, с клинком не больше пальца, подходящим только для ребенка.

- Ясно видел шесть машин, - сказал Дафан, хотя «ясно» было преувеличением, но там было еще много, их скрыло облако пыли. Пыли было столько, что там, наверное, не меньше двадцати машин, а может и больше тридцати. Они мчались быстрее, чем самая быстрая лошадь. В часе пути отсюда, а может быть и меньше. Эти холмы могут замедлить усталую лошадь, но для машин они не

презрада.

Канакү больше не нужно было ничего знать, и не было времени благодарить Дафана за информацию. Он уже отвернулся, выкрикивая приказы, но дав несколько указаний своим товарищам-старейшинам, он снова обернулся, чтобы отдать приказ Дафану.

- Помоги Салтане! -- сказал он. --
Отведите детей в пещеру.

- Мне нужно оружие, - сказал Дафан.

- Лишнего не осталось, - бросил староста, уходя.

- Ты слышал, - сказала Ора. -- Угу!

- А ты? -- спросил Дафан, его голос снова стал тихим.

- У меня еще много работы.

Эту фразу она говорила тысячу раз или даже больше, но раньше она всегда имела в виду повседневную работу, которую обычно делали все деревенские женщины день за днем; работу, которая была необходима, чтобы поддерживать жизнь в деревне. Сегодня же Ора имела в виду, что она должна сделать все возможное, чтобы сохранить то, что

можно сохранить, чтобы обеспечить жизнь после бедствия -- если, конечно, после этого бедствия еще будет возможна жизнь.

Как и все остальные, она должна надеяться, что жизнь будет возможна -- но что же иначе рассчитывать? -- но должна понимать, что, может быть и нет...

Дафан бросился к дому патера Салтаны. Дети со всей деревни уже сбегались к дому священника, и впереди и позади него. Как и все жители, Дафан точно знал, сколько детей в деревне: двадцать семь. В это число не входили грудные младенцы, но входили малыши, которые лишь недавно научились ходить, и едва ли смогли бы бежать, не отставая от старших. Их придется нести; некоторых понесут 11-12-летние, некоторых мужчины -- такие, как Дафан и патер Салтана, а некоторых незамужние женщины.

Когда Дафан подбежал к дому священника, Гицилла была уже там, распоряжаясь и организуя эвакуацию. Не тратя время на приветствия, она сунула в

руки Дафану двухлетнего мальчика. Это был Хойюм, сын старосты Канака: двойная ответственность.

Какой смысл в даре предчувствия Тициллы, думал Дафан, если он не смог предупредить о такой страшной угрозе, как атака Умперуума? В чем ценность Мудрости Сновидцев, если она не может предсказать конец света? Где вечно восхваляемая щедрость всемогущего бога Гүльзакандры, если все жертвы, принесенные ему в прошлом, служили лишь тому, чтобы продолжать тяжелую, полную трудов и лишений жизнь, которую вели все деревенские жители, тогда как их злейшие враги жили в огромных городах, таких, как легендарный Состенүто, владея разнообразными чудесными машинами?

Конечно, такие мысли были ужасными и изменническими, но Дафан абсолютно не мог поверить, что они были чем-то странным.

Это были вопросы, которые каждый человек должен задавать себе.

Конечно, это были вопросы, которые

если кто-то и остеливался когда-то
задать вслух, то лишь самым близким
людям. Намер Салтана, который,
вероятно, для каждого в деревне был
близким человеком, слышал такие
вопросы, наверное, сотни раз, хотя и не от
Дафана, который признавался лишь в
менее важных сомнениях, и то лишь
Тицилле, обещавшей хранить это в тайне,
и она держала свое обещание.

Когда Салтана повел группу на запад
от деревни, маленький Хойюм начал
плакать. Он плакал не один, и все
остальные плакавшие дети были старше
него, но Хойюм уже достаточно вырос,
чтобы понимать, что он сын старосты, и
что плакать стыдно. Малыш так храбро
пытался сдерживать слезы, что Дафан не
решился солгать ему, чтобы утешить.
Дафан чувствовал, что должен сказать
ребенку, что все будет хорошо, но еще
сильнее он чувствовал, что эти слова
будут ложью, а он не хотел быть лжецом,
даже ради того, чтобы утешить
маленького сына Канака.

Пока они шли через деревенские сады

к опушке леса, Тицилла спросила Дафана, сколько имперских войск он видел. Дафан повторил то же, что сказал Канакү.

- Так много! -- воскликнула она. -- Это целая армия!

Она имела в виду, что двадцать машин могут взять сто пятьдесят бойцов. А в деревне было не больше ста тридцати мужчин, и то если крестьяне с отдаленных ферм успеют подойти вовремя -- но Дафан знал, что из-за разницы в вооружении это приблизительное равенство сил не значит ничего. Если у захватчиков есть оружие, стреляющее огнем и молниями, о котором Дафан слышал столько историй, им не нужно быть гигантами, чтобы перебить жителей деревни, вооруженных только дубинками и вилами.

- Двадцать машин -- это не армия, -- сказал патер Салтана, оглянувшись через плечо. -- Это просто налетчики. Я слышал, гораздо большее войско вторглось в Гүльзакандру на севере, но даже оно -- лишь часть всех сил захватчиков. Боюсь, что это то самое вторжение, о котором

Сновидцы Мудрости предупреждали уже давно. Если так, главные силы имперской армии будут следовать за переговорами частями даже не на лошадях и камулах, а своим ходом -- со скоростью марширующей пехоты. Захватчики начнут с того, что создадут ряд береговых плацдармов и баз снабжения, но главная их цель -- уничтожить всех нас. Мы должны не позволить им создать базу здесь. Если Канак сможет опустошить амбары и поджечь поля...

Дафан мог закончить фразу патера Салтаны так же легко, как мысль Тициллы. Если Канак сможет уничтожить запасы еды в деревне, это лишит захватчиков про довольствия, которое понадобится им в предстоящие недели и месяцы -- потому что едва ли они могли взять с собой много еды после пути по бесплодным и безводным пространствам Янтарной Пустоши. Но если Канак это сделает, захватчики, несомненно, заставят деревню заплатить за это кровью.

Если жители деревни сожгут поля,

Империиум сожжет их. Впрочем, если то, что говорят о захватчиках — правда, жителей деревни истребят в любом случае.

Патер Салмана ссылался на мудрость Сновидцев, когда сказал, что главная цель захватчиков — перебить всех людей Гүльзакандры до последнего. Похоже, что Империиум ненавидел верующих в бога Гүльзакандры, который, вероятно, был смертельным врагом главного бога имперцев и «всего, что воплощал собой Империиум».

Дафан не имел ни малейшего представления, что воплощал собой Империиум, или почему боги были врагами, но он понимал, что грабители и убийцы всегда любили оправдывать свои действия. Он никогда не слышал о человеке, который хотел бы, чтобы его считали злом, неважно насколько жестокими и разрушительными могли быть его действия. Чтобы оправдать эту резню, Империиум, конечно, должен заявить, что бог Гүльзакандры был злым богом, совершенно не заслуживающим поклонения.

- Если здесь для них не останется ничего ценного, - трачно сказал Дафан, - по крайней мере, они уйдут. А мы будем молиться, чтобы они не возвращались всю оставшуюся жизнь или даже больше.

- Если бы это было так просто, - сказал патер Салтана. - Если они пересекли Янтарную Пустошь большими силами и послали машины с солдатами на север и на юг, им понадобится база где-то поблизости. И если они решат, что Огуенна хорошо расположена, чтобы служить базой, они останутся здесь на всю жизнь... или даже больше.

- И что же тогда делать нам? - спросила Гицилла. - Если кто-нибудь из нас еще останется в живых?

ГЛАВА 2

ХОТЯ АРМИЯ Гавалона, столь поспешно созданная, едва начала собираться, не говоря уж о том, что ни разу не участвовала в бою, шум и злобное лагерь уже становились непереносимыми. В лагере было слишком много звероловцев, да и обычных людей, которые были почти столь же нечистоплотны.

Если бы профессия колдуня была менее сурова к своим приверженцам, человек вроде Гавалона был бы защищен от всех этих мерзких запахов, а еще лучше, если бы зловоние звероловней превращалось в тонкий аромат, но мир был суровым местом, даже для вернейшего слуги истинного бога. В конце концов, Гавалону пришлось выйти из своей палатки в поисках свежего воздуха, но такового он не нашел.

Чтобы отвлечься от шума и вони, Гавалон поднял глаза, посмотрев -- с немалой долей гордости и некоторой тревогой -- на знамя, реявшее над его разноцветной палаткой, заметно выделявшееся даже на фоне безоблачного ярко-фиолетового неба. На знамени был изображен огромный глаз, окаймленный красным, с пурпурной оболочкой, окружавшей огромный черный зрачок. Из центра зрачка изливался поток белого огня, расширявшийся в луч, почти столько же широкий, как кайма знамени.

Сейчас знамя не было магически активным, но даже так оно выглядело

угрожающе.

Глаз на знамени был Всевидящим Оком, Губительным Оком, чей взор разрывал разум людей и выжигал в нем все мысли без остатка, когда зная приводилось в действие.

Зная было больше чем оружием -- оно было грозным символом силы и власти Гавалона. Это был символ самого могущественного колдуна Гүльзакангры, а это значило и самого могущественного во всем мире.

Каждому, кто слышал его имя, он был известен как Гавалон Великий, хотя его враги добавляли к имени Гавалона куда менее лестные эпитеты -- пока не были уничтожены.

Если верить легендам, пять веков назад сильнейший колдун Гүльзакангры был самым маленьким из пяти пальцев на руке, каждый палец которой символизировал одну из пяти цивилизаций, населявших три континента этого мира. Но четыре века назад звезды замедлили свое бесконечное движение в ночном небе, и Империя спустился с небес

потоком огненных метеоров.

За десять лет, как слышал Гавалон, Империя полностью завоевала Калазендру, а спустя еще двадцать пять лет, другие три цивилизации -- Зенгатора, Бүлзавара и Ёвелькана -- стали лишь марионетками, рабами имперского закона. Только Зенгатора имела сухопутную границу с Калазендрой, но моря, разделявшие континенты, не смогли стать защитой для Бүлзавара и Ёвелькана, или острова Мелмайака, расположенного на полпути между самым западным мысом Калазендры и восточной оконечностью Гүльзакандры. Только разрывы моря и высокие горы с пустынями, разделявшие пространство между Ёвельканой и Гүльзакандрой, защищали родину Гавалона от вторжения... до сих пор.

Наконец, время пришло. Ёвельканские наемники высаживались в береговых районах Гүльзакандры на дальнем западе, флоты Зенгаторы, базирясь на острове Мелмайака, блокировали восточные порты, а силы, оставшиеся от некогда всемогущих имперских войск, нанесли удар

на запад, через пустыни, чтобы проникнуть в самое сердце Гүльзакандры.

Вполне разумная стратегия. За столетия -- если не тысячелетия -- до вторжения Улперулта, люди Гүльзакандры создавали оборонительные сооружения, чтобы противостоять нападениям мелмайакских пиратов и йевелканских разбойников. Центр страны, окруженный пустынями, никогда не нуждался в серьезных укреплениях. Лишь караваны катүлов могли пересекать пустыни, люди на выносливых лошадях могли взять с собой достаточно воды, чтобы хватило на путь через пустыню, но лишь при минимуме остального груза. Обычная же армия, отягощенная оружием и снаряжением, не могла преодолеть пустыню и после этого быть в состоянии сражаться. На такое была способна только улперская армия, а у Улперулта еще больше двухсот лет были более важные дела.

Теперь же, за исключением нескольких островов, населенных дикарями, Гүльзакандра была последней

страной в мире, сопротивлявшейся имперскому закону; последней страной, где открыто проповедовалась истинная вера, и публично исполнялись ее обряды. Еще остались колдуньи в Ёвелькане, Зенгаторе и Бүлзаваре -- и несколько даже в Калазенгре -- но они были вынуждены вести свою деятельность в строжайшей секретности. Никто из них не мог добиться такого преимущества над своими коллегами, которое позволило Гавалону называться Великим.

Знамена и штандарты развевались еще над дюжиной других палаток, расположенных на возвышении, но на этих знаменах были не глаза, а открытые руки. Некоторые из этих рук несли пылающие черепки, другие были украшены змееподобными узорами, но знак Губительного Ока Гавалон сохранил за собой. Его рабы-колдуньи и его звероловы носили разные версии этой эмблемы, обозначавшей их принадлежность к личной свите Гавалона, хотя менее ценные слуги обходились тем же клеймом в виде кольца, что и все остальное пушечное мясо.

Гавалон уже начал думать о большей части своей армии как о пушечном мясе, хотя до этого они никогда не видели пушек. Невероятно мощное оружие, которое привезли с собой имперцы во время своей эпохальной высадки, сейчас, по слухам, осталось уже почти без боеприпасов, но его владельцы использовали свое преимущество по максимуму. Пушки, производимые на заводах Калазендры, были далеко не таким грозным оружием, как их предшественники, привезенные со звездных миров, но все же это были пушки. В Гүльзакандре не было ничего, что можно было бы им противопоставить — за исключением, конечно же, магии.

Если Империя можно остановить, на это способна только магия.

Гавалон искренне уважал магию и верил в нее — как могло быть иначе, ведь он был величайшим колдуном в Гүльзакандре? — но он уважал и историю, а из истории он знал, что магия не спасла колдунов Калазендры от имперской огневой мощи, как не смогла предотвратить ряд измен и предательств, приведших

Зенгатору, Бүлзавару и Цевелкану по имперское изго.

Но каким-то причинам бог, который был богом всех пяти великих цивилизаций, решил в своей непостижимо таинственной манере позволить своим детям терпеть поражение за поражением, хотя едва имперские корабли успели приземлиться, звезды снова начали свое бесконечное кружение в ночном небе, словно множество разноцветных рыбок. Больше не прилетали корабли, чтобы доставить подкрепление первой волне захватчиков -- и, если бог Гүльзакандры будет милостив, они больше никогда не прилетят -- но те захватчики, что прилетели, уже успели причинить множество бед.

Теперь ход событий должен измениться, если он вообще должен измениться -- но если перемены наступят, они наступят со всей беспощадной яростью, на которую способен разгневанный бог Гүльзакандры.

Возможно, думал Гавалон, именно так его божественный повелитель и предпочитал разыгрывать свою игру -- ибо

что для богов жизнь, да и все остальное во
вселенной, как не игра? Несчастья этого
мира, если посмотреть в правильном
свете, были ступенями к славе самого
Гавалона. Гүльзакангра была наименьшей
из пяти великих цивилизаций, самым
маленьким пальцем на могучей руке,
теперь же она стала бьющимся сердцем
поклонения истинному богу во всем этом
мире, и ее верховным колдуном был
Гавалон Великий, Гавалон Заклинатель,
Гавалон Хранитель Сосуда; короче,
Гавалон Проводник Будущего.

И, словно услышав эти мысли, Сосуд --
чье имя было Нитиан -- вышел из палатки
за своим хранителем, нүгливо оглядываясь
на звероловцев, охранявших вход в палатку.
Они были невероятно уродливы даже для
звероловцев -- с огромными лохматыми и
рогатыми головами как у яков, и ногами
как у страусов -- но не было никакой
причины, почему Сосуд должен был бояться
их.

Возможно, это была еще одна из
маленьких шуток бога -- заставить
Нитиана бояться столь многого, а

возможно, была в этом какая-то цель, которой Гавалон еще не понимал.

Даже Гавалон Великий был лишь смертным -- по крайней мере, пока -- но кто знает, кем однажды может стать слуга истинного бога при благоприятных обстоятельствах?

- Началось, - сказал Нитиан. Мальчик явно опять долго спал, как обычно все Сновидцы Мудрости, но теперь, когда он проснулся, было в нем что-то, что приводило в замешательство обычного человека. Даже самые безобидные из Сновидцев внушали страх остальным людям, а Нитиан, несмотря на свою кажущуюся слабость и пугливост, отнюдь не был самым безобидным.

- Конечно, началось, - сказал Гавалон. -- Зачем бы я взял на себя труд собирать армию, если бы не началась последняя стадия? Это не то, чем занимаются ради развлечения. Ты не представляешь себе, сколько работы требуется, чтобы организовать армию, даже если ее солдаты лишь сидят и ждут и приказов, как им поступать, когда они пойдут

навстречу врагу.

На самом деле, думал он, труднее поддерживать организацию армии на отдыхе, чем на марше, из-за неизбежных проблем со снабжением и санитарией, но не было смысла объяснять все это Нитиану. Сосуду было тринадцать лет, и ему не было суждено стать ни на день старше -- впрочем, ему не было суждено и умереть, во всяком случае, в обычном смысле слова.

Что же касается того, кто придет, чтобы занять Сосуд... он, вероятно -- хотелось бы надеяться -- не будет нуждаться в объяснении мирских вещей.

Вероятно...

Хотелось бы надеяться...

Гавалон нахмурил брови, сознавая, насколько затруднительно это неведение. Он не представлял, какие объяснения могут понадобиться существу, которое он собирался призвать. Но эта тень сомнения быстро рассеялась. Верный слуга Изменяющего Пути во многом должен рассчитывать на вероятности и предположения -- и прикинуться с

неизбежным неведением.

Что есть вера как не цемент, скрепляющий кирпичи уверенности, и что есть надежда как не проект, по которому строится все здание?

- Мы не должны быть здесь, - дерзко сказал Нилуан. - Это не то место, а время скоро придет.

- Когда придет время, - ответил Гавалон, - мы будем именно там, где должны быть. Сегодня же я собираюсь быть здесь. Я командующий этого воинства, и меня должны видеть. Должны видеть мое знамя и меня под ним. Я - живой символ Губительного Ока, и ритуал - не единственный мой долг, хотя и главный.

Нилуан остотрелся вокруг, глядя на суетившихся по лагерю людей и звероловцев. Гавалон предположил, что мальчишка думает о том, что едва ли у одного из десяти найдется время оглянуться на его знамя или на его лицо -- и даже те, у кого есть время, предпочтут не оглядываться. В идеале знамя Губительного Ока должно быть сделано из магически оживленной кожи, собранной с

убитого врага, но возможности сделать такое еще не представилось. В любом случае, выдубленная кожа катұла была куда прочнее шкуры любого из животных, которых, если верить легендам, привезли сюда люди, когда впервые прибыли на этот мир, за тысячи лет до того, как имперские корабли доказали скептикам, что действительно есть другие миры, вращающиеся вокруг других солнц, и что действительно может существовать миллион миров, населенных людьми.

Из кожи катұла или нет, зная Губительного Ока было грозным оружием и имело устрашающий вид, даже в состоянии покоя. Неудивительно, что лишь немногие люди или звероловы остеливались смотреть на него. Когда придет время свернуть яркие палатки и облачиться в броню, все, призванные в это войско, хорошо запомнят страшное зная. Они пойдут в бой так, словно ужасное Око - и сам Гавалон - еще взирают на них.

Гавалон прекрасно знал, что годы превратили его в нечто почти столь же устрашающее, как его зная. Быть

проводником темной магии его бога означало тяжкие испытания для плоти, но Гавалон не жаловался ни в малейшей степени. В те дни, когда он еще не был Гавалоном Великим, он мог считаться всего лишь уродливым, но теперь никто не постел бы применить к нему слова «всего лишь» даже в мыслях. Теперь его уродство было грозным и потрясающим, даже возвышенным. Те, кто не знал его, могли принять его за одного из звероловцев, хотя его ноги по-прежнему нуждались в обуви, и никто не знал, как называется тот жуткий зверь, чью голову он сейчас носил.

- Не обязательно долго смотреть, чтобы увидеть, - сказал Гавалон. - Человек, с которым следует считаться, останется в памяти, даже если его видели долю секунды и краем глаза. Человек, который есть нечто большее, чем просто человек, остается в памяти даже у тех, кто не осознавал, что видел его, кому он казался лишь частью ночного кошмара: силуэт во мраке или в туче пыли, но ничего более отчетливого. Не сомневайся, мое присутствие здесь общеизвестно и

ощутило -- и оно останется таковым, когда я должен буду удалиться, дабы завершить ритуал, который решит судьбу этого мира.

- Дабы, дабы, - пробормотал Нумиан, словно это было некое ругательство. Мальчик подпрыгивал, словно ему хотелось справиться с нуждой -- но сила, управлявшая им, была гораздо древнее человеческих побуждений. По правде говоря, Сосуд являл собой неожиданно жалкое зрелище -- низкого роста, мощи и уродливый. Однако Гавалон знал, что из самых уродливых личинок получались самые сильные огро-мухи и самые красивые гневные тотильки. Даже мегаскарабеи начинали жизнь жалкими червями-личинками -- и чем было преобразование столь ничтожных существ, как не живым свидетельством священной изменчивости всемогущего бога, Изменяющего Пути?

Гавалон сделал знак группе звероловцев, усевшихся в круг и старательно, хоть и не слишком уютно, точивших копыта. Первый из откликнувшихся был лишь немного менее

глуп, чем остальные, но, по крайней мере, ему можно было доверить передать приказ.

- Приготовьтесь, - сказал Гавалон. -

Сосуд уходит через час.

Зверочеловек лишь зарычал, его бычья глотка была плохо приспособлена для какого-либо иного способа ответа, но Гавалон был уверен, что его воля будет исполнена. Большим достоинством глупости было то, что ее так легко превратить в верность. Возможно, зверочеловек куда менее способен вести беседу, чем даже глупец вроде Нилуана, но любой из его свиты готов закрыть собой повелителя от смертоносного снаряда, или атаковать танк, вооружившись лишь копьем, если когда-либо возникнет ситуация, требующая такой бесполезной жертвы. Если бы Нилуан не был Сосудом, Гавалон не доверил бы глупому мальчишке даже принести кружку воды из колодца.

Подождал человек-капитан с пергаментной картой в руках, и доложил, что два сигнальных огня замечены на северо-востоке -- знак, что обнаружен

противник. Гавалон выругался. Ударные части Церия Фүльбры двигались куда быстрее, чем кто-либо мог предполагать. Гавалону и так уже было не по себе. Его Сновидцы сообщили, что вторая группировка противника обходит южную границу Янтарной Пустоши, и -- что это вызывало еще большую тревогу -- похоже, что третья группировка пересекает напрямик саму Янтарную Пустошь. Если часть этой третьей группировки каким-то образом сможет достигнуть места, где должен быть проведен ритуал, до того, как преображение Нилуана завершится...

Возможно ли, думал Гавалон, что у Империи есть псайкеры достаточно сильные, чтобы узнать о его планах, и так называемые инквизиторы, достаточно умные, чтобы должным образом использовать полученную информацию? Гораздо более вероятно, что имперские солдаты, пересекающие Янтарную Пустошь, лишь намереваюсь создать базу. Но даже в этом случае они могут доставить много проблем.

Капитан разложил карту, чтобы

Гавалон взглянул на нее, и указал на ней позиции авангарда Фүльбры и главных сил, двигавшихся за ним -- но Гавалону было более интересно направление третьей группировки.

- Что это за деревня? -- спросил он. На карте, кроме Ринтры и Кемоша, лишь немногие пункты имели названия.

- Это Огуенн, мой лорд, - ответил капитан. -- Я был там как-то. Она маленькая, ее поля бедны, но там хороший колодец.

- Староста знает, что надо делать в случае нападения?

- Конечно. Но требовать от жителей деревни отравить собственный колодец все равно, что приказывать солдату зарезаться собственным мечом. Неважно, насколько он дисциплинирован...

- Хорошо, - резко сказал Гавалон. -- Ты должен вести армию на север и приготовиться встретить Фүльбру -- минимум в пятнадцати милях, возможно, в двадцати.

Глаза капитана потрачнели, но он не возражал. Несомненно, он думал, что было

безумием идти навстречу Фүльбре, и разумнее всего было бы вообще избегать решительного сражения -- но капитан не знал ничего о Сосуде и ритуале.

- Лучше оставить здесь резерв, добавил Гавалон. -- Пару сотен воинов. Скорее всего придется использовать их как подкрепления против Фүльбры, но, возможно, до этого нам понадобится как-то реагировать на присутствие третьей группировки.

Хотел бы он знать, сколько машин было в этой группировке, и какой огневой мощью они располагали, но его Сновидцы не смогли предоставить ему такие подробности.

- Да, повелитель, -- сказал капитан. -- Будет исполнено.

Он явно был несколько возмущен, что, как знал Гавалон, было частым явлением для солдат, которыми командовали колдуньи. Но когда начнется бой, он будет благодарен за помощь магии -- он тоже хорошо понимает, что весь этот грязный оборванный сброд, называемый войском, без помощи магии не продержится и десяти

минут против одного имперского взвода.

- Не волнуйся, капитан, - сказал Гавалон, не слишком пытаясь, чтобы его голос звучал уверенно или хотя бы искренне. - Никто не прикажет тебе зарезаться своим же мечом, даже если первые бои пройдут неудачно. Сейчас нельзя зря тратить жизни, даже во имя чести - а окончательный результат будет зависеть от сил, от тебя не зависящих.

- Я знаю, - трючно сказал капитан, покосившись на Сосуд. Взгляд едва не задержался на нем, но было что-то в с виду невинной внешности Нитиана, что не позволяло долго смотреть на него. Когда капитан опустил взгляд, он смотрел в землю, даже не пытаясь поднять глаза на Гавалона или на знамя.

- Нам суждено победить! - холодно сказал Гавалон. - Гүльзакангра спасет мир. Мы - возлюбленные дети Изменяющего Пути, и мы станем орудием возмездия захватчикам.

- Мой лорд, - сказал капитан, поворачиваясь и уходя. Если он и

сомневался в словах Гавалона, то никак не проявил этого — но Гавалон хорошо знал, что этот человек, как и многие другие собравшиеся в лагере, должно быть, слышал, что существуют миллионы миров, подобных этому. Капитан, должно быть, думал, что если это действительно так, и если Изменяющий Пути проявляет внимание к каждому из них, какое право имеет жалкое племя каких-то туземцев считать себя его возлюбленными детьми или избранным оружием его возмездия.

«Но Божественный Комбинатор — воистину могущественный бог», сказал себе Гавалон. «Если он позволяет личинкам и червям становиться мегаскарабеями, огромными мухами и прекрасными мотыльками, почему он не позволит людям становиться его избранными чемпионами, или демонами, более сильными, чем взрывающиеся звезды? И если у него действительно есть любители среди людей, неужели я не один из них? Неужели я не заслуживаю его милости куда больше, чем это презренное ничтожество Нилуан, хоть он и Сосуд? Убо я все же Хранитель и

Заклинатель, Проводник Будущего. Я --
Избранный Божественного Комбинатора,
его Душа, его Чемпион».

Он верил в это, во-первых, потому,
что должен был верить, во-вторых - так
он должен был сказать себе -- потому что
это истина. В богов следует верить,
потому что они должны быть достойны
веры, потому что они боги. Это было
просто как дважды два.

ГЛАВА 3

ЛЕС был колючим, но почва была
слишком сухой и каменистой, чтобы
позволить деревьям расти густо, поэтому
было достаточно легко проходить между
деревьями. Большинство растений были
просто кустами, а листья на них были
тонкими и спорцеными, больше похожие
на иголки, чем на листья. Это было не
самое лучшее место, чтобы беглецы могли
здесь остаться незамеченными, пока мимо
проходят отряды яростных
преследователей, но это было место,
которое враги не стали бы обыскивать
слишком тщательно, если только у них не
было важной причины.

Патер Салтана вел группу своих
подопечных к пещере в одной из
крупнейших каменных скал в лесу. Должно
быть, изначально это была естественная
пещера, но ее явно углубляли
металлическими инструментами когда-то
в далеком прошлом -- в очень далеком
прошлом, задолго до того, как корабли
Империи упали с неба. Вход в нее был
плохо замаскирован, но в ней было
сухо и прохладно, и в нише в задней
стенке стояла бочка с водой. Как только
дети оказались в безопасности, укрывшись
в пещере, Дафан решил взобраться на
скалу и вести наблюдение за местностью.

- Ты не увидишь оттуда деревню, -
заметила Гицилла.

- Не увижу, - согласился Дафан, - но
смогу заметить дым от горящих домов
или полей, и замечу людей, идущих через
лес.

- Никто из них не войдет в лес, -
заверил его Салтана, хотя старик и сам
был не слишком уверен. -- Им придется
идти пешком, а они не оставят своих
машин. Возможно, они направятся сразу

на равнину, надеясь застать врасплох войска Гавалона, прежде чем они соберутся и приготовятся к бою.

- А если нет? -- хотел знать Дафан.

Салтана не ответил.

Тицилла сказала:

- Канак пошлет связного с новым...

И в этот момент они впервые услышали выстрелы. Этого звука им не доводилось слышать никогда раньше, но Дафан сразу понял что это. Первой его мыслью было сожаление, что он не задержался дома немного дольше, чтобы найти хоть что-нибудь, что могло служить как оружие. Но сразу же он осознал, что если хотя бы четверть того, что он слышал об оружии Умперуэма, было правдой, никакое оружие из того, что было в деревне, не потогло бы ее людям защититься. Ничто не могло противостоять огневой мощи Умперуэма, кроме магии, а с магией в деревне было не очень.

Собственно, вдруг понял Дафан, вся та магия, которой владела деревня, была сейчас здесь, в лице Салтаны и, возможно,

Тициллы. И это совсем не добавило ему уверенности. Патер Салтана, несомненно, был очень слабым колдунот, и даже если его мнение о даре Тициллы было верным, этот дар лишь едва начинал проявляться.

Когда Тицилла сказала ему, что однажды может стать Сновидцем Мудрости, сначала Дафан подумал, что это чужь. Но в последние недели он иногда замечал, что там, где она находится, словно веет холодом, и те подростки, которые не были с ней такими друзьями, как он, стали испытывать страх в ее присутствии.

- Я все равно полезу, - сказал Дафан. - Хочу посмотреть, что бы там ни было.

Он не стал ждать дальнейшего продолжения спора, и начал взбираться на скалу. Подъем на вершину занял лишь десять минут, но от усилий он захыхался и вынужден был лечь отдохнуть на минутку-две, прежде чем встать рядом с искривленным стволом столетнего дерева, вытягивая шею, хотя знал, что даже самые высокие трубы в деревне не будут отсюда видны.

Он был прав насчет дыма. Высокие столбы дыма уже поднимались из полудюжины разных мест, и с каждой минутой появлялись новые. Дым к западу от деревни был сигналом, чтобы предупредить часовых на сторожевых башнях Мансина и Эльвенора о нападении врага. Все остальные дымы поднимались от горящей деревни, свидетельствуя о жестокости этого нападения.

Салтана, однако, ошибался, думая, что захватчики будут держаться рядом со своими машинами и не пойдут в лес. Уже были видны два злобующих силуэта, двигавшихся сквозь заросли.

Если бы имперские солдаты не оглядывались так внимательно по сторонам, словно ожидая увидеть за каждым деревом свирепых туземцев в засаде, они могли заметить Дафана на скале, прежде чем он спрятался за ствол дерева -- но Дафан не думал, что они его заметили. Спустя несколько ударов сердца он выглянул из-за дерева, намереваясь увидеть то, что можно было увидеть, и не быть при этом замеченным самому.

Форма, которую носили эти двое солдат, показалась Дафану лишь немного более незнакомой, чем одежда торговцев, а сами люди -- хотя явно были иностранцами -- оказались куда более обычными, чем он ожидал. Но у них было огнестрельное оружие: тяжелые ружья с широкими стволами, которые надо было нести в обеих руках. Дафан не знал, стреляют они снарядами или потоком огня, и совсем не хотел это узнать. Не знал он и зачем эти солдаты вошли в лес, если воины Канака и деревенские женщины бежали в каком-то другом направлении, только не в этом. Но даже если противник знал это, он, вероятно, решил не оставлять территорию неразведанной.

Враги были уже слишком близко, чтобы Дафан успел выкрикнуть предупреждение, не привлекая к себе их внимание, и он знал, что не сможет слезть со скалы незатеченным. В отчаянный момент он решил намеренно привлечь их внимание, в надежде, что он сможет отвлечь солдат и увести их от пещеры, как птица отвлекает волколуку.

от гнезда, но сразу же он отбросил эту мысль. Он не знал мощности и дальности стрельбы их оружия, и если ит понадобится лишь один выстрел, чтобы убить его, нет смысла делать себя тишенью.

Лучшее, что можно сделать, решил он, если это, конечно, возможно -- зайти и в тыл. Если они разделятся и разойдутся достаточно далеко, и если только он сумеет подкрасться к одному из них, застать врасплох, и если ударит своим маленьким ножом так, чтобы перерезать артерию...

Он отбросил и эту мысль. Это было глупо, потому что это было невозможно.

Он огляделся вокруг в поисках оружия, хоть какого-нибудь, но ничего не было. Упавшие ветви никогда не залеживались на земле слишком долго -- деревне все время были нужны дрова. Рядом лежало несколько камней подходящего размера, чтобы метнуть их, но они были слишком тяжелые, и понадобилось бы нечто большее, чем праща, чтобы они стали настоящими метательными снарядами. Все же он

подобрал пару камней, просто потому, что они оказались под рукой, лежа среди искривленных корней столетнего дерева.

Дафан никогда не чувствовал себя настолько беспомощным. Оставалось только надеяться, что враги пройдут мимо пещеры и не заподозрят, что в ней кто-то есть. Он очень надеялся, что Салтане и Гицилле хватит их скромных познаний в магии, чтобы успокоить детей и создать хоть какую-то маскировку.

Возможно, так бы и произошло, а возможно и нет, но события приняли другой оборот. Враги не увидели, чтобы кто-то из защитников деревни бежал в лес, но защитники деревни видели их, и понимали, чем это грозит. План, который Дафан отверг как невозможный, явно не казался таковым другим защитникам деревни, ибо за гвүтя вражескими солдатами уже незаметно гвигались двое преследователей, хорошо видные Дафану с его возвышения, но невидимые для врагов. Один из них был пекарь Релф, а другой — рабочий по имени Павот с фермы Тахири.

Увы, хотя они были еще не видны

захватчиком, не слышны они быть не могли.

Дафан увидел, как один из солдат вздрогнул и обернулся, и понял, что сейчас он закричит. Инстинктивно Дафан швырнул один из подобранных им камней, не в солдата, ибо это было бы бесполезно, но в крону дерева слева от него. Когда солдат закричал об опасности, камень произвел шум в колючих листьях и отвлек внимание врага от направления, в котором находилась настоящая опасность.

Не раздумывая, Дафан бросил второй камень в дерево справа от другого солдата и сразу же упал на колени, чтобы найти еще камней.

Схватив новый камень, Дафан бросал его подалее из всех сил, нигде особо не целясь. Он надеялся, что производимый им шум убедит врагов, что они окружены, и даже может быть, даст возможность их преследователям атаковать.

Солдаты не имели ни малейшего представления, сколько противников их может окружать, и как они вооружены. Скорее всего, до этого они даже не видели

таких деревьев, и не представляли, какие существа могут прятаться в таком лесу. Они не стали рисковать. Они подняли свое оружие, и оно извергло потоки огня.

Живые деревья были способны сопротивляться жару солнца и тому огню, который был у жителей деревни, но этот огонь был чем-то совсем другим. Кроны деревьев, в которые Дафан бросал камни, и еще два-три дерева рядом мгновенно превратились в огромные шары огня. Их стволы взрывались один за другим, рассыпая обломки горящего дерева во все стороны. Шум был ужасным, всепожирающим, ничего подобного Дафан раньше не слышал. Понадобилось только два выстрела, чтобы разгорелось пожарище, угрожающее поглотить весь лес, и два солдата поняли это почти мгновенно.

Они сделали то, что казалось им самым разумным. Они повернули назад.

Двое деревенских жителей, пытавшихся подкрасться к солдатам сзади, едва ли смогли бы подойти достаточно близко, чтобы использовать

свои ножи, но теперь их бы не услышали, и солдаты сами застали их врасплох, повернувшись к ним. Хотя их оружие и обладало большой огневой мощью, оно было довольно тяжелым и громоздким, и на секунду солдаты сами оказались уязвимы для атаки.

Релф и Павот бросились вперед, их клинки сверкнули красным в пламени пожара.

Имперские солдаты среагировали, но их первой реакцией было использовать свое тяжелое оружие как дубинки. Если бы у деревенских жителей были конья или хотя бы настоящие мечи, одного удара могло быть достаточно, но их ножи были короткими и приспособленными резать, а не колоть. Дафану показалось, что по крайней мере Релф нанес своему противнику достаточно серьезную рану, но ни один из крестьян не получил возможности ранить врага второй раз. Солдаты были хорошо обучены; их явно учили рукопашному бою.

Один солдат ударил стволом своего оружия в лицо Павота. Крестьянин был

крупным и сильным человеком, привычным к тяжелой работе, но не мог, получив такой удар, устоять на ногах. Он упал на спину, раскинув руки. Его кулак продолжал сжимать рукоять ножа, но клинок был бесполезен, пока Павот не смог бы встать на ноги. А он не смог: имперский солдат был слишком опытен в своем жестоком ремесле, чтобы упустить такую возможность — изо всей силы он ударил тяжелым стволом оружия в пах Павота.

Тем временем Релф получил такой удар в правую руку, что кости треснули. Он выронил нож, но все равно не смог бы им воспользоваться, даже если бы его онемевшие пальцы удержали рукоять. Второй удар стволom тяжелого огнемета сбил его с ног. Его падение было еще более тяжелым и болезненным, чем у его более крупного товарища.

Теперь, когда двое неудачливых охотников лежали на земле, имперские солдаты рассчитывали каждый следующий удар. Хотя они продолжали использовать свое странное оружие как примитивные дубинки, они наносили удары с беспощадной

эффективностью.

Дафан, глядя на конвульсивно дергающиеся тела и кровь, льющуюся на сухую землю, понимал, что его земляки больше не встанут. Не нужно было слишком много воображения, чтобы представить подобные сцены, повторяющиеся двадцать или тридцать раз. Он слышал выстрелы другого оружия, взрывающиеся и грохочущие; он слышал вдалеке крики, но в его разуме убийство его грузей и соседей было чередой бесконечных повторений того, что он видел только что: сильные солдаты, хорошо обученные и хорошо вооруженные, забивали до смерти беспомощных, ни в чем не повинных крестьян -- и, убив, добавляли еще несколько ударов, для большего унижения.

Тем временем дети уже бежали.

Салтана и Гицилла, должно быть, сразу поняли, что нельзя оставаться посреди лесного пожара, и, вероятно, решили, что лучший шанс на спасение -- бежать как можно быстрее в направлении, противоположном деревне -- на запад.

Дафан не знал, они решили рассеяться обдуманно, или это была просто паника, но они рассеялись.

Дафан осознал, что было бы лучше, если бы на имперских солдат не напали. Тогда они, вероятно, просто вернулись бы назад, не оглядываясь. А сейчас они все еще продолжали оглядываться в поисках других возможных угроз, когда дети попытались сбежать из пещеры.

Шум от горящих деревьев и звуки бойни в деревне были достаточно громкими, чтобы заглушить звук шагов, а густой дым уже завлакивал все непроницаемой завесой, но один из солдат все же что-то заметил, и бросился в том же направлении, что и беглецы. Его спутник, колебавшись, последовал за ним.

Густой дым, поднимавшийся над скалой, заставил Дафана слезть с ее края. Его глаза уже жгло, и понимая, что нужно найти более чистый воздух для дыхания, он тоже решил направиться на запад. Спускаясь по склону утеса, он знал, что, когда окажется в лесу, придется быть

очень осторожным.

Следующие десять минут прошли в сплошном смятении. Дети бежали из всех сил, но Дафан не решился поступить так же. Он был уже слишком далеко от них, но недостаточно далеко от солдат, которые гнались за ними. Нужно было двигаться тише, соблюдая все предосторожности, и Дафан, когда было возможно, прятался за стволы деревьев, несмотря на шипы, раздиравшие его лицо и руки.

К несчастью, огонь двигался почти с той же скоростью, что и Дафан. Он уже слышал страшный шум пожара позади, а легкое зловоние дыма становилось все более угдушливым.

Он услышал солдат еще до того, как увидел их, и первым, что он услышал, было слово:

- Нем!

Голос прозвучал слишком близко, и Дафан укрылся за необычно приземистым кустом, прежде чем осторожно выдвинуться в положение, из которого он мог разглядеть говорящего и того, с кем он говорит.

Один из солдат, истекавший кровью из ножевой раны в плече, доходящей до ключицы, стоял над патером Салтаной, лежавшим на земле и пытавшимся защитить маленького Хойюма. Казалось, что солдат собирался разтощить голову священнику своим оружием, пока его спутник приказал не делать этого.

Дафан был рад заметить, что второй вражеский солдат тоже ранен, хотя и легко -- его щека была разрезана ударом ножа, который пришелся меньше чем на ширину пальца от глаза.

- Взять его живым! -- сказал имперец с порезанной щекой, хотя, казалось, он сам был не уверен в правильности своего приказа. -- Разве не видишь, это кто-то вроде жреца. Посмотри на его лицо, если одежда ни о чем тебе не говорит. Нам может пригодиться информация, полученная от него.

- Зачем? -- спросил второй. Если он колдун, тем лучше убить поганого еретика сейчас!

Дафан понял, что голос второго солдата напряжен от тревоги, а причина,

по которой первый солдат не уверен в
правильности своего решения, была в том,
что он боялся: боялся патера Салтаны!
Дафан и сам боялся патера Салтаны, но
лишь так, как ученик может бояться
учителя. А это были сильные воины и
безжалостные убийцы. Почему же они
смотрели на старика с таким ужасом и
трепетом?

Дафан снова подумал о том
впечатлении, которое производила
Тицилла на тех, кто не знал ее так же
хорошо, как он. Может быть, долгое
знакомство уменьшило его страх перед
патером Салтаной, и старый священник
казался менее злобещим, чем был на самом
деле?

- Не будь дураком, - сказал первый
солдат, хотя в его голосе явно звучала
тревога. -- Нам нужна информация о
местности, если мы хотим создать здесь
базу снабжения, а остальные эти глупые
крестьяне наверняка ничего не знают. Нам
нужно все, что есть в его голове, и
вытянуть все это надо очень аккуратно.
Мы должны передать его инквизитору.

Дафан воспринял замечание о «глупых крестьянах» как личное оскорбление. Он достаточно слышал о жизни в городах, чтобы понять, что его земляки бедны, и слышал, как проезжавшие через деревню торговцы снисходительно говорили о невежестве тех, кто никогда не видел, что находится за горизонтом, но он совсем не был глуп. В деревне были свои ремесленники, заслуженно гордившиеся качеством своей работы, и даже ее пахари и пастухи знали больше, чем требовала их работа и религия.

- Что насчет ребенка? -- спросил солдат с раной в плече, хотя он наверняка уже знал ответ.

- Он нам не нужен.

Солдат с раненым плечом уже потянулся, чтобы выхватить Хойюта из рук Салтаны. Салтана не отдавал ребенка, но когда за него взялся и второй илперец, старый священник не мог сопротивляться.

Солдат с порезанной щекой, отобрав Хойюта, схватил его за ноги и, размахнувшись, разбил голову ребенка о

ствол дерева с такой силой, что шея хрустнула. Дафан отчетливо слышал ужасный треск, несмотря на шум лесного пожара.

- Дерьмо и скверна! - сказал солдат с раненым плечом, вцепившись в обтянутое тело Салтаны. - Отсюда нелегко будет выбраться даже без этого груза.

- Дай его мне, - приказал второй. - Ты пойдешь впереди. Только смотри, не заведи нас в дрягую засаду - и если снова придется стрелять, постарайся не сжечь все вокруг. Поидет туда, если обойдет пожар, сможешь легко выйти к деревне.

Солдат с раненым плечом не стал медлить, но, выходя вперед, спросил:

- А остальные?

- Они просто сопляки. Мы можем убрать их позже, если надо. Скорее всего, пожар покончит с большей их частью, а голод и жажда доделают остальное. Пока нам нужен вот этот. Если повезет, поймает еще нескольких, так что парочка для вопроса найдется. И женщины, конечно...

К тому времени, как он договорил, оба

солдата уже вышли из поля зрения Дафана.

Если бы у него было оружие, хоть какое-нибудь, Дафан последовал бы за ними. Но так у него хватило здравого смысла позволить им уйти. Он стоял над изувеченным телом Хойюта, чувствуя бессильную ярость -- более ужасную, чем любое другое чувство, которое он когда-либо испытывал.

Он не заметил, как сзади подошла Тицилла, пока она не коснулась его плеча. Дафан обернулся, отчасти желая, чтобы это был враг -- враг, с которым он мог бы сражаться.

Когда Дафан увидел, что она не враг, он опустил руки, но его кулаки были сжаты, ногти вонзились в ладони. Он вздрогнул, но не потому, что присутствие Тициллы пугало его -- по крайней мере, так он себе сказал.

- Мы должны идти, - сказала Тицилла, - как можно дальше и как можно быстрее -- в Эльвенор, если сможем найти дорогу. Мы должны сказать кому-то, кто сможет передать Гавалону, что

Империям создает здесь базу снабжения.
Это может быть важно.

- У нас не было ни шанса, - прошептал Дафан. -- Ни у кого из нас. Релф, Павом, патер Салтана -- мы все так же беспомощны, как Хойюм, всего лишь твари, которых можно убивать, или мучить, или...

Тицилла схватила его за руки и потянула.

- Если мы не уйдем, - сказала она, - мы станем мясом. Жареным мясом. Пошли!

Дафан знал, что она права. Но даже так ей пришлось вести его, и он не побежал, пока она его не заставила.

ГЛАВА 4

ОРЛОК МЕЛЬКАРТ стоял на балконе губернаторской резиденции в Имперской Башне, глядя сверху на город Состенуто, столицу Калазендры. Новости от Церия Фүльбры, переданные по сети вокс-станций, протянувшейся через толмира, были хороши.

Главные силы Фүльбры обошли Янтарную Пустошь с севера и юга, и части под его личным командованием

быстро продвигались вглубь Гүльзакандры. Захватчики не встретили серьезного сопротивления, и бронетехника Фүльбры с легкостью пробивалась через импровизированные заграждения, построенные, чтобы затормозить ее продвижение. Фүльбра оставил далеко позади свою кавалерию и локсодонтов, двигавшихся медленнее, но им предстояло еще много важной работы по зачистке местности за авангардом и охране маршрутов снабжения в Цевелкане.

Одновременно Фүльбра направил небольшую группу грузовиков прямо через Пустошь с приказом организовать пункт снабжения в маленькой деревне, обозначенной на картах как Огуенн. Мелькарт знал, что это решение поддерживал Раган Баалберит, чьи псайкеры якобы обнаружили признаки чего-то зловещего, назревающего в пустошах к западу от деревни, но это все были мелочи. Если Баалберит хотел, чтобы Фүльбра провел разведывательную операцию, обозначенную как операция «Зонг», пусть так -- это отвлекло бы его мысли от более

опасных вопросов.

Силы культистов, которые, казалось, не получили заблаговременного предупреждения с помощью магии, по данным разведки собирались вместе, хотя Фүльбра еще не выяснил где именно и каким вероятно мог быть их план кампании. Мелькарт, впрочем, не считал, что это имеет какое-то значение. Фүльбра скоро обрушится на них и сокрушит, даже если они смогут собрать десять тысяч бойцов. Многие из них неразумные и кое-как вооруженные звероловы; даже вооружение их рекрутов людей выглядит просто жалким.

Все шло по плану -- не по плану Фүльбры, но по его плану.

Через несколько недель он, Орлок Мелькарт, станет правителем этого мира: императором мира во всем, кроме Титүла. Состенүто станет столицей его Империиүла, который охватывает целый мир, над которым никогда не заходит солнце, и он сможет проехать по городу в триүтфальном шествии вместе с Фүльброй, торжествуя свое вознесение к

абсолютной власти. У него уже был наготове самолет, чтобы сначала лететь на поле боя после того, как будет одержана решающая победа -- а потом вернуться в Состенуто вместе с генералом, чтобы запомниться всем жителям Калазендры как признанный герой и великий вождь.

Мелькарт считал, что когда Гүльзакангра будет очищена, уцелевшие шабаши колдунов Бүлзавары, Ёвельканы и Зендаторы, изолированные и лишившиеся поддержки, станут легкой добычей для агентов и наемников Баалберита -- или, скорее, другого, более благоразумного человека, который к тому времени заменит Баалберита на посту Верховного Инквизитора.

Мелькарт на секунду задумался, не стоит ли полностью ликвидировать звание Верховного Инквизитора -- вместе с человеком, который его носит. Возможно, понятие «Верховного Инквизитора» включает в себе слишком много от Истинного Императора. Возможно, оно требует -- и, увы, получает -- слишком много уважения. Конечно, культистов надо

разыскивать и уничтожать. Они слишком
гнусны и нечисты, чтобы позволить им
жить, и их магия представляет угрозу для
Мирового Империя -- Империя
Мелькарта -- но Инквизиция Баалберита
слишком старательно хранит память об
Истинном Империи и его методы.
Возможно, пора заменить всю
организацию на нечто, более подходящее к
местным условиям. Тогда для Орлока
Мелькарта будет открыт путь к тому,
чтобы не только быть императором
фактически, но и называться им.

От претензии на этот титул
Мелькарта до сих пор останавливал не
этот факт, что Гүльзакангра еще не
завоевана, но скорее то, что это было бы
страшным оскорблением для внутреннего
круга инквизиторов Баалберита, их
агентов и союзников. Учитывая то, как
обычно работали инквизиторы, Мелькарт
не был уверен, насколько широк этот круг --
хотя был вполне уверен, что его члены,
несомненно, сочтут использование им
этого титула узурпацией и
богохульством, если он не уладит этот

вопрос исключительно тонко. Даже Баалберит был готов стерпеть тот факт, что аборигенам рекомендовалось называть политические учреждения и вооруженные силы, находившиеся в распоряжении Мелькарта, «Умнериумом», но это лишь потому, что инквизитор все еще рассматривал мировой Умнериум как всего лишь скромный инструмент, представляющий несравненно больший Умнериум: Умнериум, владеющий звездами. Однако тот Умнериум был — по мнению Орлока Мелькарта — всего лишь отдаленным воспоминанием, имеющим весьма слабое отношение к миру, который он знал.

Баалберит всегда настаивал на том, чтобы этот мир называли Сигматус, но Мелькарт предпочитал думать о нем как о просто мире — или, что было еще более приятно, о его мире. 4/5 поверхности планеты уже были в его власти, и завоевание Гүльзакандры добавит большую часть остального. После этого останутся лишь острова, покрытые непроходимыми джунглями, льдом или вулканическими

неплот, не стоящие того, чтобы их завоевывать, хотя некоторые острова в южных морях и были обитаемы. Аборигены где угодно были рады хоть как-то заработать на жизнь.

Посмотрев на запад, Мелькарт разглядел вдалеке силуэт одного из костических кораблей, которые доставили его предков на Сигматус. Четыре корабля остались на поверхности планеты, когда звезды снова начали кружиться -- или, как говорил Баалберит, когда варн-штормы Ока Ужаса достигли внешних границ системы, чтобы снова поглотить ее. Четыре корабля были оставлены у четырех ворот города, чтобы напугивать каждого, кто проходил в ворота, о гордом наследии их правителей. Они были грозными символами той страшной силы, что существовала за пределами этого мира, в необъятных просторах вселенной -- но Орлок Мелькарт был убежденным реалистом, знающим, что символы -- это всего лишь символы, а миром должна управлять реальная власть, с непосредственностью, очевидной каждому.

кто хотя бы подумал о сопротивлении ей. Когда Инквизиция будет реформирована, преобразована в более управляемое учреждение, придет время разоблачить корпуса кораблей, использовав в дело их ценный металл. Будет достаточно легко превратить символы в металлолом, а после этого память об Истинном Империи продолжит исчезать, пока окончательно не превратится в миф.

- Инквизитор здесь, ваше превосходительство, - раздался голос из комнат позади. -- Он желает...

- Я знаю, чего он желает, - сказал Мелькарт, прервав охранника. -- Пригласи его войти.

Мелькарт хотел немного развлечься, приняв Баалберита на балконе, потому что инквизитор страдал акрофобией. Высота заставляла его нервничать, и страх перед ней будет давить на него, не позволяя ему слишком докучать губернатору. К сожалению, верность воображаемому долгу тоже давит на него, заставляя докучать губернатору до

предела.

И, несомненно, именно поэтому Раган Баалберит вошел на балкон весьма смело, глядя на город внизу, несмотря на грожу, должно быть, сотрясавшую его с головы до ног при этом взгляде. Его телохранители благоразумно остались в комнате.

Под злобным взглядом Баалберита, Мелькарт должен был напугать себя, что титул Верховного Инквизитора — лишь эхо чего-то, в лучшем случае едва оставшегося в памяти, лишь жалкая имитация очень-очень далекого оригинала. Несомненно, когда-то существовали настоящие инквизиторы — люди, обладавшие истинной властью и истинной святостью. Но здесь, в этом мире, были лишь люди, притворяющиеся инквизиторами; лишь играющие роль инквизиторов, неважно, насколько рьяно они стремились искоренять скверну, неважно, насколько успешно они уничтожали тех, кто предположительно был ею затронут.

- Прекрасные новости! - сказал Мелькарт, прежде чем инквизитор успел

что-то сказать. -- Кампания идет в полном соответствии с планами -- слава Императору Великолепному.

- Слава Императору Великолепному, -- почтительно повторил Баалберит, хотя, судя по горящим глазам, он понимал, что Мелькарт лишь соблюдает формальность. -- Мне сказали, что генерал Фүльбра просил предоставить ему такое распоряжение самолет. Он нужен ему для разведки, чтобы точно узнать положение противника -- но самолет все еще в Калазендре.

Баалберит выпрямился во весь рост, пытаясь максимально использовать то преимущество, что он был на один дюйм выше губернатора. Мелькарт заметил, что инквизитор даже сделал такую прическу, чтобы казаться еще выше, хотя на четверть дюйма, но губернатор был не из тех, на кого можно произвести впечатление одним лишь ростом. В любом случае, из-за аскетических привычек инквизитора, его тренировки приносили меньше пользы, чем возможно, и мускулы Мелькарта были развиты

заметно больше.

- Генерал Фүльбра всегда имел склонность преувеличивать свои нужды, - спокойно сказал Мелькарт. - Солдаты редко видят что-то дальше следующего боя, и уж тем более дальше конца войны.

- Но вы приняли особые меры для охраны сети заправочных станций, и у саперов Фүльбры приказ расчищать взлетно-посадочные полосы во всех пунктах, где они располагаются лагерем, чтобы самолет всегда был готов прибыть к ним в течение двенадцати часов, - недовольно заявил Баалберит. - Зачем все это, если самолет не будет передан в распоряжение генерала?

Мелькарт подумал, не мог ли догадаться Баалберит о действительной причине этих тщательных приготовлений - которая, конечно же, заключалась в том, что позволить Орлоку Мелькарту в полной мере разделить триумф Фүльбры. Впрочем, это не имеет значения: Мелькарт единственный, кто сможет отдать приказ на взлет. Самолет был самым убедительным образцом

Древней Технологии, доставшимся Империи Калазендры, и Мелькарт всегда считал необходимым использовать его исключительно для своих нужд.

- Самолет слишком ценен, чтобы рисковать им, используя всего лишь для разведки, - сказал Мелькарт инквизитору. - Если бы это было вопросом жизни и смерти, тогда конечно... Но это не так. Нашим техножрецам приходится творить чудеса, чтобы поддерживать самолет в исправности, учитывая скудость местных ресурсов. Мы обязаны их преданности и благочестию, и не можем просто так расточать плоды их стараний.

Вот так приходилось Мелькарту говорить с Баалберитом: этот язык инквизитор понимал. Мелькарт знал, что так называемые техножрецы Калазендры были всего лишь самоучками, чьи предшественники потнили молитвы и ритуалы, связанные с использованием оружия, куда лучше, чем знания, необходимые для ремонта и производства этого оружия, но у Баалберита была иная

точка зрения.

- Не гүтаю, что вы полностью понимаете, ваше превосходительство, с каким противником может там столкнуться генерал Фүльбра, - сказал Баалберит. - Это последний рубеж культистов, и главы их шабашей, должно быть, приберегли напоследок свои лучшие фокусы. Наши силы слишком далеко от баз, и будет невозможно быстро послать им подкрепления, если они столкнутся с серьезными трудностями. Хүже того -- если они попадут в трудное положение, это, несомненно, плохо скажется на боевом духе наших солдат на других завоеванных территориях. В подчиненных нам государствах культисты хоть и загнаны в подполье, но еще не уничтожены. Скверная Хаоса распространена куда более широко, чем вы, вероятно, полагаете, а угроза, которую она представляет, куда более коварна. Если бы наши линии связи были ослаблены...

- Но они не ослаблены, Раган, - возразил Мелькарт, специально назвав его по имени, потому что знал, как

Баалберит ненавидит, когда к нему обращаются в такой фамильярной манере, а не по званию, особенно те, кто теоретически имеет право это делать. -- Радиосвязь никогда не действовала лучше, чем сейчас -- каждое сообщение доходит вполне отчетливо, неважно через сколько ретрансляторов. Представьте, на что бы это было похоже десять лет назад!

- Это потому что варп-шторм, кажется, ослабевает, - сказал Баалберит. - Но это стихия, над которой мы не имеем ни малейшей власти. Враги...

- Имеют над ней не большую власть, чем ты, несмотря на то, что они сами осквернены варпом. В любом случае, с тех пор, как я вас знаю, вам не терпелось увидеть, когда звезды снова встанут в небе неподвижно. Несомненно, вы обрадованы тем, что варп-шторм ослабевает.

- Если это позволит нам снова установить контакт с Империей, это будет самое счастливое событие, случившееся на Сигматусе за последние двести лет, но...

- Местных лет? -- лукаво спросил

Мелькарт. -- Или имперских?

Год, определяемый орбитой вращения Сигматуса вокруг солнца, и день, определяемый вращением планеты вокруг своей оси -- настоящий год и настоящий день, как думал о них Мелькарт -- были не намного длиннее, чем год и день во временных расчетах предков, на использовании которых настаивал Баалберит в своих утверждениях о древности того, что он считал Истинным Империи.

- Это не важно, - сказал Баалберит. -- Если мы восстановим контакт с Империей -- чего каждый должен искренне желать -- подвиги генерала Фюльбры могут оказаться ненужными. Агент Терра пошлет сюда новые корабли и решат, что делать со скверной Варна, поразившей Сигматус. Если они решат, что планета может быть благополучно очищена от скверны, и что ее ресурсы могут быть полезны для Империи, несомненно, у них будут силы и средства для этой задачи. С другой стороны, если варн-шторм снова начнет

бүшевать в полную силу, мы должны будем
одни противостоять силам Хаоса.
Следует рассмотреть возможность того,
что ситуация может измениться не в
нашу пользу - и быть готовыми к такой
возможности.

- Останутся ли звезды неподвижными,
или нет, - устало сказал Мелькарт, - мы
должны быть готовы к вероятности того,
что и наши дети, и дети наших детей
будут править этим миром столетиями,
если не тысячелетиями. Оружие и
оборудование, привезенное на планету
нашими предками - очень ценный ресурс,
который следует беречь. Мы научились
сами производить грузовики и пушки, но
всякий, кому доводилось их использовать,
знает, насколько они примитивны по
сравнению с техникой наших предков.
Очевидно, наши техножрецы -- хоть они
усердны и благочестивы -- смогли
сохранить лишь немногие из ритуалов и
толитв, которые были известны
техножрецам Истинного Империята.
Конечно, генерал Фүльбра хочет получить
от нас новые пушки, новые боеприпасы,

новые машины -- и в том числе наш единственный самолет. Он генерал, и догадаться не может, что хоть что-то из того, чего он требует, должно быть сохранено на случай непредвиденных обстоятельств. Но мы с вами должны это понимать, не так ли?

Баалберит нахмурился, поняв, что наглым издеваются. Мелькарт прекрасно знал, что Верховный Инквизитор воспринимал молитвы и ритуалы так называемых техножрецов со всей серьезностью -- как и подавляющее большинство самих техножрецов, чье положение зависело от мистификации их деятельности.

- Полагаю, вы недооцениваете противника, ваше превосходительство, -- упрямо сказал Баалберит. -- Мои псайкеры...

- У вас нет никаких доказательств для таких утверждений, -- прервал его Мелькарт, небрежно перегнувшись через ограждение балкона и явно наслаждаясь отсутствием страха высоты. -- Ваши инквизиторы проделали великодушную

работу по уничтожению агентов сил Хаоса в Калазендре и подчиненных государствах. Во всех случаях магия этих так называемых колдунов потерпела поражение. Конечно, мы несли потери, но потери всегда были приемлемыми. Если западнее Янтарной Пустоши действительно что-то происходит -- кроме того, что там собирается эта их армия оборванцев -- операция «Зонг» прояснит обстановку, и фюльбра разберется с этим.

- Это может оказаться не так просто. Мои псайкеры...

- Так же безумны, как и мы подобные с другой стороны, особенно после того, как вы стали пичкать их теми же наркотиками. Вы слишком тревожитесь, Раган. Мы всегда вызывали недовольство тем, как сурово расправлялись с культами -- хотя я не могу понять, почему туземцы так негодовали из-за усыпленных нами детей, и при этом, кажется, забывали обо всех убитых их же колдунами или изуродованных их мерзкими богами. Но мы всегда пресекали их попытки отомстить,

и материальные и магические. История на нашей стороне, как и должно быть, ибо это сторона истины и справедливости, сторона Империи. Мы победим в этой войне, и победим со славой.

- Если бы мы лучше знали историю, она могла бы послужить нам еще лучше, - возмущенно возразил Баалберит. Его глаза беспокойно забегали, от одного вида Мелькарта, стоявшего у края балкона, у него началось головокружение. - Проблема не только в том, что оригинальные артефакты лишь изнашивались, расходуя ресурс последние двести лет. Знания и мудрость наших предков, принесенные в этот мир, были лишь частицей знаний и мудрости Империи. Наши предки не ожидали, что окажутся здесь в ловушке, и не были готовы стать колонистами. Несомненно, их усилия были героическими, и они сделали все, что могли, чтобы рассказать своим детям, что нужно знать, чтобы сражаться с Вечным Врагом даже на его территории... но сколько знаний до нас так и не дошло - мы не знаем даже этого. Мы не знаем, какие фокусы мог

оставить напоследок так называемый
Гавалон Великий.

Мелькарт вздохнул. Конечно, все это
было правдой, но сейчас это не имело
значения. Никто не может быть готов к
непредвиденному: ни генерал; ни
инквизитор; ни губернатор; ни император,
даже если он -- Император всей вселенной.

- Мы можем действовать лишь на
основании того, что знаем, - сказал он. --
Да, может быть, все эти поражения,
которые до сих пор терпели наши враги --
лишь уловка, с целью усыпить нашу
бдительность и внушить фальшивое
чувство безопасности. Да, может быть,
что последний колдун, которого мы
должны уничтожить, сильнее всех
остальных вместе взятых. Да, может
быть даже, что он обладает силой
двигать звезды, или заставить их
обрушиться огненным дождем на этот
несчастный мир, или превратить каждого
зародыша в утробе матери в свирепое
чудовище, которое пожрет свою мать
изнутри. Но весь наш опыт говорит о том,
что сильные здесь -- мы: у нас достаточно

силы, чтобы править этим миром. У нас достаточно силы воли и решимости уничтожить последние остатки зла, которые сейчас собираются в своем последнем убежище в пύстошах. Фүльбре не нужен мой самолет.

- Ваш самолет? - Баалберит не заметил ухватиться за эту обмолвку, но из-за акрофобии нервы Верховного Инквизитора теперь были напряжены до предела. На его лбу выступил холодный пот. Он попытался обратно к двери, хотя оттуда он не смог бы спорить с губернатором, а Мелькарт продолжал стоять на краю балкона, над головокружительной пύстотой.

Мелькарт решил, что пришло время закрепить победу, продолжить трудный процесс завоевания психологического превосходства над единственным возможным соперником в борьбе за власть над миром.

- Да, - сказал он. - Мой самолет. В конце концов, я губернатор, единственный наследник власти Первого Губернатора, Звезднорожденного. Вы Верховный

Инквизитор, и средства Инквизиции ваши.
Я не претендую на них и не помышляю о
том, чтобы давать вам инструкции
относительно тонкого искусства пыток
или таинств священнической магии. Но я
губернатор, и аппарат управления
принадлежит мне. Самолет -- мой.

- Возможно, - произнес Баалберит
сквозь сжатые зубы, - вы считаете, что
весь мир принадлежит вам, за
исключением чудовищных проявлений
Хаоса, которых я должен уничтожать для
вас.

«Возможно!», мысленно повторил
Мелькарт. «Он знает меня всю жизнь, он
работал со мной больше двадцати лет, и
все еще думает, что я -- возможно! --
считаю весь мир моим. Столь велико его
благословение перед Звездным Императором
-- Императором, о котором мы не слышали
ничего с тех пор, как родился мой
прапрадед -- что он едва может
вообразить дерзость разума, решившегося
оставить мысли об Императоре ради
собственных амбиций».

Вслух же он сказал:

- Мы люди, Раган, и мы -- часть Империи Человечества. Даже аборигены, которые жили здесь еще до Империи, даже они -- люди... В некотором роде, как бы ни были они ничтожны. И они тоже часть Империи Человечества, хоть они не знают этого и явно не хотят знать. Наш долг -- спасти их от их невежества и заблуждений, и поднять их на тот же уровень понятий о добродетели, нравственности, моральной необходимости и любви к Императору, на котором находимся мы. Что бы ни было необходимо сделать для достижения этой цели, я это сделаю, и от вас ожидаю не меньшего.

Баалберит должен был знать, что Мелькарт неискренен, но губернатор понимал, что у Верховного Инквизитора не хватит силы воли придираться к подобным тонкостям в такой ситуации. Баалберит продолжал пялиться в потолок, издавая придуренные звуки, которые, вероятно, должны были означать согласие со всем, что говорил губернатор.

«Если мне придется жить на этом

проклятом балконе до конца кампании», подумал Мелькарт, «я так и сделаю. Я слишком близок к победе, чтобы позволить Баалбериту встать у меня на пути. Когда этот знаменитый колдун будет, наконец, мертв, как и все прочие колдуны, Инквизиция потеряет свое самое важное преимущество. Когда этого пугала больше не будет, простонародье потеряет всякое уважение к тем, кто считался нашей лучшей защитой против сил зла».

Это была приятная мысль.

Когда Баалберит и его телохранители были уже далеко, Орлок Мелькарт соизволил вернуться за свой рабочий стол, и сел, приготовившись к приему более послушных визитеров — или, если никто не придет, заняться ежедневными государственными делами.

Дела находились всегда: прочитать документы, утвердить бюджеты, подписать приказы. Передавать подчиненным слишком много полномочий было куда более опасно, чем передавать слишком мало. Должно быть видно, что правитель правит, особенно это должно

быть видно его непосредственным
подчиненным. Если у кого-то из этих
подчиненных возникнет мысль, что он
может справляться с делами так же
хорошо, как его начальник, он из
подчиненного станет угрозой. Хороший
правитель должен быть всегда занят,
всегда бдителен, всегда быть в курсе дел,
всегда на высоте.

И пока на этой планете есть только
один самолет, этот самолет должен
принадлежать ему.

Однако через тридцать минут
работы -- местных минут, не имперских --
Мелькарта прервал Керфоро, один из его
лучших шпионов, доставивший срочное
сообщение. Сообщение действительно было
срочным, в отличие от многих других
сообщений, передаваемых его шпионами,
боявшимися того, что губернатор сочтет,
будто они плохо справляются с работой.

- Один из псайкеров Баалберита
утверждает, что установил контакт с
имперским военным флотом, - доложил
Керфоро. -- Баалберит получит эти
сведения к концу дня.

- Что за контакт? - спросил Мелькарт.

- Пока только видения, - ответил шпион.

Это «пока», возможно, было лишь попыткой преувеличить важность сведений, но Мелькарт не был таким дураком, чтобы игнорировать его скрытый смысл. Псайкеры Баалберита были такими же оптимистами, как и сам Верховный Инквизитор, и этот их оптимизм всегда влиял на их видения. Уже не в первый раз псайкер думал, что почувствовал поблизости имперские силы, тогда как это были всего лишь оптимистичные видения... но радиосигналы принимались сейчас отчетливо как никогда, а звезды с каждой ночью казались все более спокойными. Если Варп-шторм действительно утихал, и псайкеры Баалберита могли действительно уловить настоящую теленатическую передачу из Империи Человечества, было только вопросом времени, когда они пошлют свое сообщение... и тогда все может по-

настоящему измениться.

- Ну... - задумчиво сказал Мелькарт. -- Полагаю, все имеют право иногда пофантазировать о чем-то приятном. Пока просто будь в курсе событий -- но если псайкер действительно добьется успеха в своих попытках, лучше тебе убедиться, чтобы эти попытки прекратились.

- Это будет нелегко, - быстро возразил Керфоро. -- Организация Баалберита слишком закрытая. У нас нет доступа в их ячейки -- а если агент будет раскрыт, он уж точно не выберется от них живым.

Подтекст слов шпиона был такой. Керфоро был единственным, кто имел возможность избавиться от неудобного псайкера, но после этого он едва ли сможет уйти, а его попытка лишить Мелькарта самого полезного агента в лагере Баалберита. Мелькарт также понял, что Керфоро боялся псайкеров, и ненавидел находится поблизости от них, даже когда ему было приказано наблюдать за ними. Все ненавидели псайкеров -- даже союзники Баалберита, священники,

которые были обязаны сопровождать их, когда те применяли свои силы.

- Устрой несчастный случай, - холодно сказал Мелькарт. -- Ты же изобретательный человек.

- Вероятно, представится возможность отравить его, - неуверенно предложил шпион.

- Это недостаточно надежно, - сказал Мелькарт. -- Что еще хуже, говорят, будто частичное отравление стимулирует силу псайкера. Сломанная вещь надежнее. Даже псайкеры ходят по ступенькам. Впрочем, если он не будет слишком старательным, можешь оставить его в живых. Нам могут понадобиться псайкеры Баалберита, если у фүльбры возникнут проблемы с этим так называемым Гавалоном Великим. Если проблем и не возникнет, думаю, мы найдем применение псайкерам, когда после окончательной победы Унквизиция будет реформирована.

Керфоро улыбнулся, но в его улыбке не было ни радости, ни веселья.

- Думаю, да, - сказал он без особого

энтүзиязма.

Уже собираясь уходить, он добавил:

- Слава Императору Великолепному.

Он не настолько обнаглел, чтобы при этом подмигивать, но Мелькарп заметил иронию.

- Слава Императору Великолепному, - благочестиво повторил губернатор. - Умереть всем врагам Его.

Он подумал, что эти слова хорошо звучат в устах реалиста. И если все пройдет по плану, в будущем они станут звучать еще лучше.

ГЛАВА 5

ГИЦУЛЛА вела Дафана прямо в направлении заходящего солнца, которое становилось все более красным, приближаясь к горизонту. Казалось, оно становилось все больше, коснувшись края горизонта, и его лик уже не был так мучительно ярким, что на него нельзя было смотреть больше доли секунды.

Теперь было заметно, что поверхность солнца не была ровной и неподвижной, на поверхности его сферы бушевали вихри, солнце кипело как котел.

Когда небо стало темнеть от светлорозового до темно-пурпурного, в нем стало видно движение, обычно незаметное из-за сияния солнца. Хотя звезды сейчас едва успели засветиться, небо начало переливаться как поверхность масляной лужи.

«Вся вселенная пребывает в движении», подумал Дафан. В этом была ее суть. Она не могла быть живой -- не более чем был живым воздух, потревоженный ветром или песком пустыни, но она не была и в покое. Она не могла сохранять тишину и неподвижность не более, чем ребенок, мучимый голодом и страхом. Возможно, сами звезды испытывали какой-то свой голод, а пустота между ними -- свой страх.

- Мы должны остановиться и отдохнуть, - сказал он Гицилле, заметив, как она измучена -- но она его не слышала. Чуждость, так пугавшая людей в Сновидцах, овладела ею, и даже Дафан почувствовал тревогу в глубине души.

- Если мы остановимся, то больше не встанем, - вдруг резко сказала Гицилла. --

Мы должны идти, пока солнце не зайдет. Если мы стоим, то должны добраться до Эльвенора, найти убежище, а если нет, то найти хотя бы воду.

Это было гораздо легче сказать, чем сделать. Равнина не была пустыней, подобной Янтарной Пустоши: здесь в изобилии росла трава и кусты многих видов, но дожди выпадали редко, и сейчас был сухой сезон. На равнине водились стада диких лошадей и свиней -- хотя патер Салтана говорил, что этих животных не было на планете до прихода первых людей -- а также газели и локсодонты, но их было мало, и они были редки. Деревенские жители осенью часто отправлялись в охотничьи экспедиции, и гичи обычно хватало, чтобы они редко возвращались с пустыми руками, но Дафан, оглядывая равнину вокруг, не видел никаких животных. Где-то здесь должны быть источники воды, и здравый смысл подсказывал, что их можно обнаружить по более густой и пышной окружающей растительности, но цвета и оттенки равнины были какими угодно, только не

ровными. Они были слишком разнообразны, чтобы можно было что-то легко разглядеть.

Чем дальше Дафан и Гицилла уходили от горящего леса, тем более странной выглядела окружающая растительность. Растения, которые выращивали деревенские жители, были зелеными, как и большинство диких растений, которые росли поблизости от деревни. Лесные колючие деревья — которые росли на этой планете задолго до появления первых людей, тысячи поколений назад — не слишком отличались от деревьев, которые росли в деревенских садах. Но теперь Дафан понял, что деревню построили там, где она сейчас, именно потому, что та местность казалась людям необычно благоприятной, а окружающая равнина, по которой сейчас шли они с Гициллой, не была населена как раз потому, что особо гостеприимной не выглядела. Здесь было не меньше красной и фиолетовой листвы, чем зеленой, много было и буровато-желтой.

Плоды на кустах — которые, хоть и

перезрели и уже начали сохнуть, но казались такими аппетитными Дафану, потому что он был голоден и испытывал сильную жажду -- были и белыми, и красными, и черными, и очень красивыми, небесно-фиолетовыми. Он знал, что лучше не есть их, не только потому, что почти все они были горькими, а некоторые и по-настоящему ядовитыми, но и потому что никакие из этих плодов не были достаточно питательны для человека. Некоторые предостерегающие сказки его народа рассказывали о детях, потерявшихся на равнине, которые снова и снова набивали животы красивыми плодами, но умирали от истощения, хотя и с полными желудками. Газели и локсодонты -- не говоря уже о многочисленных более мелких животных -- вырастали упитанными и здоровыми, питаясь этими плодами, но одичавшим лошадям и свиньям приходилось быть более разборчивыми.

Дафан подумал, что сам факт выживания этих животных на равнине доказывает, что здесь может выжить и

человек, если только научиться так же отличать съедобные плоды от несъедобных.

Но самым удивительным в растительности на равнине казались даже не ее цвета, а ее огромное разнообразие. Часто было увидеть кусты, листья на которых были десятка различных форм, а цветы — дюжины разных видов.

Растения, которые выращивали в деревне, в этом отношении были устойчивы: каждое растение было одного определенного вида. Здесь же, за несколькими исключениями, растения были гораздо более разнообразны, даже в пределах одного вида. Они казались куда более уязвимыми к болезням, уродам и смерти, но компенсировали это быстрым ростом и плодovitостью.

- Мы можем собрать плоды и выжать из них сок, мякоть отбросить, а сок выпить, — предложил Дафан, когда последний край солнечного диска скрылся за горизонтом, оставив их в сумерках.

Западный горизонт был плоским за исключением неровного полукруглого

силуэта, к югу от точки, в которой зашло солнце. Судя по силуэту, это могло быть какое-то рукотворное строение, но на его верху были заметны какие-то растения, так что, возможно, это был просто холм необычной формы.

- Нам нужна вода гораздо чище, чем эта, - сказала Гицилла после некоторого раздумья. -- Даже если она не будет ядовита, в ней могут оказаться другие вещества, которые должны быть выведены из организма. Это будет все равно что пить морскую воду.

Дафан удивился, подумав, откуда она может это знать. Сейчас она говорила не как деревенский ребенок; она говорила как некто, кому неким мистическим образом были открыты многие тайны. Как и Дафан, Гицилла никогда не видела моря, и, вероятно, никогда не увидит, так откуда же она знает, как это -- пить морскую воду, и откуда она взяла такие слова -- «выведены из организма»? Конечно, все любили слушать истории о пиратах и приключениях в дальних странах, о жертвах кораблекрушений, выброшенных

на необитаемые острова, но Тицилла говорила с такой уверенностью, словно знала это из каких-то совсем других источников.

Дафан начал понимать, почему люди иногда боялись, когда Тицилла была такой -- а он еще не видел, чтобы она была такой так долго. Станет она когда-нибудь снова прежней Тициллой, или после нашего отсутствия Империята она изменилась навсегда?

- Мы не найдем чистой воды, - трачно сказал Дафан. Он сильно надышался дымом в горящем лесу, и не испытывал бы такой жажды, если бы его горло не было обожжено.

- Найдем, - сказала Тицилла, неустанно шагая к тому месту, где зашло солнце.

- Все равно, какой смысл? -- спросил Дафан. -- Все, кого мы знали, мертвы, наш дом разрушен. Куда мы идем? Куда нам деваться?

- Где-то здесь собирается армия, - ответила Тицилла. -- Армия, которая готовится сражаться с захватчиками.

- Жаль, что их не было в деревне, -

хрипло произнес Дафан. -- Они могли бы сразиться с захватчиками сегодня.

- Сомневаюсь, что это единственное место, где имперские солдаты пересекли пустыню. Большинство путешественников избегают Янтарной Пустоши. Даже если у них есть караваны, они обычно обходят Пустошь далеко к северу, или еще дальше, к югу. У солдат есть грузовики, которые могут двигаться гораздо быстрее караванов, но все равно нам не повезло.

- Не повезло! Предполагалось, что на нашей стороне магия! У нас есть колдуньи и Сновидцы Мудрости, а у них нет. Почему нас не предупредили?

Дафан не собирался обвинять лично ее, но Гицилла все же восприняла это как нечто личное. Она была самым одаренным ребенком в деревне, патер Салмана говорил, что ее коснулся истинный бог.

- Я видела так много в моих видениях, - сказала она, - но ни одно из них не было ясным. Даже величайший колдун в мире может растеряться или быть обманутым иллюзией.

Дафан знал, что она цитирует

патера Салтану.

- Вот вам и дар видения будущего, - проворчал Дафан, - и честность истинного бога.

- Несправедливо с твоей стороны издеваться, - сказала Гицилла. -- И глупо богохульствовать.

Ее голос был странно напряжен. Она больше не повторяла слова патера Салтаны, но у Дафана все равно было впечатление, что эти слова не ее собственные -- по крайней мере, не полностью.

- Видения даже самых мудрых Сновидцев столь неясны потому, - продолжала Гицилла, - что будущего еще не существует. Здесь и сейчас будущее может существовать лишь как почти бесконечное число возможностей, вероятность осуществления которых меняется с каждой прошедшей секундой. Сам факт того, что мы смотрим в это море возможностей, влияет на вероятность их осуществления, поэтому все, что мы там видим, начинается меняться, когда мы пытаемся на нем

сосредоточиться -- именно потому, что мы
смотрим и потому, что пытаемся
сосредоточиться. Если бы мы видели это
как-то по-другому, бог, даровавший этот
талант, лгал бы нам.

Дафан подумал, что Гицилла больше
нравилась ему, когда была обычной
девочкой, не затронутой какими-то
потусторонними силами. Следовало
ожидать, что Сновидцы Мудрости с
возрастом будут становиться все мудрее,
но это было довольно пугающе.

- Ты можешь подумать, что мой
талант слишком ненадежен, чтобы быть
полезным, - продолжала Гицилла так,
словно сама пыталась осмыслить, что она
говорит, - но представь альтернативу.
Представь, что, глядя в будущее, мы
видим его полностью распланированным
заранее, точным и постоянным, полностью
упорядоченным и неизменным. Какая
польза от такого провидения будущего?
Оно лишь скажет нам, что мы абсолютно
беспомощны, не в состоянии ничего
изменить, бессильны сделать что-то
сами, кроме того, что неизбежно должно

случиться.

«А разве сейчас не так?», подумал Дафан, но Тицилла была слишком погружена в дебри собственных мыслей, и не услышала бы его, если бы он сказал это вслух.

- Оно скажет нам, что мы всего лишь машины, - говорила Тицилла, ее голос звучал со странным надрывом, словно она начинала бояться сама себя, - или марионетки, действующие по предписанному ритуалу, который мы не можем ни изменить, ни понять. Разум какой провидицы выдержал бы это? Какие мысли и чувства она бы при этом испытывала? Она испытала бы абсолютный ужас, чувство всеохватывающей и неизбежной ловушки. Наши враги хотят сделать будущее именно таким, Дафан -- и такой они хотят сделать всю жизнь. Они желают принести в мир порядок. Что ж, я рада, что в своих видениях я вижу лишь путаницу и неопределенность. Если бы я ее не видела, я не была бы свободной, не была бы человеком, и бог, наделивший меня

этим даром, был бы самым чудовищным
тираном.

Но ее голос звучал совсем не радостно.
Казалось, она чувствует, что должна
радоваться, но не могла найти для этого
достаточно смелости. Дафан подумал,
что по-своему Гицилла напугана не меньше
его -- но это «по-своему» слишком
отличалось от того, что испытывал он.

«Вот вам и свобода», подумал Дафан.
«Вот вам и право быть человеком».

Они все же смогли найти ориентир в
сумерках. Пока светило солнце, они видели
птиц разных видов, порхавших над
кустами, или перепрыгивавших с одного
куста на другой, но когда начало темнеть,
птицы стали собираться в неожиданные
большие стаи, во множестве взлетали в
воздух, кружились туда-сюда, издавая
разные крики, а потом направились к
своим гнездам.

- Туда! -- сказала Гицилла, указывая в
направлении, в котором летела одна из
стай, немного к северу от их пути. -- Там
мы найдем воду. Придется отклониться
от пути, но я все равно не думаю, что мы

стожем дойти до Эльвенора ночью -- уж лучше сделать крюк.

- Надеюсь, вода недалеко, - сказал Дафан -- но быстро понял, что если бы вода была слишком далеко, они бы не увидели, как птицы сагятся. Несмотря на страшную усталость, они с Гициллой даже смогли ускорить шаг -- жажда подстегивала их.

Когда полностью наступила ночь, двое безлецов оказались на краю впадины, имевшей форму блюдца. В ее середине был пруд, окруженный камышами и какими-то фантастическими цветущими растениями. Они выглядели гораздо более странными, чем все растения, которые Дафан видел раньше.

В деревне была поговорка, призывавшая детей остерегаться сагов бога. Раньше Дафан не понимал ее значения, но когда увидел эти невероятно причудливые цветы, он понял, какие сады мог выращивать бог Гүльзакандры. Увы, сейчас Дафану было не до того, чтобы проявлять осторожность. Отчаянная жажда отбросила все остальные

соображения. Пробравшись сквозь заросли камышей, он бросился на край пруда, зачерпывая воду руками и наполняя свой иссохший рот.

Вокруг чирикали птицы -- но, пока он пил, их голоса постепенно затихали.

Когда он напился, то даже не стал пытаться встать на ноги, а просто перевернулся на спину и лежал, глядя в небо.

Звезды были видны на небе в изобилии, и они были подвижны, как всегда. Они постоянно меняли свое положение, как будто случайно, и при этом изменялись их цвет и яркость.

Дафан подумал, так ли подвижны звезды сейчас, как были они тогда, когда он был еще маленьким. Все говорили, что сейчас звезды стали спокойнее, что со временем они становятся все менее подвижными -- но сам Дафан не мог с уверенностью это утверждать. Он не помнил времени, когда движение звезд было заметно более активным. «Возможно ли», думал он, «что лишь страх заставил наших старейшин думать, будто звезды

успокаиваются?».

Говорили, что когда звезды последний раз были неподвижны, мир постигла страшная кара: с небес пришел Умнериум. Было предсказано, что когда звезды снова остановятся, Умнериум придет снова. Да, Умнериум пришел -- но когда патер Салтана хотел особенно напугать паству, он говорил об Умнериуме за пределами мирного Умнериума -- об Устинном Умнериуме, невообразимо огромном. Патер Салтана всегда говорил, что с мировым Умнериумом можно бороться -- хотя Дафан больше не верил в это -- но Устинный Умнериум неодолим. И если бог Гүльзакандры не будет доволен толиками и жертвоприношениями своего народа -- так проповедовал патер Салтана, и его глаза при этом становились злыми и страшными -- тогда бог лишь остановит свою руку, звезды снова встанут неподвижно, и смерть изольется с небес огненным дождем.

Согласно словам патера Салтаны -- когда он был настроен менее сурово -- на самом деле звезды не двигались, так же,

как солнце, которое, казалось, двигалось
вокруг мира. Но лишь казалось, что солнце
двигается в небе, потому что вращалась
сама планета, так и звезды лишь казались
подвижными, потому что мир находился
посреди необычного шторма, ветра
которого возмущали самой структуры
пространства, создавая волны в пустоте. Тем не
менее, смерть грозила обрушиться с небес
наподобие урагана, если люди
Гульзакандры будут скрывать в своих
жертвоприношениях и нерадивы в
молитвах.

Взошли все три луны, и все они были
полные. Раньше Дафан видел все три
полных луны одновременно лишь два раза,
но тогда они были гораздо дальше
расположены одна от другой. Он не думал,
что когда-нибудь увидит их так близко
вместе, даже в неполной фазе. Дафан
подумал, что, когда они достигнут
зенита, они должны будут оказаться еще
ближе, образовав как бы вершины
равностороннего треугольника.

- Дафан! - закричала Гицилла, так
громко, что он мгновенно вскочил.

Очень вовремя. Он услышал звук захлопнувшихся челюстей, так близко, что волна зловонного дыхания окатила его, взметнув волосы на затылке.

Дафан не тратил время на то, чтобы оглядываться. Он бросился прочь от пруда, скрывшись в камышах.

К тому времени, когда он, наконец, обернулся, на поверхности пруда ничего не было видно, кроме расходившихся кругов на воде.

Над ним возник силуэт Тициллы, закрыв собой часть звезд. Дафан не видел, как она протянула ему руку, но как-то понял это. Он взял ее руку, и Тицилла помогла ему встать. В ее прикосновении было что-то, заставившее его содрогнуться, но он все равно был ей благодарен.

- Что это было? - спросил он.

- Я не знаю, как оно называется, - сказала Тицилла. - У него была глиняная шея и голова как у змеи, но, кажется, его тело гораздо крупнее, и скрыто под поверхностью воды. Не думаю, что это существо выйдет из воды, а если выйдет,

то бюджет двигаться медленно, но лучше
нам отойти подальше, на всякий случай.

Дафан был рад видеть, что Гицилла
сейчас больше похожа на себя прежнюю.

- Там, в сорока или пятидесяти
шагах есть место, где мы сможем
отдохнуть, - добавила она. - Земля там не
голая, и в то же время трава не слишком
высокая и колючая, и мы можем сделать
подстилки из нарезанных камышей. У тебя
есть нож?

- Только маленький, - ответил
Дафан, вспомнив, каким ужасно
бесполезным казался его нож, когда нужно
было оружие. Однако нож вполне сгодился
на то, чтобы резать камыши, когда Дафан
ломал твердые стебли.

- Мы должны что-то поесть, - сказал
Дафан Гицилле, когда они сделали
импровизированные подстилки. - Даже
если это не настоящая еда, она, по крайней
мере, заглушит голод.

- Нет, - сказала Гицилла. - Слишком
рискованно. Мы найдем что-нибудь завтра,
когда пойдем дальше. Она тоже знала с
тем, что нужно остерегаться сагов бога.

и, должно быть, пришла к тому же заключению о природе этого места, что и Дафан. Возможно, она была одной из избранных истинного бога, но даже она не смела есть плоды из его сада.

Дафану казалось, что голод не даст ему заснуть, и он был вовсе не уверен, что хочет спать, учитывая, что прыг может привлечь хищников с равнины, и полня с тех хищниках, что уже таились под спокойной поверхностью воды. Но он недооценивал, насколько он измучен; как только он лег, то сразу же погрузился в сон, столь же беспокойный, как звезды в небе над ним, и полный пугающих сновидений.

Дафан никогда раньше не проявлял ни малейшего признака магических способностей. Как и все остальные деревенские дети, он послушно рассказывал о своих снах матери Салтане, почти сразу же с того времени, как научился говорить, и помнил, как разочарован он был, когда оказалось, что его сны не представляют ничего интересного. Рассказы Гициллы о ее снах звучали для неискушенного слуха

Дафана не слишком отличающимися от его собственных, и он испытывал ревность, когда патер Салтана проявлял к снам Тициллы большой интерес.

Сейчас Дафану снились корабли в костосе: корабли, похожие на отрубленные пальцы, или на странные глаза, или на птичьи кости, но сделанные из сверкающего металла. Ему снились целые стаи кораблей, синхронно кружившиеся в костосе, стрелявшие огнем, выжигающими целые миры, направлявшие удары молний в сердца сатих богов -- но Дафан понимал, что это не могут быть видения, которые видят Сновидцы Мудрости. Это был лишь всплеск воображения, порожденный ужасом, питаемый страхом и наделенный гротескной чужовищностью от лихорадочного жара в его крови.

Сон Тициллы был еще более тревожным, и Дафан даже во сне понимал, что она не спит спокойно. Она все время вертелась с одного бока на другой, то подтягивая ноги к животу, то выпрямляя их. Она тоже что-то шептала, хотя он не слышал что именно -- и этот

прерывистый шепот вплетался в сны Дафана голосом некоего тайного спутника, который отчаянно хотел, чтобы его услышали и поняли, но не мог внезапно передать то, о чем предупреждал. И чем дольше продолжались эти неудачные попытки, тем печальнее звучал голос. Дафан знал, что на самом деле это не голос Гициллы. Это был голос того, что вселилось в нее, когда она рассказывала о Сновидениях Мудрости: голос чего-то странного -- и страшного.

Дафан совсем не был уверен, что хочет слушать этот голос, будь то во сне или наяву, но не мог остановиться.

В конце концов, Дафану стало казаться, что он может разобрать по крайней мере некоторые из этих слов, но даже когда он пришел к такому выводу, то все равно не мог понять, сам ли голос становился более ясным, или эта ясность была лишь в его сне.

К сожалению, большую часть из того, что ему удалось разобрать, похоже, составляли имена и названия, некоторые из которых звучали знакомо, но

большинство нет.

Чаще всего повторялось имя Гавалона; это имя он знал.

Еще одно имя, повторявшееся почти столь же часто, звучало как Саторазель. такого имени он никогда раньше не слышал. Канак он знал, но не знал, кто такой Фүльбра или что значит Экклезиархия. Не знал, что такое орк или Астрономикон.

Одного имени он не слышал, как ни пытался: это было имя Дафан.

Наконец, хотя шепчущий голос не утолчал, внимание Дафана привлекло нечто куда более пугающее: огромный красный воспаленный глаз заполнил, казалось, все поле зрения, словно это был глаз самого неба. Радужная оболочка глаза казалась тонкой розовой полоской вокруг огромной черной дыры, из которой исходил свет, подобного которому Дафан еще не видел: свет, умерщвлявший все, к чему прикасался, свет мгновенной гибели.

Свет, казалось, был везде, свирепого взгляда ока невозможно было избежать.

- Не имеет значения, сколько

путаницы ты видишь в своих видениях, -
сказал он во сне Тицилле, хотя она не
присутствовала в его сне, - ты все равно не
будешь свободна, и неважно, сколько
аспектов будущего останутся
неопределенными и неосуществленными,
окончательная судьба всего - увядание и
абсолютная гибель. Ничто не может
противостоять ей, и не имеет значения,
какой мощью обладает Империя
Человечества, он обречен разрушиться и
погибнуть, и это будет лишь одна секунда
в великой вечности Вселенского Времени.

Однако он понимал, что это был всего
лишь глупый сон. Насколько Дафан знал, он
не был затронут даром бога его народа. Он
не обладал ни мудростью, ни магией, и не
мог ожидать, что шепчущий голос
Тициллы способен изменить сущность его
жизни, как бы сильно он ни любил ее.

ГЛАВА 6

МЕСТО, предназначенное для
призыва, находилось на вершине необычного
полукруглого холма, казавшегося
удивительно неуместным на равнинах,
преобладавших в центральной части

Гүльзакандры. Гавалон предполагал, что на самом деле это был огромный круглый объект, в очень далеком прошлом упавший с неба и наполовину зарывшийся в землю.

Большинство метеоритов, как было известно Гавалону, разрушались при ударе о поверхность планеты, если еще до этого не сгорали в атмосфере, но у этого, похоже, сгорели только внешние, более легкие, слои, осталось лишь тяжелое металлическое ядро, обладавшее такой магнитной активностью, что воздействовало на компасы в радиусе двухсот миль -- Гавалон надеялся, что этот факт не был известен захватчикам.

Несмотря на неподходящую форму и структуру, выступающая часть метеорита со временем покрылась местной растительностью. Ничто не могло пустить корни на самом холме, но крупные ползучие растения, росшие вокруг, обвили его своими побегами, и их отмершие ветви помогли удерживать на холме почву, в которой могли прорасти другие виды растений. Когда листья ползучих лиан опадали и гнили среди

переплетения побегов, они служили питательной средой для паразитических и сапрофитных растений -- которые в свою очередь становились пищей для разнообразных ящериц, змей и гигантских многоножек -- и все это было ядовито для незащищенного человека.

Вершина холма была одним из самых сокровенных садов истинного бога, и если бы Гавалон не обеспечил магической защитой свою свиту звероловцев -- и, конечно, Сосуд -- они не смогли бы добраться до места, где должен состояться ритуал. Если бы многочисленные жертвоприношения, требовавшиеся для ритуала, не были проведены заранее, было бы очень тяжело доставить жертв на алтарь в подходящем состоянии, но претворный и неизменно милостивый Изменяющий Пути всегда был готов сохранить пролитую кровь на счет своих жрецов, чтобы они могли накопить энергию для важных обрядов. Были даже слухи, что он выплачивал проценты по этим счетам, и десять галлонов крови, полученной в ходе тщательно продуманной

пытки за месяц вперед до ее магического использования, имели цену одиннадцати ковремени, когда композиция заклинания была завершена.

Это заклинание было не только самым сложным из тех, что когда-либо пытался совершить Гавалон, оно было самым сложным из всех заклинаний, которые когда-либо предпринимали колдуньи с тех пор, как люди впервые заселили мир, обозначенный на имперских картах как Сигматус. Гавалон работал над заклинанием -- постепенно, предсказывая его форму и замысел, и совершая необходимые приготовления к основному ритуалу -- семь долгих лет. Он предполагал, что с точки зрения бога, которому он служил, эти семь лет были лишь финальной фазой гораздо более долгого процесса.

Конечно, для бога семь лет были всего лишь одним мигот, и даже двести лет не более чем мгновением. Гавалон полагал, что корни этого ритуала в таинственном мире варна берут начало не позже чем во время короткого перерыва в варн-шторме,

позволившего имперским кораблям
приземлиться на планету, а возможно и
гораздо раньше. Он не мог не
задумываться, не могло ли все,
случившееся с тех пор, как прибыли эти
корабли, неким непостижимым для
человеческого разума образом, быть
частью одного из легендарных планов
Изменяющего Пути. Не мог он не
задумываться и о том, не было ли суждено
колдуну, предназначенному для того,
чтобы приблизить этот план к его
высшей точке, стать чем-то большим,
нежели обычный человек.

«В конце концов», думал Гавалон,
«если такое ничтожество как Нилуан
может превратиться в могучего демона --
хотя и ценой полного уничтожения своей
личности -- почему непоколебимо верному
колдуну не последних способностей не
может быть даровано хотя бы меньшее
демоничество?»

О, стать Повелителем Перемени!
Какая это, должно быть,
восхитительная жизнь!

Когда Гавалон и его свита достигли

вершины холма, уже совсем наступила
ночь, но звезды светили ярко и все три
луны были полными. Луны уже
приблизились к зениту, образуя как бы
вершины равностороннего треугольника —
такое близкое их положение повторится
только через триста двадцать семь лет.
Света было более чем достаточно, чтобы
освещать ритуал, несмотря на
остаточное мерцание необычного тихого
варп-шторма.

Сосуд должен был раздаться догола и
лечь в чашечку огромного золотистого
цветка, покрытые пыльцой тычинки
раздвинулись, чтобы принять его, и
начали мягко его поглаживать.

К сожалению, Нилуан должен был
оставаться в сознании во время ритуала,
и, будучи слабоумным, он не мог
удержаться от хихиканья, когда тычинки
щекотали его. К счастью, он был слишком
напуган, чтобы пытаться что-то сказать.

Зверолюди заняли свои места с
толчаливой покорностью, ожидаемой от
лунатиков. Гавалону не пришлось
тратить силы на то, чтобы

загипнотизировать их; аромат ночных
цветов ввел их в транс, пока они
поднимались по куполообразному склону
холма. Поэтому Гавалон мог
сосредоточить все внимание на словах
магической формулы и сопровождающих их
жестах.

На самом деле этот компонент
заклинания был не таким сложным, как
другие, которые он использовал раньше —
или так ему показалось, когда он встал в
соответствующую позу и начал
декларировать заклинание.

Гавалон держал кинжал с волнистым
лезвием в правой руке, и зажженный факел
в левой, и то и другое в определенные
моменты ритуала должно было истязать
его плоть. Он не боялся наносить себе
увечья ради пользы дела, и не в первый раз
ему приходилось жертвовать глазом или
отрезать себе какую-нибудь конечность.
Если иметь веру и благоволение
божественного покровителя, такие
жертвы редко были болезненными
настолько, насколько это могло
ожидаться, а потеря всегда до известной

степенни возмещалась. И действительно, этого дважды выросший заново левый глаз видел гораздо дальше и лучше, чем тот, с которым он родился, хотя и выглядел куда более уродливо, чем старый правый глаз.

Но крайней мере, сейчас Гавалон должен был выжечь себе правый глаз, и существовал небольшой шанс, что выросший новый глаз не будет так заметно отличаться от левого. Что же касается конечности, которую он должен был пожертвовать на этот раз -- что ж, у нее все равно никогда не было пары, и она настолько редко демонстрировалась публично, что едва ли имело значение, как причудливо она выглядела или как странно был усложнен ее внутренний аппарат. Она по-прежнему оставалась вполне функциональным инструментом, и даже могла считаться более эффективной, ибо была покрыта шипами.

И поэтому, когда наступило время выполнить соответствующие элементы ритуала, Гавалон Великий не дрогнул и не заколебался. Не роптал он и на бога, которому был горд отдать эту последнюю

и наименьшую из многих жертв, принесенных им для достижения этой цели.

Боль от выжженного глаза была лишь немого сильнее обычного, но и это неудобство было возмещено замечательными изменениями цвета огня выжигавшего его факела, которые левому глазу казались поистине прекрасными.

Другая жертва вообще была почти безболезненной, когда бритвенно острый волнистый клинок рассек старый шрам, а кровь, хлынувшая из перерезанных вен, была такой густой и блестящей, что чудесно отражала звездный свет.

Было бы очень приятно еще изувечить и плоть Сосуда, но это не было привилегией Гавалона. Пока слова заклинания улетали в тихую ночь, лепестки золотистого цветка сожнулись над мальчиком, заключив его в некое подобие утробы -- утробы, из которой ему было суждено очень скоро родиться заново, созревание уже подходило к концу.

Еще до того, как заклинание было закончено, Гавалон почувствовал, как

правый глаз вырастает заново, и зрение возвращается. И когда он посмотрел в прекрасное небо, то понял, что этот новый правый глаз будет видеть гораздо дальше и лучше, чем даже дважды обновленный левый.

Он почувствовал, как его вторая рана тоже зарастает шрамом, и с благоговейной гордостью ощутил, как шрам превращается в опухоль, а потом в нечто, для чего даже в тайном языке магии еще не было названия.

«О, стать Повелителем Перелет!», подумал он. «О, стать мастером метаморфоз, не подвластным дряхлости смертных! Какое счастье служить истинному богу и быть свободным!»

Конечно, в глубине души он понимал, что вовсе не свободен — что он, если разобратся, такой же раб судьбы и случая, как и Сосуд, как и последний из зверолов — но Гавалон был убежден, что те, кто добровольно принимали рабство и могли разумно выбрать себе хозяина, были счастливы настолько, насколько вообще мог быть счастлив простой смертный.

человек. И он был убежден, что это -- единственный путь, который мог позволить человеку стать чем-то большим, чем простой смертный.

Когда предпоследняя фаза заклинания была завершена, Гавалон остановился, позволив на минуту воцариться благоговеющей тишине -- и в предвкушении посмотрел на тесно сжатые лепестки цветка, сгорая от нетерпения увидеть, какое существо выйдет из них. Потом он произнес последнее слово, и завершил заклинание.

Последнее слово, конечная цель этого ритуала, было:

САТОРАЭЛЬ.

Гавалон почувствовал, как камень под его ногами слегка вздрогнул.

Даже сквозь толстый слой многих поколений ползучих лиан и всех прочих растений, которые выросли здесь благодаря лианам, Гавалон увидел, что огромная сфера холма начинает светиться. Когда вибрация усилилась и стала напирать на биение сердца, свечение становилось все ярче -- из багрового оно

стало малиновым, потом ярко-алым, и наконец, пронзительно сияющим розовым.

Гавалон понял, что наполовину погребенный в земле метеорит был чем-то вроде яйца, а сожнувшийся цветок был скорее не утробой, а неким подобием родового канала. То, что должно быть посеяно в теле Сосуда, было слишком великим, чтобы его можно было долго хранить в каком-либо создании из плоти, независимо от того, какие метаморфозы оно могло претерпеть.

Лепестки цветка начали разворачиваться с величественной неторопливостью, демонстрируя то, что они скрывали.

Гавалону пришлось подавить всплеск разочарования, на которое, как он знал, он не имел права. Нитиан лежал внутри цветка, и он по-прежнему был здесь, так лениво развалившись, что, казалось, он заснул от скуки. Его кожа казалась более свежей, но она была такой же бледной, как и раньше, белая, как скорлупа яйца, даже не тронутая солнцем. Когда Сосуд начал подниматься, его движения казались более

гибкими, чем раньше, но конечности были
такими же костлявыми. Лишь когда он
открыл глаза и встретил пытливый
взгляд Гавалона, Нитиан проявил, что
теперь он нечто большее, чем человек.

Раньше Нитиан никогда не
остеливался смотреть в пугающие глаза
Гавалона, но теперь он смотрел в них без
страха. Глаза самого Сосуда стали
полностью темными, лишенными зрачков
и радужной оболочки.

- Гавалон? - спросил он, с
любопытством выговаривая звуки, словно
не вполне понимал их значение - или
хотел насладиться даром речи.

- Ваш скромный слуга, - лицемерно
сказал Гавалон. Учитывая, что будущий
гемон все еще носил тело Нитиана, эти
слова звучали абсурдно, почти
непристойно, но все равно надо соблюдать
приличия. Даже если он все еще
обращается не к Саторазлю, Орудью
Возмездия, а к Нитиану, Последней
Жертве, следует быть вежливым.
Несколько уязвляла мысль, что глупый
мальчишка так мало страдал по

сравнению с другими жертвами и самими Гавалонам, но колдун понимал, что едва ли подобает этому возмущаться и уж точно не стоит это озвучивать.

- Чувствую себя странно, - сказал мальчик. - Словно не собой.

Это обеспокоило Гавалона. Произнес это очевидно Нилуан, его душа не была полностью уничтожена. Значит ли это, что демон пожрет его душу медленно, наслаждаясь ее вкусом, как мог он наслаждаться другими ощущениями, оказавшись в плоти смертного? Или может быть... может быть, что-то пошло не так? Ритуал был испорчен? Метаморфоза Нилуана не удалась?

«Нет», решил Гавалон. Должно быть, так это и должно случиться: медленно, расслабленно, снисходительно. Так должно быть. Альтернатива просто немыслима.

- Лучше, - сказал Сосуд спустя некоторое время. - Чувствую себя лучше. Но не собой.

- Это закономерно, господин. Такая трансформация должна быть трудной даже для демона.

Нитиан хихикнул.

- Господин! -- изумленно повторил он. --

Ты называл меня господином! Гавалон Великий называет меня господином!

«Невероятно», твердо напомнил себе Гавалон, «не может быть, чтобы что-то могло пойти не так». Должно быть, это испытание его терпения. Сколько бы ни осталось прежней личности мальчика внутри Сосуда, глаза открывали истину. Глаза были зеркалом души, и в его глазах не было ничего кроме пустоты, непроницаемой даже для магического зрения Гавалона: пустоты самого варна.

- Ваша армия ждет, господин, -- терпеливо сказал Гавалон. -- Враг уже пересек пустоши, быстрее, чем мы ожидали, и решительное сражение нельзя более откладывать. Пора показать этим убогодушным отпрыскам Империи, чей это мир, и чьим он останется.

- Армия? -- повторил Сосуд, все еще тщательно выговаривая каждый звук. -- Мне нужна армия?

«Действительно, нужна ли демону армия?», подумал Гавалон. Возможно и

нет. С другой стороны, он приложил столько усилий, чтобы собрать для него армию, что со стороны демона и Изменяющего Пути было довольно грубо отвергать ее. Разве это не должна быть война возмездия? Разве имперским солдатам будет позволено предать Гүльзакангү мечу, а ее жителям даже не представится возможности отомстить? Конечно, погибшие жители Гүльзакангү были тоже в своем роде жертвами, чьи смерти могли быть приятны для бога, за которого они умирали — но, разумеется, бог не позволит, чтобы погибло слишком много поклоняющихся ему, особенно когда среди них есть такие достойные его воины, как Гавалон Великий. Разве будущий демон здесь не для того, чтобы изменить ход войны? Неужели демон не желает хотя бы увидеть свои войска?

Гавалон отчетливо осознавал тот факт, что он не знает ответа ни на один из этих вопросов. Три долгих года он потратил на предсказывание последовательностей заклинания и схем ритуала, но так и не увидел высшей точки

плана своего бога. Простой и весьма
мучительный факт -- Гавалон не знал,
что именно должен сделать демон, и как,
и в какой степени он должен избавить
верных почитателей истинного бога
Гүльзакандры от опасности, в которой они
сейчас оказались. Гавалон высказывал
наиболее вероятные предположения, но это
были лишь предположения.

- Армия -- весьма полезная вещь,
господин, - обеспокоенно заметил Гавалон.
- Нет ничего более подходящего для
пролития крови врага, чем армия. А
кровопролитие должно состояться, не так
ли? Империят должен истекать кровью и
страдать, много страдать.

- Не знаю, - сказал Сосүг, и с точки
зрения Гавалона это было самое пугающее,
что он мог сказать.

Гавалон не мог вообразить, что
Саторазель скажет когда-нибудь «не знаю».
Но колдун напугал себя, что существо
перед ним -- еще не Саторазель, хотя демон,
несомненно, был воплощен в этих
прекрасных глазах, исполненных тьмы.
Очевидно, Нитиан еще частично владел

своим прежним телом и разумом. Почему бы и нет? Если эта метаморфоза происходила более двухсот лет, почему бы она не могла завершиться столь же неторопливым образом. Когда еще демону представится возможность испытать маленькие радости и парадоксы человеческого существования?

Возможно, человеческое тело и душа — даже столь ничтожные, как тело и душа Нилуана — блюго, которым стоит наслаждаться не спеша.

Но армия ждала, и враг быстро приближался — слишком быстро. Решительное сражение нельзя было откладывать, если, конечно, это действительно будет решительное сражение.

— Должно состояться кровопролитие, господин, — сказал Гавалон, решив, что если будущему демону нужна помощь, то его долг поточь ему. — Должно состояться великое кровопролитие, не только ради жертвоприношений, но и просто ради удовольствия. Цнородцы размножались здесь уже десять поколений, и настала

пора собирать урожай. С другой стороны, потомки первых поселенцев в Калазендре, Бүлзаваре, Зендаморе и Ёвелькане размножаются уже тысячу поколений, и собрать этот урожай уж точно давно пора. Да, повелитель, непременно должно состояться кровопролитие, и оно должно быть поистине щедрым. Пора что-то противопоставить той войне, которую с такой легкостью учиняют эти новые самозванные владыки мира с помощью своих пушек и железной дисциплины. И армия — очень полезный инструмент для такой работы, господин. Я предоставляю в ваше распоряжение сотню своих порабощенных колдунов, две сотни повелителей шабашей и множество всевозможных звероловцев. У них есть возможность доставить вам изрядное удовольствие и еду, в которой вы, несомненно, нуждаетесь.

— Еду, — повторило обнаженное существо тоном, который заставил Гавалона пожалеть о слове «несомненно». С запозданием колдун понял, что не знает, какое именно питание может понадобиться Саторазлю, чтобы

закончить его метаморфозу, или какие вкусовые ощущение ему наиболее приятны.

У будущего демона на этот счет, очевидно, были свои соображения.

- Хорошая мысль, - сказал он. -- Хочу еды.

Сейчас он казался немного крупнее и крепче, словно сама мысль о еде помогла ему продвинуться немного дальше по пути демоничества.

Озвучив свое желание поесть, будущий демон начал оглядываться. Вдруг он бросился вперед, схватив змею, которая цвела под золотистым цветком. Он поднял змею высоко в воздух, его бесконечно темные глаза смотрели на змею с такой алчностью, которую могла выразить только пустота.

Змея зашипела и открыла пасть, демонстрируя ядовитые клыки, но будущий демон засунул ее голову себе в рот и, сомкнув зубы, начал жевать, и глотать за глотком, съел двухфутовую змею до самого хвоста.

- Лучше, - сказал он, когда змея полностью исчезла в его глотке. -- Гораздо

лучше.

Тело Нитиана явно начало изменяться. Он был все еще бледным, но на его коже начал проступать узор, словно призрак съеденной им змеи.

Мальчик метнулся сначала влево, потом вправо. За пять минут он съел еще двух змей, бородавчатую ящерицу с гребнем и многоножку, по размеру не уступающую поясам, которые носили звероловы. Похоже, еда понравилась новорожденному демону.

- Вода, - сказал будущий демон. - Хочу воды.

- Нам придется спуститься на равнину, чтобы найти воду, господин, - сказал Гавалон. - Боюсь, я забыл захватить фляжку даже для себя.

Лишь сказав это, он заметил, какую он испытывает жажду. Он вдруг подумал, что выжигание глаза всегда вызывало у него жажду, но так как жечь себе глаза приходилось нечасто, лишь сейчас он это заметил. Насколько же сильную жажду может испытывать демон?

Мальчик, который больше не был

мальчиком, нашел круглый плод, наполовину скрытый растительностью. Плод был похож на нечто среднее между огромным кактусом и грибом-поганкой. Будущий демон без усилий сорвал его и, разбив, как яйцо, выпил содержащуюся в нем жидкость. Несколько последних капель он предложил Гавалону, но колдун отрицательно покачал головой, и демон глотил их.

- Все еще хочу пить, - сказал будущий демон, - пошли вниз.

Гавалон быстро согласился и дал знак звероловам, которые все еще не вышли из состояния транса. Но когда колдун повернулся, чтобы идти, мальчик вдруг выпрямился, наострив уши, которые сейчас, казалось, были вдвое больше, чем раньше, на них выросли густые пучки оранжевой шерсти. Лицо его было все еще лицом Нилуана, кроме глаз и ушей, и конечности были все еще костлявыми конечностями Нилуана, только теперь руки и ноги казались глинянее. Но тело уже не было телом Нилуана, и голос, когда демон заговорил, звучал совсем по-другому.

- Солдаты близко, Гавалон, - сказал существо. -- Уже могу и слышать их, и видеть, они лишь в паре миль отсюда. Грузовики идут сквозь ночь, их фары освещают путь среди равнины... Они покажутся здесь утром -- немного поздно... Но разница во времени их опоздания покажется чрезмерно малой. А может, и наоборот -- чрезмерно велика... - голос замолчал, словно руководивший им разум не мог охватить все зримые вероятности.

- Да, господин, - сказал Гавалон, чувствуя, как тревога стешивается в нем с глубоким облегчением. -- Ваша армия ждет вас.

- Гавалон, - сказал будущий демон тихо и, казалось, мечтательно. -- Ты не имеешь представления о том, что ждет тебя... Не знаю этого и я. Надеюсь лишь, что не придется нам скучать, когда узнаем...

И, не дожидаясь ответа, Сосуд внезапно бросился вниз по крутому склону, он бежал с такой скоростью, что обычный человек или зверочеловек не могли и надеяться догнать его.

«Вдруз он погибнет!», подумал Гавалон. Но мысль о том, что Сосуд может быть уничтожен, прежде чем демон в нем успеет сформироваться, была слишком ужасной. Запоздалое осознание того, что Сосуд уже скрылся из вида, и Гавалон понятия не имеет, куда он направился и зачем, было уже слишком. Гавалон не был настолько тщеславным, чтобы думать, будто он по-настоящему нужен демону, но ничуть не сомневался в том, что демон нужен ему. Без помощи демона даже армия, возглавляемая величайшим колдуном Гүльзакандры, не имела никаких шансов противостоять оружию Церия Фүльбры.

- Не стойте тут! -- заорал Гавалон на столбеневших звероловцев. -- Бегите за ним!

ГЛАВА 7

ДАФАН проснулся, вздрогнув, с изумлением и тревогой осознав, что он спал. Гицилла спала рядом, глубоко, но беспокойно. Она лежала неподвижно, но что-то лихорадочно шептала, как будто ожесточенно споря с кем-то. Он ясно видел

В темноте ее лицо, освещенное светом трех лун. Луны прошли зенит, и теперь их стройное расположение нарушилось, две ближних луны постепенно опережали дальнюю.

«Когда теперь», подумал Дафан, «они снова займут такое положение?» Но у него не было времени на такие абстрактные вопросы; его разбудило нечто более важное. Рассвет еще не наступил, и в окрестностях пруда было абсолютно тихо. Единственным звуком, который слышал Дафан, был отдаленный гул, словно пчелы жужжали вокруг улья.

Пчелы? Среди ночи?

Дафан сел, пытаясь определить, в каком направлении слышится шум. Он решил, что с востока. Потом он встал — и когда выпрямился над зарослями, то увидел огни. Там было три ярких огня, расположенных треугольником, как луны в небе, огонь на вершине треугольника был самым ярким — а за ними вдали виднелись другие.

Приглушенный гул был шумом моторов. Он постепенно усиливался.

переходя в рев.

Дафан опустился на колени и начал поспешно трясти Тициллу.

- Проснись! -- утешал он. -- Они идут за нами! Целый конвой грузовиков, их фары и прожектора освещают равнину.

Разбудить ее было нелегко; Сновидцы Мудрости спали более крепко, чем обычные люди, даже когда в их сновидениях не было ничего угрожающего, а в Тицилле гарн Сновидца усилился за последние несколько часов. Лишь когда Дафан поднял ее на ноги и указал на приближающийся свет фар, Тицилла поняла, в какой опасности оказались они с Дафаном.

- Но это же глупо, - сказала она. -- Зачем им преследовать нас?

Дафан уже понял, что его первое предположение, вероятно, было ошибочным.

- Должно быть, они направляются к источнику воды, - сказал он. -- У них, наверное, есть карта. Захватчикам не обойтись здесь без хороших карт -- и они, наверное, уже давно готовили вторжение в Гүльзакандру.

Тицилла не ответила сразу -- ее губы

увеличились, когда она пыталась подсчитать грузовики, но это было нелегко, пока остальные машины шли в колонне за передним грузовиком.

- Их там не так много, - сказал Дафан. - Пять или шесть, может быть, семь. Авангард - вероятно, разведчики. Там впереди есть холм - может быть, они хотят занять его и устроить там наблюдательный пост. Это единственная возвышенность на много миль, и они не знают, что с его вершины не на что особом смотреть, кругом одни пустые равнины.

- Мы этого не знаем, - заметила Тицилла. - Может быть, где-то рядом находится лагерь армии Гавалона.

- Если бы армия Гавалона была тут, - возразил Дафан, - наши бы уже заняли холм. Ну а нам что делать? Лучшее укрытие здесь у пруда, но если мы не отойдем подальше, а они решат остановиться и набрать воды, мы сильно рискуем.

- Мы должны попытаться выяснить, зачем они здесь, - сказала Тицилла, хотя и не слишком убедительно. - Это может

быть важно.

- Это не принесет никакой пользы, если ты не сможешь никому сообщить, что ты выяснили, - сказал Дафан - но он понимал, что они спорят слишком долго. Скорость, с которой двигались грузовики, была просто удивительной для того, кто привык видеть лишь медленно бредущие караваны катюлов. Дафан схватил Тициллу за рукав и потащил ее в направлении прямо противоположном пути - немного к северо-востоку.

Чем дальше они шли, тем меньше оставалось укрывавшей их растительности, но Дафан знал, что им придется пойти на этот компромисс без дальнейшего промедления. Луч прожектора был уже рядом, и хотя их синяя и коричневая одежда была довольно темной, достаточно было лишь осветить их бледные лица, чтобы приближавшиеся имперские солдаты узнали об их присутствии.

- Сюда! - сказал Дафан, увидев заросли кустов, казавшиеся достаточно густыми, но не колючими.

Тицилла послушно присела, но всрѹз
напряглась.

- Они увидят нарезанные камыши, -
испуганно прошептала она. - Они поймут,
что мы здесь.

Но теперь было слишком поздно что-
то делать с их импровизированными
подстилками, и Дафан все равно не был
уверен, что они смогли бы что-то с ними
сделать, даже если бы подумали об этом
раньше.

Теперь единственной
альтернативой было бежать в ночь как
можно быстрее, и не останавливаться - но
как бы они не бежали, они могли не успеть
убежать от света прожектора.

Грузовики, приближаясь к прѹду,
развернулись веером. Включились новые
прожекторы, обшаривая кусок плодородной
земли среди равнины. Полдюжины каких-
то животных выскочили из своих убежищ
и бросились бежать от света, раздался
треск выстрелов. Дафан услышал, как одно
животное рѹхнуло на землю, и содрогнулся
- он и представить не мог, что там
вблизи пряталось такое крупное
существо.

- Надеюсь, они отравятся мясом, - прошептала Гицилла. Но дикие свиньи были хорошей пищей, хотя они сами часто питались растениями, непригодными для людей, а мясо газелей было безвредным, хотя и не слишком питательным.

Они услышали крики приказов, когда солдаты начали высаживаться из грузовиков -- судя по приказам, имперцы не собирались задерживаться здесь надолго, после того, как пополнят запасы воды. Но некоторым, однако, было приказано принести факелы и обыскать кусты на предмет «чего-нибудь полезного» -- вероятно, имелось в виду что-то съедобное.

Света с грузовиков было так много, что Дафан мог четко разглядеть имперских солдат. Как и те двое, которых он видел в лесу, эти солдаты были одеты в хорошо пошитую серую форму. Ткачи в родной деревне Дафана были искусны, но они не смогли бы так хорошо изготовить одежду. Дафан всегда думал, что у него отличная одежда, но ее никак нельзя было сравнить с такой как у них.

Ботинки и пояса, которые носили

солдаты, производили еще большее впечатление. В деревне не было своего сапожника, поэтому все кожаные изделия для жителей приходилось покупать у торговцев, и Дафану еще повезло иметь пару ботинок, которые до него носили не больше десятка мальчишек, прежде чем выросли из них. По сравнению с высокими ботинками, в которые были обуты эти солдаты, обувь Дафана выглядела просто жалкой дешевкой. Кроме отличных поясов на форме солдат были карманы и пуговицы. Форму украшали всякие значки, но что они могли означать, Дафан даже не догадывался.

У Дафана не было времени рассматривать этих людей в лесу, когда он пытался отвлечь их, бросая камни, а когда они убили Хойюта, он так пытался остаться незаметным, что едва успел взглянуть на них. Теперь, когда он видел их ясно, он осознал, насколько не похожи на него были имперские солдаты. Все их вещи, все снаряжение, были лучше продуманы и лучше сделаны.

Гульзакангра была цивилизованной

страной -- так всегда говорили Дафану. Она сохранила изрядную долю знаний, принесенных в мир сатыми первыми людьми. Но Дафан сомневался, что в городах Гүльзакандры было что-то, что могло сравниться с одеждой имперских солдат -- не говоря уже об их оружии.

- Лежи тихо, не двигайся, -- предупредил он Гициллу. -- Не поднимай голову, если будут светить в нашу сторону. Это было очевидно, напоминая себе не в меньшей степени, чем ей. Она не ответила, и даже не стала напоминать Дафану, чтобы он сохранял не только неподвижность, но и тишину.

Дафан услышал плеск, когда солдаты собрались у пруда и, явно ничего не опасаясь, наполняли контейнеры водой. Казалось, они испытывали большое облегчение от того, что нашли пруд, и Дафан подумал, почему у них так мало воды, если прошло меньше пятнадцати часов с тех пор, как они захватили деревню. Неужели Канак смог отравить колодец? Если так, то деревня погибла навсегда: без надежного источника воды ее

невозможно будет восстановить.

Вдруг ночь разорвал внезапный крик, и Дафан вспомнил, как счастливо он спасся от чудовища из пруда. Раздался грохот выстрелов и злобещее шипение оружия, названия которого Дафан не знал.

Послышались новые крики приказов и угрозы. Даже проклятия, которые использовали имперские солдаты, звучали более впечатляюще, чем те, которые Дафан слышал из уст крестьян и торговцев, в них поминали Императора и Трон. Был ли Император в Калазенгре, или солдаты просто помнили древние предания, которые привезли с собой их предки, когда упали с неба?

Большинство приказов было напуганности о необходимости экономить боеприпасы. Когда паника улеглась, послышался стон, что позволяло предположить, что монстр в пруду не только пролил кровь, но и тяжело ранил врага.

«Гульзакандра наносит ответный удар!», с восторгом подумал Дафан.

Однако его ликование не было долгим.

Двое солдат шли в его направлении, светя факелами -- более бдительно, теперь они знали, что во тьме таится опасность. Их факелы были не теми слабыми факелами, которые делали деревенские жители из промасленных тряпок. Их свет был белым и пронзительным. Это тоже были какие-то машины, в которых, казалось, горели частицы солнца.

К несчастью, в зарослях прятались животные, чьи инстинкты велели им лежать, пока их не заметят -- а потом бежать в панике.

Лишь в панике животное могло побежать в заросли, где прятались люди, но эти ослепительные факелы были слишком пугающим нарушением нормальных условий. Свинья с полудюжиной поросят вырвались из своего убежища и бросились в самые густые заросли -- убыв, именно эти заросли Дафан считал идеальным укрытием.

Свинья бежала прямо на него, спасаясь от выстрелов. Дафану оставалось лишь откатиться в сторону, когда свинья поняла свою ошибку, и набросилась на него.

как могла только доведенная до отчаяния мать. И если бы два выстрела не убили ее немедленно, свинья могла бы изувечить Дафана, но так она лишь выгала его поозицию солдатам с факелами, которые схватили двух деревенских детей так же быстро, как застрелили свинью.

- Лежать, деревенщина! -- раздался приказ, и нога в ботинке тяжело опустилась на спину Дафана, прижав его к земле. Услышав еще один такой приказ, он понял, хотя лицо его было прижато к земле, что Гициллу постигла та же участь.

Через несколько секунд его вздернули на ноги, и поймавший его солдат объявил остальным, что «взяты в плен двое противников».

Имперские солдаты подтащили Дафана и Гициллу к одному из грузовиков и приперли к откидному борту. Им в лицо светили шесть или семь факелов, ослепляя ярким сиянием.

- Они безоружны, - произнес один голос.
- Тут могут прятаться еще!
- Здесь рядом нарезанные камыши, сэр.

из них сделали что-то вроде подстилки.
Величиной только для двоих.

- Это не значит, что их не может
быть больше - возможно, они спали по
очереди.

- Просто тщательно обыщите
территорию, сектор за сектором. Эй ты!
Ты откуда?

Похоже, смысла лгать не было.

- Из деревни, - сказал Дафан.

- Из какой деревни?

- Из деревни.

Кто бы ни задал этот вопрос,
кажется, ответ ему не понравился. В
свете факелов мелькнул приклад
винтовки, и ударил Дафана по подбородку -
но солдата, ударившего его, сразу
оттолкнули назад.

- Он просто глупый туземец. Его
чертова деревня для него весь мир.
Наверное, он никогда не видел карты, не
говоря уже о том, чтобы слышать, какие
на ней названия. Ты откуда идешь, парень?
К солнцу или от солнца?

Видимо, они думали, что его
невежество простирается настолько

далеко, что он не знает, как называются
восток и запад, но это доказывало лишь
то, что глупы были они. Городские купцы
всегда считали крестьян и сельских
торговцев идиотами, а солдаты, наверное,
были еще более уверены в своем
интеллектуальном превосходстве.

- Мы из деревни, на которую вы
напали вчера, - сказал Дафан, его голос был
нагломлен гневом и отчаянием. -- Мы
прятались в лесу, когда вы подожгли его.
Бежать можно было только в одну
сторону.

- И направляться только к одному
месту, по крайней мере, в первый день, -
заклучил спрашивавший, очевидно,
довольный своими дедуктивными
способностями. -- Вы встречали тварь в
пруду? Или знали, что она была здесь?

- Я не знал, - трачно сказал Дафан. --
Если бы Гицилла не закричала, эта тварь
сожрала бы меня.

Несколько солдат растеялись.

- Ты когда-нибудь раньше заходил так
далеко от дома?

- Нет, - ответил Дафан.

- Это ты Гицилла? - спросил солдат, повернувшись к ней. - А ты раньше бывала здесь?

- Я не ходила так далеко, - ответила она. Дафан не знал, лжет ли она, но подозревал, что возможно. Его не было с ней, когда она недавно проводила какое-то время с патером Салтаной где-то за пределами деревни.

- Где-то к западу отсюда должно быть полукруглое образование - похожее на половину шара, словно шар наполовину закопан в землю. Вы видели что-то подобное, прежде чем солнце зашло?

Гицилла не отвечала, и Дафан заметил движение в свете факелов, как будто приклад поднимался для второго удара.

- Я видела его, - быстро сказала Гицилла, понимая, что теперь это не имеет значения. - Оно далеко отсюда.

- Если ты видела его, - сказал солдат, все еще сохраняя самодовольный тон, - значит оно не так уж и далеко. Мы не какие-нибудь босяки-дикари, чтобы ходить пешком. У нас есть грузовики... это такие

повозки, которые ездят без лошадей.

Дафан не стал указывать на то, что и у него и у Тициллы была обувь. Он уже понимал, что мнение солдата о том, что должна представлять собой пригодная пара ботинок, вероятно, сильно отличалось от его мнения.

- Убить их что ли? -- спросил другой голос. -- Девчонка какая-то странная, наверное она мутант.

- Нет, - сказал допрашивавший их, вероятно это был офицер. -- Мы нашли воду -- и, скорее всего, она не отравлена, так как эти двое, наверное, пили ее несколько часов назад -- но теперь нам нужна еда. А мутанцы лучше знают, что здесь съедобно.

- У нас есть конвертер.

- Есть, и молитвы для него. Но даже техножрецы признают, что от конвертеров не много толку, если им приходится перерабатывать местную грязь, от которой нам не больше пользы, чем от деревянной стружки. Это место полно мутантов -- и растений, и животных. Я бывал раньше в пустошах, и

понимаю важность знания местных условий.

- Какое там знание? Они сами сказали, что не бывали здесь раньше. Они росли в своей деревне, как и все туземцы. Даже если они что-то и знают, они могут врать. Может быть, девочку стоит пока оставить в живых, если, конечно, она в самом деле не тузлант, но мальчишку лучше убить в любом случае.

- Ты мало убил детей сегодня? Умей немного терпения. Он крестьянин, не колдун. Ну что, ребята, как вам понравится поработать переводчиками и дегустаторами? Альтернативные варианты вы только что слышали.

- Это вам не поможет, - сказала Тицилла, ее голос был неестественно спокоен. -- Вашим начальникам не стоило посылать вас сюда. С нашей помощью или нет, вы не выберетесь отсюда живыми. Еще до следующего заката вы все будете мертвы.

Это изменило настроение солдат, собравшихся вокруг них полукругом. Наигранная веселость, которую они

проявляли, была лишь защитной реакцией против страха. Они прекрасно понимали, что оказались в опаснейшем положении, оторвавшись так далеко от наступающей армии.

- Да защитит нас Император, машинально прошептал один из солдат.

- Слава ему, - добавил другой.

- И кто же убьет нас? - спросил офицер, но его голос тоже изменился после того, как он услышал слова Тициллы. Он не мог знать, что это были не совсем ее слова, но что-то в них встревожило его. Он явно предчувствовал что-то недоброе.

- Вы их даже не увидите, - продолжала Тицилла. Ее голос звучал так, словно она не вполне пробудилась от своих Сновидений Мудрости, беспорядочная путаница которых изливалась тем шепотом, который слышал Дафан.

- Ты говоришь о ваших драгоценных Повелителях Шабашей? - спросил офицер. -- Или об ордах звероловцев, которые они где-то тут собирают? Именно это они вам говорят, чтобы удерживать вас в рабстве - что, когда наступят черные дни,

они используют свое могущество, чтобы
уничтожить ваших врагов? Ну, у меня гля
вас плохие новости. У нас есть
инквизиторы, и техножрецы, и молитвы,
которые по-настоящему действуют, и
наше могущество далеко превосходит все
эти дешёвые фокусы, на которые только и
способны ваши жалкие колдуньи. Мы --
Империя.

- Вы -- не Империя, -- трагично
ответила Гицилла, голосом таким
необычно глубоким, что Дафан никогда не
слышал такого от прежней Гициллы.

- Да что ты можешь знать об
Империи? -- спросил офицер, но его
тревога явно усилилась.

- Я говорил, что она лунатик, --
послышался грубой голос. -- Надо убить их
обоих скорее.

- Он прав -- мы должны скорее убить
их, -- сказал третий голос.

- Подождите! -- сказал офицер. -- Если
она действительно что-то знает, я хочу
выяснить, что она знает о том, что убьёт
нас до следующего заката. Девчонка, если
ты хочешь жить, лучше тебе рассказать

что-то, что мне нужно знать. Приведи какую-нибудь причину, чтобы позволить тебе еще немного пожить.

Такие перспективы показались Дафану не слишком радостными, но Тицилла по-прежнему пребывала в состоянии, подобном трансу.

- Ничто из того, что я могу сказать, не поможет вам, - сказала она чужим равнодушным голосом. -- Но если вы думаете иначе, ваш убийца уже в двух шагах отсюда к западу, и очень быстро приближается.

- Что? -- офицер явно не поверил ей. Но даже если бы он поверил, Тицилла была права -- эта информация никак не помогла ему. Ни офицер, ни кто-либо из солдат не успел ничего сказать, когда внезапно начались крики и стрельба.

Шум раздался с западной стороны лагеря -- и Дафан вдруг понял, что сейчас где бы ни произносилось имя Императора, солдаты произносили его с отчаянной злобой и сугубым ужасом, а не с обычной беззаботной небрежностью.

Дафан знал, что нельзя терять ни

секунды — и понимал, что сейчас Гицилла в таком состоянии не может действовать рационально. Он присел, потянув ее за собой, и, крепко обняв ее, спрятался с ней под грузовиком, между задними колесами.

Огни факелов замечались в тревоге; там, где раньше была сплошная стена света, направленная на них, теперь было лишь стяжение, суетившиеся солдаты ослепляли друг друга. Группа начала рассеиваться, солдаты хватались за оружие, готовясь открыть огонь.

Если бы хоть один солдат присел и выпустил очередь под грузовик... но никто не отдавал приказа, и никто не взял на себя ответственность. Как та свинья, которая выгала Дафана и Гициллу, солдаты теперь действовали по инстинктам и выработанным рефлексам — и телодвижение Гициллы пришлось как нельзя кстати. Как только начались крики, солдаты бросились защищаться от предсказанного ею неизвестного врага, который явился убить их.

- Что там приближается? —

испуганно прошептал Дафан в ухо
Гициллы. -- Что же это?

- Я не знаю, - ответила Гицилла, на
этот раз своим голосом, грожающим от
волнения и явного страха. -- Но чувствую,
что оно приближается, и оно очень
могущественное. Проблема в том, что я не
знаю, сможет ли оно отличить нас от
них. Нас легко не заметить, и если оно нас
не заметит...

Хор усиливавшихся криков и
отчаянная стрельба убеждали Дафана,
что Гицилла скорее всего права. Не нужно
было обладать даром Сновидца, чтобы
понять -- что бы это ни было, оно шло сюда
не для того, чтобы спасти их, не важно,
насколько своевременным было его
появление.

Оно шло сюда по своим причинам,
самой главной из которых было убивать.

ГЛАВА 8

- УВЕЛИЧИТЬ ДОЗУ.

Священник, которого звали Карро
Альпальяо, встревоженно оглянулся на
Рагана Баалберита. Он стоял,
опустившись на колени у ложа, на котором

лежал псайкер, хотя камера была такой маленькой, что ему приходилось неуклюже вытягивать шею, чтобы встретиться взглядом с Верховным Инквизитором.

- Это опасно, - испуганно сказал священник. Это возражение можно было понять довольно двусмысленно, но несомненно, это была правда. Препарат, который использовал Альпальао в надежде усилить способности псайкера, был местного производства, подобный тем, которые применяли культисты для своих «Сновидцев Мудрости». Даже их жрецы - которые использовали этот наркотик столетиями, если не тысячелетиями - иногда допускали передозировку, с фатальными результатами.

Наркотик был вдвойне опасен. Он был ядовит сам по себе, и его токсичность была продуктом мутации в результате воздействия варна. Вторая опасность создавала вероятность того, что любая информация, полученная путем использования этого препарата псайкером - потомком иммигрантов, могла быть затронута скверной на самом

элементарном уровне. Впрочем, священника пугала не только возможность того, что наркотик не так подействует. Баалберит знал — Альпальяо боялся и того, что наркотик подействует как надо. Никому не хотелось находиться рядом с псайкером под дозой, даже священнику.

«Священники, которые были на борту кораблей, принесших людей Империи на Сигматус, должно быть, были тверже и решительнее», подумал Баалберит. Наверное, они были куда более непоколебимы в вере, куда более убежденными в своем уповании на возлюбленного Императора и силу крови Его. Изгой, изолированные от цивилизации на протяжении поколений, стесавшие свою кровь с кровью аборигенов, которые были в лучшем случае безбожниками, едва ли могли избежать утраты знаний предков, но постепенная потеря веры была, несомненно, более опасной. Он и его предшественники делали все, что было в их силах, чтобы туземцы, с которыми имперские иммигранты стесивали кровь, оставались хотя бы неверующими, но не

затронутыми расплывающейся скверной Хаоса, но даже в своих успехах Баалберит не был уверен, что уж говорить о делах его предшественников? Если контакт с Истинным Императором не будет в скором времени восстановлен, и настоящие инквизиторы и священники не встанут на место тех, кто носит эти звания сейчас, Сигматус может быть обречен, даже если кампания флэбры в Гүльзакандре окажется успешной.

Эта мысль была нестерпима для Баалберита. Сигматус должен быть объединен с Истинным Императором и должным образом очищен. Лишь священники и инквизиторы Истинного Императора могут судить об истинной степени скверны, охватившей Калазендру, Состенуто и так называемый дворец Орлока Мелькарта.

Баалберит понимал, что Мелькарт, должно быть, уже слышал о том, что псайкер сообщил о приближении имперского флота. У губернатора везде были шпионы.

Хотя у Баалберита не было

доказательств, он был уверен, что Мелькарт приказал уничтожать остальных псайкеров не только потому, что боялся того, чему они могут научиться, но и того, с чем они могут связаться. Орлок Мелькарт считал, что его армия выигрывает завоевательную войну -- и, собственно, так и было, если смотреть на это завоевание со столь ограниченной точки зрения. Но он должен понимать, что люди, которые все еще гордо именуют свое общество Империей, без помощи извне не смогут выиграть войну против мутации, которая постепенно погружает этот мир в бездну порчи.

Мелькарт мог мешить себя иллюзией, считая, что Гүльзакангра осталась последним убежищем колдунів и повелителей шабаши на Сигматусе, но это был лишь самообман. Гүбернатор не был глупцом, и прекрасно знал, что колдуны и повелители шабаши в покоренных государствах лишь ушли глубоко в подполье, и даже Состенүто далеко не свободен от скверны Хаоса.

не смотря на то, что это столица
Калазендры и первый город, в котором
поселились имперские иммигранты.

Орлок Мелькарт, для которого слово
«Империя» означало лишь власть в
самом прямом смысле, не видел никаких
проблем в том, чтобы называть себя
планетарным губернатором, а свой
административный аппарат
«Империей». В отличие от него Раган
Баалберит знал, что Империя означает
еще и веру, чистоту, дисциплину, и вполне
понимал, насколько тщеславно и
незаслуженно звучит по отношению к нему
титул Верховного Инквизитора, хотя он
был наследником долгого ряда назначений,
начавшихся с настоящего инквизитора.

Баалберит часто думал, что сделал
бы настоящий инквизитор с ситуацией,
сложившейся на Сигматусе. Когда
Баалберит разрабатывал стратегию
своих действий, то часто спрашивал себя
«чего хотел бы достигнуть Первый
Инквизитор Сигматуса в такой ситуации,
и как бы он этого добился?» Иногда ему
казалось, что он знает ответ. Но чаще

всего, увы, он знал лишь, что ничего не знает.

Двести лет -- даже если это были «настоящие» имперские годы, а не более долгие местные -- все равно, это слишком долгий срок изоляции. Слишком многое было утрачено, пока бесценные знания пытались передавать из поколения в поколение. Наследники членов экипажей кораблей, основавших колонию, из всех сил пытались выучить все, что знали их отцы, и возносили молитвы со всей убежденностью своей веры. Каждое поколение из всех сил старалось постигнуть все истинные знания и передать их наследникам -- но даже истина нуждается в подтверждении окружающей обстановкой. Даже сильнейшая вера неминуче ослабевает, если могущество Императора не проявляется зримо каждый день.

Военная мощь их «Империи» постепенно слабела, когда орудия, привезенные на кораблях, ломались от износа, или у них кончались боеприпасы, но это медленная деградация была зрима и

понятна. Ослабление же веры, дисциплины и чистоты было куда труднее заметить и измерить. Никто -- даже сам Верховный Инквизитор -- не знал, насколько, или какими именно образом были подорваны духовные аспекты Империи в изолированной колонии Сигматуса. Техножрецы все еще возносили свои молитвы, но как были подвержены разрушению и деградации технологии, которые эти молитвы помогали поддерживать, так постепенно увядала и вера, заложенная в молитвах. Вот почему доза наркотика, вводимого псайкеру, должна быть увеличена, независимо от того, какие опасности это могло повлечь.

Если поблизости действительно был имперский флот, контакт должен быть восстановлен -- или все пропало.

Баалберит понимал, что эта завоевательная война необходима, принимая во внимание ту поддержку, которую оказывали повелители шабашей Гүльзакандры своим загнанным в подполье коллегам из других государств, но понимал инквизитор и то, что этого

недостаточно. Не важно, насколько эта война послужит тщеславию Мелькарта, она все равно не спасет «Империиум» Сигматуса -- и если тщеславие Мелькарта действительно так велико, как иногда кажется, победа Фүльбры лишь ускорит падение их крошечного «Империиума».

В отдаленной перспективе, даже если Фүльбра победит, Сигматус все равно окажется во власти Хаоса. Единственное, что может предотвратить это -- восстановление контакта с Истинным Империиумом. И Раган Баалберит тщательно осознавал тот факт, что возможность контакта, открывшаяся с ослаблением варп-шторма, может не продлиться слишком долго.

Была, конечно, и другая опасность, которая пугала Верховного Инквизитора так же, как и любого другого человека. Опасность, что если Истинный Империиум узнает о положении дел на Сигматусе, ответом может стать приказ на Экстерминатус. Баалберит, однако, был одним из очень немногих людей в местном

«Империяте», которые приняли бы эту
участь с философским стирением, если бы
это было сочтено необходимым.

Возможно, думал Баалберит, именно
эта опасность пришла в голову
священнику, продолжавшему медлить,
держа в руке пузырек с наркотиком -- но
все-таки это вряд ли. Священник был из
тех людей, которых больше пугали
очевидные опасности. В отличие от
псайкера, священник был метисом. В их
именах не было ничего, что указывало бы
на эту разницу -- псайкера звали Дейр
Ажао -- но, тем не менее, это было так.

На самом деле, думал Баалберит,
именно в этом и была суть проблемы.
Корабли, приземлившиеся на Сигматус
двести лет назад, направлялись на
исследовательскую миссию. Они были
хорошо укомплектованы солдатами и
чиновниками Агентус Терра, но их
экипажи на девяносто процентов состояли
из мужчин. Солдаты оставили множество
потомков, но у 999 из каждой тысячи в
родословной была как минимум одна
мужская женщина. Агентус Терра были

более осторожны, но у этой осторожности тоже был предел при такой ограниченности чистокровного генофонда. Второе чистокровное поколение на 50% состояло из женщин, как и каждое последующее поколение, но ограниченность генофонда чистокровных была слишком серьезной. «Община илмигрантов», как ее обычно называли, включала менее десяти процентов чистокровных илперцев, остальные были метисами -- и огромное большинство солдат и привилегированных служащих лишь на 1/8 или 1/16 были потомками илперцев. Священник -- на четверть.

- Выполняйте, - сурово приказал Баалберит.

Альпальяо понимал, что он не может медлить вечно. Священник наконец протянул свою костлявую руку и поднес пузырек к губам псайкера. Глаза псайкера были закрыты, хотя, казалось, он не спал, но когда пузырек прикоснулся к его губам, он слегка поднял голову, чтобы выпить его.

Псайкер уже пребывал в пугающем состоянии транса, усиленном и

углубленном наркотикати. Его чувства не реагировали на ту крошечную часть реального мира, что была заключена в этой камере, похожей на монашескую келью, теперь они внимали иным мирам, существовавшим за пределами обычного пространства и времени.

Учителя Баалберита говорили ему, что в некоторых из этих иных измерений зрение так усиливалось, что человек мог смотреть сквозь пустоту космоса и видеть миры, вращавшиеся вокруг иных звезд. Что еще более важно, способность человека формулировать мысли в словах внутри своего разума усиливалась настолько, что он мог говорить эти мысли прямо в разум других, и слышать их мысли за тысячи, миллионы, миллиарды миль.

Сейчас требовалось именно это. Чистокровный псайкер должен был установить контакт с другими себе подобными, желательно — хотя не обязательно — находившимися на борту корабля имперского флота достаточно близко к Сигматусу, чтобы достигнуть

его через несколько часов.

Псайкер вынул, и в комнате резко стало холодно. Пузырек в руке Альпальяс треснул, и священник отложил его, пока он не раскололся. Рука священника дрожала так сильно, словно ее трясла некая внешняя сила. Баалберит почувствовал, как дрожь сотрясает и его тело, заставляя кровь кипеть в венах, и пробуждая в сердце необычные чувства. Он отчаянно пытался сохранить над собой контроль.

Псайкер знал, что от него требовалось, хотя Баалберит вовсе не был уверен, что знание того, что требуется, увеличит шансы на успех, а не уменьшит их.

Когда наркотик начал действовать, лицо псайкера стало страшно искажаться. Пот полился из пор на лбу и щеках, глазные яблоки бешено вращались под закрытыми веками. Карро Альпальяс поднял трясущуюся руку к лицу, чтобы вытереть нос, но на рукаве осталась кровь.

- Я вам говорил, - прошептал перепуганный священник без малейшего

следа самодовольства. -- Все, что вы сделали -- лишь оставили его беззащитным перед ужасами адских миров.

Баалберит давно подозревал, что Варп-шторм, окутывающий Сигматус -- удивительно тонкая вещь. Злой «Художник Судеб», которому поклонялись тунземцы, казалось, использовал для него тончайшие оттенки своих красок, чтобы создать замысловатые, неуволитые эффекты, изысканность которых едва ли мог оценить простой смертный. Хотя мир находился на краю так называемого Ока Ужаса, он никогда не подвергался тем чудовищным явлениям, которые легенды приписывали мирам, находившимся внутри Ока. Однако он был достаточно близко, чтобы Сновидцы Мудрости видели те несчастные миры куда чаще и подробнее, чем мириады миров Империи Человека.

«Адский мир» - понятие, определенно не забытое инквизиторами Сигматуса, как не было забыто и его значение.

Псайкеры-иммигранты иногда

сходили с ума от их зрелища. Миры, атмосфера которых была постоянно охвачена огнем, и миры, чьи кровавые океаны были живыми, имели мало отношения к человечеству, потому что жизнь, которую они поддерживали, была совершенно чуждой, а миры, созданные в виде кричащих гуманоидных голов были просто костячскими пугалами, но существовали и другие адские миры, где могли обитать существа, наделенные разумом и душой, и они там обитали в вечных тьмах.

Баалберит не представлял себе, как такое могло быть. Несомненно, существо, родившееся в результате естественного отбора в мире, который мог показаться обычному человеку адом, должно быть приспособлено к окружающей среде ментально и физически, и местные условия должны казаться ему вполне нормальными, причиняя страдания лишь при выходе за какие-то опасные пределы. Даже если такое существо постоянно испытывает боль, как долго будет эта боль причинять страдания, прежде чем

станет привычным аспектом существования именно в силу своего постоянства?

Увы, Око Ужаса было частью Империи Хаоса, а Хаос было бесполезно анализировать, опираясь на здравый смысл. Несомненно, существовали такие вопросы, понять которые было привилегией лишь Императора Человечества.

Баалберит подтолкнул Альпальяс коленом, чтобы священник подвинулся -- что тот, дрожа от страха, и сделал, несмотря на то, что в камере было очень тесно. Баалберит присел рядом с псайкером и взял его за руку. Рука была вялой и охваченной лихорадочным жаром, но не потеряла чувствительность. Транспсайкера не делал его нечувствительным к физической боли -- скорее наоборот. Даже воздух вокруг него начал потрескивать, словно тело псайкера окружала незримая пылающая аура. Когда Баалберит сжал его пальцы, псайкер немедленно ответил на этожатие.

- Послушай, Дейр, - сказал Баалберит, подавляя ужас, перетекавший из руки

псайкера в его руку. -- Агские миры -- лиш
психодрама. Заблуждающий спектакль
скверны на грани измений, созданный,
чтобы отвлечь чистых разумом и
сердцем. Тебе не нужно смотреть на них, и
не нужно сосредотачивать на них взгляд,
если все же случайно их увидишь. Смотри
за их пределы. Не важно, как
демопоклонники называют своих
незаконных псайкеров, ты единственный
Сновидец на Сигматусе, которого можно
по праву назвать Сновидцем Мудрости, и
ты должен использовать свою мудрость.
Если часть флота поблизости, ты должен
найти корабли -- и если ты нашел их, то
должен установить контакт с теми, кто
ведет их. Мы должны знать, известно ли
им о нашем божественном положении -- и
если нет, мы должны им сообщить.

Баалберит не был уверен, что его
слова смогут пробить барьеры,
возбужденные между сознанием псайкера в
трансе и реальным миром, но знал, что не
будет вреда, если он скажет их вслух. Он
чувствовал, что эти слова пойдут во
благо, даже если не будут услышаны.

человеком, чей разум дрейфовал между измерениями, преследуемый видениями адских миров.

Возможно, слова все-таки были услышаны, потому что глаза, двигавшиеся за закрытыми веками, больше не возвращались столь лихорадочно, и пот, лившийся с лица псайкера, больше не выделялся в таком количестве. Действительно, псайкер в трансе, казалось, пытался плотнее закрыть глаза, зажимывая их словно чтобы сосредоточиться. Он явно был в сознании, все его тело, казалось, было охвачено странной активностью. По стенам камеры словно текли слезы, лились они и по лицу Карро Альпальяо, но слезы священника были розовыми.

- Он пытается, - прошептал Баалберит своему пораженному спутнику. - Молитесь, чтобы ему удалось.

- Я молюсь, - произнес священник сквозь стиснутые губы.

Губы псайкера начали шевелиться, словно он пытался что-то сказать, но слова не были слышны, и Баалберит не мог

прочитать их по судорожным движениям губ.

- Громче, Дейр, - прошептал он. --
Громче или точнее.

Ужас, исходивший от псайкера, был теперь другим: менее выраженным и жестоким. Казалось бы, он должен был стать менее напряженным, но это было не так.

Баалбериту пришлось приложить больше ментальных усилий, чтобы подавить панику, овладевавшую им. Он ощущал, что сосуды, питающие сердце, казалось, пытались завязаться в запутанные узлы.

Псайкеры Сигматуса в трансе часто не были способны произносить звуки, и те, кто пользовался их даром, должны были уметь хорошо читать по губам. К сожалению, псайкеры не могли четко выразить свои слова, и даже самые опытные чтецы по губам часто передавали искаженные версии того, что они пытались сказать. Баалберит не знал, сталкиваются ли псайкеры в других мирах с той же проблемой, или это какие-то

особенности местных условий.

Постепенно движения губ Ажао стали более спокойными и четкими.

- Сигматус, - прочел Баалберит, прислушиваясь к шепоту псайкера. -- Отрезаны... ассимиляции... война продолжается... возможность очищения... опасность... высадка возможна... держится...опасность... баланс... опасность... Он прорвался, Карро! Он прорвался. Скажи им, Дейр. Пусть они услышат тебя. Скажи им, что нам нужна помощь. Скажи, что мир отчаянно нуждается в их помощи, но все можно исправить, если нам поможет их огневая мощь и духовное руководство. Скажи, что нам нужны подкрепления: костодесантники, инквизиторы. Скажи им, что эхо Империи, еще оставшееся здесь, заслуживает помощи и спасения! Пусть они услышат! Пусть увидят! Если они будут действовать быстро, здесь еще можно будет одержать победу.

Баалберит не знал, слышит ли его Ажао и сможет ли он последовать указаниям инквизитора, но ему нужна

была надежда так же, как нужна была вера. Он был окружен врагами, в число которых входили и те, кто должен был стать его ближайшими помощниками. Ему нужны были подкрепления, чтобы помочь его инквизиторам и священникам в борьбе против Орлока Мелькарта, так же, как нужны были подкрепления Фүльбре в войне с колдунями Гүльзакандры. И больше всего ему нужна была надежда, что эти подкрепления придут, и что они придут вовремя.

Гүбы Дейра Ажао снова двигались, но теперь они не пытались произносить слова. Теперь они выражали боль и мучительное страдание. Из закрытых глаз псайкера потекли кровавые слезы, и дрожь, сотрясавшая его тело, перешла в настоящие судороги.

- Он уже за гранью, - сказал Альпальяо, отчаянно пытаясь вытереть лицо страшно трясущейся рукой. -- Он погибает. Мы должны вывести его.

- Нет, он же сейчас так близко, - произнес Баалберит сквозь сжатые зубы.

Стены катеры лихорадочно

загрожали, покрываясь буйством красок, которое никогда не смог бы выдумать человек -- но, увы, в этих красках ничего нельзя было прочесть.

В любом случае, Баалберит знал, что эти попытки -- все, что могут сделать он и священник. К наркотику тугемцев не было антидота, и транс-псайкера не был таким состоянием, из которого можно вывести просто так. Ажао оказался в ловушке, пленником своей странной природы. Если он падал все глубже в бездну своих видений, лишь он один мог остановить это падение. Его внутренняя мудрость была единственным средством спасения, которое позволило бы ему обрести крылья и взлететь из бездны, или стать невесомым и воспарить.

Но рука, которую держал Баалберит, теперь вцеплялась в его руку, сжимая ее с силой отчаяния.

- Давай же, Дейр, - сказал Баалберит. -- Возьми ситуацию под контроль. Ты должен...

К несчастью, видно, это был тот случай, когда Сновидец, хотя и мудрый, не

был достаточно опытен, чтобы управлять своим видением. Возможно, думал Баалберит, за еще одну тысячу лет господства Империи на галактике появятся новые поколения псайкеров -- более чистые и искусные, чем все, что способна произвести скверна Хаоса, но это время еще не пришло.

Кровавые слезы продолжали литься, и теперь было ясно, что глаза, вращавшиеся за зажмуренными веками, смотрят на некий ад -- вероятно, ад куда более страшный, чем мир, охваченный огнем или море кипящей крови.

Кожа псайкера всегда была необычно бледной, даже для чистокровного потомка имтигрантов, но теперь она была белой как бумага. Следы кровавых слез были похожи на строки красных чернил, описывающих историю цивилизации Сигматуса на давно забытом языке, более старом, чем сам мир.

Теперь приоритеты Баалберита изменились. Крепко сжав руку псайкера, он начал шептать ему в ухо новые приказы, гораздо более простые.

- Не утирай, - приказал он. -- Держись.
Не утирай. Живи, чтобы попытаться в
другой раз. Не утирай. Попробайся уснуть.
Не утирай. Закрой глаза и уши своего
разума от соблазнов врага. Возвращайся. У
самое главное, не утирай!

Он мог лишь надеяться, что этого
будет достаточно.

Завтра будет другой раз -- и завтра,
возможно, будет не слишком поздно
добиться спасения, хотя бы для себя, если
не для родного мира. Отчаянные времена
требуют отчаянных мер, а Раган
Баалберит слишком хорошо знал, что
значит отчаяние.

ГЛАВА 9

СНАЧАЛА под грузовиком было очень
темно. Мгновенно включились полдюжины
фар и прожекторов, их лучи начали
обшаривать окружающую пруд густую
растительность, но от этого темнота, в
которой прятались Дафан и Гицилла,
стала лишь еще темнее. Дафан не видел
лица Гициллы, но был уверен, что она как
минимум наполовину в трансе. Она не
была неподвижна, но ее движения были

судорожными и нескоординированными; она не пыталась перейти в положение, из которого могла бы лучше видеть, что происходит.

Дафан подумал, что возможно, она лучше видит с закрытыми глазами. Возможно, сознательно или нет, это она пробудила те силы, которые истребляли сейчас злополучных солдат, явно не знавших, где искать врага, которого они могли бы застрелить.

У Дафана не было внутреннего зрения. Сновидцев, поэтому он выполз немного вперед и поднял голову, пока она не стукнулась о переднюю ось грузовика. Как только Дафан прополз под этим препятствием, он поднял голову снова.

Не покидая укрытия можно было разглядеть не слишком много -- а он не собирался вылезать под пули. Но Дафан все же разглядел кое-что из того, что делали солдаты. Они присели, почти так же прижатаясь к земле, как Дафан, а стрелки из кузовов грузовиков вели огонь над их головами. Дафан видел белые огни выстрелов, пронзавших кусты, но эти

растения не взрывались, как колючие деревья в лесу. В нескольких местах вспыхнули пожары, но горели они слабо, а разгорались еще слабее. Они тлели багровым или синеватым огнем, испуская густые клубы едкого дыма, но не вспыхивали, и, видимо, не было опасности, что весь район будет охвачен неостановимым огромным пожарищем, подобным тому, который опустошил лес.

Дафан не видел никаких признаков ответного огня: ни вспышек дымного пламени, ни летящих стрел, ни лучей. Но он видел, что солдаты несли потери.

Он видел, как один солдат стал кататься по земле с выпученными глазами, из его рта текла пена, словно его мозг вскипел внутри черепа. Он явно пытался остановиться, вцепляясь в землю с такой силой, что срывал ногти с пальцев, и все же Дафану казалось, что кататься по земле его заставляли собственные мышцы.

Другой солдат, напротив, стоял прямо, словно оцепенев, двигались только его руки, медленно поворачивая оружие,

которое он держал, неумолимо наводя ствол лазгана на его голову.

Лишь когда оружие поднялось к голове, человек открыл рот и засунул ствол лазгана между потрескавшимися губами и пожелтевшими зубами. Дафан хорошо видел его глаза, хотя на них не падал прямой свет, и видел ужас в них, когда палец солдата, вывернутый под неестественным углом, начал нажимать спусковой крючок.

Дафан видел, как другой солдат загорелся, словно внутри его живота зажглась свеча. Небольшие струи пламени вырвались из-под его кожи, прожигая дыры в форме. В отличие от других, этот солдат мог кричать, и кричал из всех сил.

Похоже, немногие люди умели утирать с достоинством.

Это магия, подумал Дафан. Именно такой она должна быть. Это судьба, которая должна постигнуть захватчиков, пришедших, как эти солдаты, убивать невинных людей Гүльзакандры. Дафан знал, что должен испытывать радость или

даже ликование — но казалось, на него тоже действует некое заклинание, потому что он испытывал лишь тошноту. Дафан не мог ненавидеть что-то или кого-то больше, чем он ненавидел этих людей, но зрелище их гибели привело его в ужас. «Если это действительно Тицилла», подумал он, невольно чувствуя себя предателем, «то я хочу, чтобы она прекратила».

Однако, подумав, Дафан отверг предположение, что это может быть Тицилла. Не важно, как быстро совершенствовался ее дар Провидца Мудрости, усиленный событиями предыдущего дня, она не могла вот так сразу стать настоящим колдунот. В любом случае, ни в одной из легенд, которые слышал Дафан о самых могущественных колдунах, живших когда-либо, не упоминалось нечто подобное. Что бы ни происходило здесь, это явно было нечто нечеловеческое.

Когда более отдаленные крики стали сильнее, Дафан понял, что солдаты в грузовиках тоже не защищены от этой

опасности. Огонь из тяжелого оружия, установленного на машинах, становился все более беспорядочным, по мере того, как положение солдат оказывалось все более отчаянным.

Кто-то выкрикивал приказы, пытаясь организовать ведение огня так, чтобы захватывать всю близлежащую местность, но теперь солдаты действовали гораздо менее четко.

Дафан, движимый любопытством, пополз еще пару дюймов вперед, но Тицилла вдруг схватила его за пояс и потащила назад.

- Сюда! -- прошептала она. -- Скорее! Если останется здесь, то умрет!

Дафан понял, что «сюда» означает налево. Она была уже там, и выбралась из под грузовика первой, вцепилась в рубашку Дафана и потащила его за собой. Дафан не знал, в трансе она или нет, но он не представлял, что делать, и утверждение, что они умрут, если останутся здесь, звучало слишком правдоподобно. Что бы ни убивало солдат, казалось, ему для этого совсем не нужно их видеть; смерть,

подобно дыму тлеющих пожаров, висела в воздухе.

Похоже, не было иной альтернативы, кроме как бежать, понадеявшись, что италькановский павозет ускользнуть и от атакующих и от защищавшихся — но Тицилла имела в виду нечто иное. Вместо того, чтобы убежать в ночь настолько быстро, насколько позволяли ноги, она повернулась и схватилась за ручку двери кабины грузовика — это место, как понял Дафан, соответствовало скамье кучера на павозке.

Дафан не думал, что сейчас в кабине кто-то есть, но она не казалась ему подходящим местом, чтобы спрятаться. Если поднятые борта кузова не могли защитить стрелков в нем, прозрачное стекло перед сиденьем водителя тем более едва ли было способно защитить от неведомой злой силы, сеявшей опустошение среди солдат.

Как только Тицилла открыла дверь, она прыгнула на сиденье и протянула руку Дафану, чтобы помочь ему забраться в кабину. Он взял ее руку и влез в кабину за ней.

Когда он оказался внутри, Тицилла уже перебралась на другое сиденье, перед которым было большое колесо -- самая заметная деталь в этой части механической повозки.

- Но ты же не умеешь управлять этой штукой! -- ошеломленно сказал Дафан.

Он и раньше знал, что существовали такие вещи, как грузовики, и слышал рассказы о них от людей, которые их видели, но ни один из этих рассказов не мог подготовить его к тому, что он увидел внутри грузовика. Заткнутое пространство кабины казалось ему очень таинственным и абсолютно чужим -- но когда Тицилла повернулась к нему, чтобы приказать замолчать, ей даже не понадобились слова. Ее глаза были огромными и светящимися, зрачки жутко расширены. Губы искривились в свирепой ухмылке, из-за чего ее красивое лицо превратилось в страшную карикатуру.

Из пола грузовика между сиденьями торчал большой рычаг, и Тицилла стала дергать его туда-сюда. Мотор грузовика взревел. Как только грузовик пришел в

движение, она повернула колесо, вероятно, служившее для тех целей, что и поводья у лошади, резко развернув грузовик влево.

Перед носом грузовика оказались двое солдат. Они вскочили на ноги, но лишь один оказался достаточно глуп, чтобы попытаться просигналить водителю, скорее утоляя, чем приказывая остановиться. Второй догадался убраться с пути машины, что позволило ему не оказаться раздавленным.

Дафан подумал, что даже если бы водителем был один из солдат, сбивый был глупцом, если думал, что грузовик остановится в такой ситуации. И как только эта мысль пришла Дафану в голову, он заметил, что их грузовик — не единственный, который пришел в движение. Приказали им отступить или нет, но солдаты, видя, как погибают их товарищи, очевидно, решили, что оказаться в любом другом месте посреди дикой степи будет безопаснее, чем здесь, у пруда.

«Вот и хорошо», подумал Дафан. «Они не знают, что это мы. Они не

погонятся за нами».

Однако он опасался того, что могло показаться прямо за кабиной. Сколько вооруженных солдат осталось в кузове грузовика? Какое у них оружие? И что они будут делать, когда увидят, кто увез их с поля боя?

Тицилла сейчас была не в том состоянии, чтобы думать об этих мелочах. Она снова резко крутанула колеса перед собой, направив грузовик в совершенно другую сторону. Дафан уже забыл, в каком направлении был пруд, и подумал, не повернула ли она так резко, чтобы не въехать прямо в воду. Она не пыталась найти более ровную дорогу, а сквозь стекло ничего не было видно кроме зарослей кустов и экзотических цветов -- настоящий поток растительности, казалось, бросающийся под колеса грузовика.

Конечно, это была оптическая иллюзия; мчался сам грузовик, стиская заросли, безумно бросаясь из стороны в сторону и подпрыгивая на кочках и корнях.

Дафан слышал, как людей в кузове -- или, возможно, какие-то неживые объекты

швырало туда-сюда, колотя о высокие борта. Пушка, установленная в кузове, больше не стреляла.

Солдат нигде не было видно, но повсюду вокруг были заметны свидетельства их присутствия в виде облаков дыма и вспыхивающих лучей света, беспорядочно мечущихся на фоне звездного неба.

- Открой дверь! -- закричала Тицилла.
- Подвинься!

Дафан не понял. Он хотел спросить, зачем, но когда посмотрел на нее с вопросом в глазах, она взглянула на него -- и то, что было в ее глазах, явно не располагало задавать вопросы. Это был приказ, не допускающий возражений.

Дафан беспомощно почувствовал, как его рука потянулась к двери и схватилась за ручку. Он никогда раньше не открывал такую дверь, поэтому ему понадобилось несколько секунд, но наконец он смог правильно нажать ручку и распахнул дверь -- и сразу же без малейшего промедления и дальнейших указаний передвинулся на узкое пространство между дублями.

Дафан не мог поверить, что во всем мире найдется кто-то достаточно ловкий, чтобы на ходу запрыгнуть в тчащийся грузовик — или достаточно стелый, чтобы попытаться. Однако, его неверие длилось недолго, когда человеческая фигура, выскочив из кустов, уверенно запрыгнула на грузовик, схватившись руками за дверной проем, и одним плавным движением уселась на место, которое освободил Дафан.

Пришелец сам закрыл дверь. Он ничего не говорил, но Тицилла, очевидно, и так хорошо знала, что делать. Она снова вывернула рулевое колесо, бросив грузовик в такой резкий поворот, что на секунду машина встала на два колеса. Дафан испугался, что грузовик перевернется, но страха было недостаточно, чтобы заглушить изумление, когда он смотрел на их нового пассажира.

Это был мальчик, казалось, не старше его самого. Мальчик был полностью обнаженным, его кожа была словно покрыта странными узорами. Его телосложение было не слишком

впечатляющим, хотя внешность явно была обманчива, учитывая, какой потрясающий гимнастический трюк он только что выполнил, но больше всего внимание Дафана привлекло его лицо.

Сейчас, когда они удалялись от источников света, в кабине грузовика было гораздо темнее, но Дафану казалось, что особенная темнота глаз их нового спутника была не просто тенью. Его уши тоже были необычными: заостренными и с кисточками шерсти, как уши волколысы или пустынной рыси.

Даже в их деревне, которая считалась необычно удачливой в этом отношении, иногда рождались мутанты. Дафан сам видел мертвых животных, обладавших, казалось, человеческими чертами, но слышал лишь приглушенный шепот о человеческих детях, рождавшихся с признаками животных — их куда-то забирали. В первый раз он видел человека, обладавшего внешними признаками животного.

- Кто ты? — произнес Дафан, когда к нему вернулось дыхание.

- Ты и ты, - загадочно ответил мальчик. Сказав это, он протянул обе руки к своим спасителям. Длинные пальцы его правой руки коснулись лба Гициллы, а пальцы левой скользнули по щеке Дафана. Дафан почувствовал, как странная дрожь прошла сквозь него. Это не было болезненно, но не было и приятно; он ощутил, как словно бы некая нить обвязалась вокруг его сердца.

- Как тебя зовут? - спросил Дафан, на случай если мальчик не понял первого вопроса.

- Не знаю... Слишком устал... - последовал ответ.

Даже в почти полной тьме Дафан почувствовал, что эти поразительно темные глаза были уже наполовину закрыты. Мальчик откинулся на сиденье, его странная голова с заостренными ушами с кисточками опустилась на плечо Дафана. Дафан боялся стряхнуть его или хотя бы разбудить, повернув голову к Гицилле, но по крайней мере, он мог спросить.

- Кто он, Гицилла? Что это? Что

происходит?

- Не знаю, - произнес голос Гициллы, словно странное эхо. -- Слишком устала...

Но она хотя бы не заснула. Она продолжала управлять машиной, ведя грузовик сквозь ночь.

Они направлялись все дальше в степь, и земля здесь была более ровной. Больше не казалось, что окружающие растения бросаются под колеса. Свет фар позволял немного разглядеть путь впереди, хотя грузовик ехал явно слишком быстро, чтобы остановиться вовремя, если в свете фар из темноты возникнет какое-то препятствие.

- Ого! -- внезапно произнес голос Гициллы. Он действительно звучал как голос Гициллы, хотя Дафан не был уверен, что это ее разум управляет сейчас ее руками и ногами.

Дафан не мог обернуться, но там, где он сидел, можно было смотреть в зеркало, расположенное над головой, чтобы водитель мог смотреть назад. Дафан видел в зеркале лишь свет, но этого было достаточно, чтобы понять, что за грузовиком следуют -- или, возможно,

зояются.

Свет был слишком яркий для фар, по мнению Дафана. Поэтому он решил, что должно быть, это прожектор, установленный в кузове преследующего грузовика, исправен, и он направлен на их машину. А это означало, что пушка в кузове, вероятно, тоже исправна, и, вероятно, наведена на цель, освещенную прожектором. Это, в свою очередь, могло означать, что если кто-то на другом грузовике видел, как голый мальчик прыгает в их грузовик, или ител еще какие-то причины считать, что их грузовик ведет не имперский солдат, и, итроим, вероятно, осталось жить весьма недолго — пока имперские солдаты, оставшиеся в кузове их грузовика, не выпрыгнут... что они, возможно, уже сделали.

Дафан увлеченно уставился в зеркало, хотя там не было видно ничего кроме ослепительного света. Волосы на его затылке встали дыбом.

Потом ослепительный свет стал еще более ослепительным. Зеркало, казалось,

вспыхнуло, словно само превратилось в облако раскаленного газа.

«Я уже мертв», подумал Дафан, хотя понимал, что эта мысль нелепа.

Он не был мертв. Пушка преследующего грузовика не выстрелила -- или, если выстрелила, то дала осечку -- и взорвалась, и от силы взрыва грузовик разлетелся на куски.

Взрывная волна встряхнула их грузовик, но не перевернула.

- Ого! -- произнес голос Тициллы. Дафан раньше не знал, как много могла значить эта фраза. Сейчас она звучала совсем по-другому, тревога и раздражение уступили место радости и веселью. Но когда грузовик снова нырнул во тьму, Дафан понял, что радость была смешана с усталостью, а веселье -- с изнеможением. Он видел, что Тицилла повисла на руле, даже не глядя, куда едет грузовик -- по крайней мере, не глазами.

- Тицилла... - встревоженно сказал Дафан, думая, сможет ли он вернуть ее в нормальное состояние -- и надо ли это делать.

В конце концов он подумал, что если она придет в себя, то, возможно, внезапно обнаружит, что не имеет ни малейшего представления о том, как управлять имперской машиной, и это будет далеко не самое подходящее время для такого открытия. Подумав, Дафан решил, что лучше молчать. Если Тицилла ведет машину в магическом трансе с того времени, как они впервые сели в кабину, наверное, лучше ей не мешать.

Прошло еще несколько минут, звериное ухо странного мальчика невыносимо давило на плечо Дафана, а длинные кисточки шерсти столь же невыносимо щекотали его шею. Очень осторожно Дафан переместил тело мальчика вправо, и его странная голова свесилась в другую сторону, откинувшись на спинку сиденья, и уперлась в дверь. Такое положение выглядело не слишком удобным, но и не являлось невыносимым.

Это позволило Дафану повернуться к Тицилле, и он увидел, как она опустила голову на руки, продолжая вести грузовик, не сворачивая с пути. Этот путь вел их во

тьмѣ и неизвестность, но, тем не менее, казалось, он был задуман и выбран сознательно.

Впрочем, тьме оставалось недолго. Спустился еще двадцать минут небо позади засияло серебристым светом, и в низких облаках сверкнули розовые отблески восходящего солнца.

Они ехали не прямо со стороны еще не взошедшего солнца, но их путь вел немного к югу.

«Война началась», подумал Дафан. «Я был в первом бою, был во втором. У меня пережил оба боя, отделавшись лишь синяками. Но это лишь начало. Солдаты, атаковавших деревню, были сотни, этих на грузовиках — десятки. Когда начнется большое сражение, с каждой стороны будут тысячи, и огневая мощь...»

Он осознавал, что его миру уже наступил конец. Деревня разрушена. Если поля были сожжены и колодец отравлен, ее уже нельзя будет восстановить. Если его матери повезло остаться в живых, ей пришлось стать одной из бездомных беглецов, блуждающих в пустошах. То, что

случилось с деревней, случится и с маленькими городками и, в конце концов, со всеми городами Тульзакандры. Кто бы ни одержал победу, ничто уже не останется прежним. Мир изменится, и жизнь станет иной.

Дафан понимал, что та взрослая жизнь, которой всегда ожидал он в детстве, теперь зачеркнута навсегда, и он никогда не станет тем человеком, которым всегда намеревался стать. Теперь он был бойцом, хотел он того или нет. Он был врагом Улпериута, защитником своей родины. Он мог выжить или умереть, но одного он не сможет никогда — вернуться назад, стать прежним. Теперь он был грузин, и должен был открыть для себя абсолютно иную жизнь.

Дафан наблюдал за движениями рук и ног Гициллы, думая, не сможет ли он научиться водить грузовик без магического транса. Это казалось достаточно легко, но многие дела, которые выглядели легкими, когда их делали другие, оказывались вовсе не

легкими, когда он пытался делать их сам. Дафан знал, что теперь, став взрослым человеком, он не может позволить себе детские иллюзии. Оглянувшись, в заднее окно кабины он увидел рассвет.

Розовые облака распростерлись на небе, словно крылья гигантского стервятника -- и край восходящего солнца появился над плоской унылой равниной, словно небо было расколото ударом меча и истекало кровью звезд.

Звезды, сверкавшие в ночном небе, начали гаснуть, поглощаемые фиолетовым сиянием дня. Но это сияние еще не было достаточно ярким. Облака, похожие на серые пузыри, казались густыми, как овсяная каша, на фоне чистого неба, волнуемого движением самого космоса.

Дафан едва имел представление о том, чем были эти волны. Он не видел ничего, кроме необъяснимой, странной изменчивости, неизвестности -- и чувствовал подобные волны внутри своей сущности, волнующие саму его душу.

- Ну что ж... - прошептал он

достаточно громко, чтобы его услышал кто-то из его спутников, если бы они не спали. — Думаю, они или успокоятся, или нет. Так или иначе, я должен сделать все возможное, чтобы научиться жить в гармонии с ними. Я не могу изгнать их из моей души.

ГЛАВА 10

ЗАНОВО ВЫРОСШИЙ глаз

Гавалона ужасно болел, но это была не ослепляющая боль. На самом деле, как раз наоборот. Другой, левый глаз и так лучше видел ночью, чем обычные человеческие глаза — хотя не настолько хорошо, как глаза некоторых звероловцев — но новый правый, возможно потому, что вырос ночью, казалось, просто наслаждался оттенками звездного и лунного света.

Но даже так он не смог уследить за отчаявшимся силуэтом Сосуда, когда тот убежал на равнину. Нилуан никогда бы не смог бежать так быстро, и сущность Сатораэля едва начала свое перевоплощение, но их странный гибрид уже, казалось, обладал множеством сверхъестественных способностей. Гавалон

и сам обладал несколькими такими способностями, но умение бегать с огромной скоростью по пересеченной местности в них не входило. Даже некоторые зверюги владели небольшими магическими фокусами, но никто из могучих бойцов личной свиты Гавалона не мог бегать как птица моу.

Таким образом, Гавалону не оставалось иного выбора кроме как следовать за Сосудом так быстро, как было возможно, надеясь, что ограничения смертного тела, которое еще на 95% оставалось телом Нилуана, вскоре заставят будущего демона остановиться и отдохнуть.

Колдун, спускаясь по склону полукруглого холма, заметил вспышки света над горизонтом, но невозможно было разобрать, от чего они были. Когда он спустился с холма, вспышек не стало видно за густыми зарослями, и он увидел их снова лишь когда началась стрельба, на этот раз вспышек было гораздо больше. Гавалон сразу догадался, что происходит.

- Имперские солдаты! -- прошипел он

своим спутникам. — Должно быть, у них
машины, если они так быстро сюда
добрались. Не боевые танки, привезенные
первыми захватчиками, просто легкие
грузовики, собранные на заводах
Калазендры — но они все равно опасны.

Ближайший из зверолов кивнул
своей костатой головой, но Гавалон знал,
что едва ли тот понимает степень
опасности. Тварь никогда раньше не
видела машины.

Гавалон задумался, насколько хорошо
Нилуан-Саторазель может понимать
сущность врага, которого бросился
атаковать. Было бы ужасной трагедией,
если бы будущий дедон погиб в своем
Сосуде, не успев развить и крошечной доли
своей мощи. Согласно мудрейшим из
Сновидцев Мудрости, Саторазель должен
был уничтожить захватчиков,
вторгшихся в Гүльзакандру, уничтожить
города Калазендры, и еще... несомненно,
больше, чем Божественный Комбинатор
соизволил открыть даже самому верному
и преданному из своих слуг в этом мире.

Гавалон полагал, что если

божественные комбинации Божественного Комбинатора будут каким-то образом испорчены, Гүльзакангра понесет наказание, и вместе с ней кара обрушится и на него. Не имело значения, мог он что-то сделать или нет, чтобы спасти будущего демона от преждевременной гибели, пока тот фактически был еще растерявшимся ребенком; он и все его последователи будут нести ответственность.

- Приготовить оружие, - приказал он звероловам, стрелившимся в бой. -- Прогвизгайтесь скрытно. Когда возможно, захватывайте пушки и используйте их против калазенгранцев. Но что бы вы ни делали, Сосүг ни в коем случае не должен пострадать.

Он знал, что сказать это куда легче, чем сделать -- но они обязаны сделать все возможное, чтобы обратить эти слова в действие.

Он ожидал, что у них будет еще несколько секунд, чтобы подготовиться и выбрать, как лучше вступить в бой, но бойсман нашел их, когда двое солдат внезапно

выскочили из кустов, спасаясь от врага, которого они не могли ни увидеть, ни сосчитать.

Вражеские солдаты сначала не заметили Гавалона и его звероловцев, что дало звероловам время обойти их с двух сторон и взять в клещи. Когда они, наконец, увидели Гавалона и зверочеловека с головой яка, оставшегося с ним, они подняли свое оружие и прицелились, но недостаточно быстро.

Один из них выстрелил в колдуна, но стрелял он от бедра. Гавалону не потребовалась ни удача, ни магия, чтобы уклониться от пули, безвредно просвистевшей над головой. Могучие лапы зверочеловека повалили солдата, когти содрали кожу с правой половины его лица. Солдат попытался развернуть свое ружье, чтобы выстрелить зверочеловеку в живот, но существо, обрушившееся на него, было слишком тяжелым. Оно раздавило его на смерть.

Второй солдат, если бы сумел выстрелить, мог попасть в цель, потому что успел поднять оружие к плечу. Но

охранник с головой яка, оставшийся рядом с Гавалоном, опередил его, метнув копьё со сверхчеловеческой силой. Зазубренный обсидиановый наконечник пронзил ребра как нож — вареное мясо. Солдат упал, его тело силой удара отбросило на двенадцать футов.

Гавалон позволил звероловам, убившим двух солдат, забрать их оружие и боеприпасы. Эти образцы оружия не были оригинальными имперскими моделями, ни даже высококачественными калазенгранскими копьями, но все же это было желанное добавление к огневой мощи армии Гавалона. Даже танки Фүльбры были примитивны по сравнению с имперскими оригиналами, их моторы работали на спирту, выгнанном из гревесины, а их гусеницы состояли из материала скверного качества — стесанного йевелканского каучука и местного растительного волокна. Но бронетехника есть бронетехника, и их натиск невозможно будет остановить, если колдуньи Гавалона не смогут подкрепить свои магические возможности той

разновидностью грубой силы, обеспечить которую может лишь тяжелое оружие.

Гавалон жестом приказал звероловям продвигаться рассыпным строем в обоих направлениях, а сам со своим телохранителем осторожно двинулся вперед, активно используя многочисленные укрытия.

Следующий стрелок, столкнувшийся с Гавалоном, был не настолько охвачен паникой, и явно готов к возможности встретить противника в густых зарослях кустов, окружавших пруд. Калазенгранец был вооружен некоей разновидностью оружия, стрелявшего лучами света, что сделало его как минимум в бою опаснее, но он уже использовал его один раз, и его зрение еще не привыкло к темноте. Его выстрел был достаточно метким, если бы пришелся по обычной цели, но Гавалон был колдуном, благословленным даром создавать иллюзии. Пылающий луч прошел совсем рядом и обжег плечо, но эта боль продолжалась лишь долю секунды и лишь усилила чувство торжества Гавалона, когда он бросился вперед и схватился с

солдатом вруконашнүю.

Калазенгранец был высоким и мускулистым, и мог бы оказать сопротивление даже в схватке со зверочеловеком, обладавшим бычьей силой, но не имел никаких шансов в бою с таким колдунот, благословленным столь многими мутациями, как Гавалон Великий. Гавалон вырвал правую руку солдата из сустава, после чего когтями разорвал его горло — удар получился такой силы, что сорвал все мясо с костей перед позвоночником. Гавалон задержался лишь, чтобы вырвать необычное оружие из конвульсивно сжатых пальцев мертвой руки, и, схватив свой трофей, побежал вперед.

Күсты вокруг уже трещали от огня и выжили, но новый глаз Гавалона не слезился. Дым щипал его так же сильно, как обычный глаз, но он позволял колдуну видеть и целиться в попадавших на его пути врагов. Гавалон застрелил одного, с восхищением, глядя, как форма и тело солдата вспыхнули от выстрела. Второй выстрелил в ответ, но он тоже был

обманут иллюзией, защищавшей Гавалона, и клинок зверочеловека заставил его заплатить за эту ошибку. Третьего Гавалон застрелил сам, но колдун все еще нигде не мог обнаружить следов Сосуда.

Взревели моторы еще как минимум трех грузовиков, и их прожектора начали шарить во всех направлениях. Гавалон услышал жуткий ревущий вопль, который мог издать только один из его звероловцев. Колдун бросился туда, предположив, что там идет самый жестокий бой и противник успел закрепиться лучше всего, но по-прежнему он нигде не видел обнаженного силуэта будущего демона.

Грузовики пришли в движение, казалось, они разъезжаются в нескольких разных направлениях. Один направился прямо на колдуна, и Гавалон вскинул оружие, приготовившись стрелять. Он был уверен, что один человек не может представлять для него смертельной угрозы, но двухтонный грузовик с пушкой в кузове — другое дело. Он мог бы броситься в сторону, укрывшись в зарослях цветущих растений высотой с него, и позволить

грузовику проехать мимо, но тогда
грузовик и солдаты на нем смогли бы
уйти, а как минимум двинуть машину это
уже удалось. Поэтому Гавалон остался
стоять и прицелился.

Прожектор грузовика почти сразу же
осветил колдуня. Даже если бы машина не
направлялась прямо на него, теперь ее
водитель, наверное, все равно изменил бы
курс, чтобы раздавить врага. К счастью,
новый глаз Гавалона был куда менее
чувствителен к ослепительно яркому
сиянию прожектора, чем к тончайшим
оттенкам звездного и лунного света, и
колдун легко разглядел голову солдата в
шлеме, поворачивавшего прожектор, и его
товарища, наводившего большую пушку.

Гавалон сначала застрелил солдата у
пушки, а потом того, что управлял
прожектором. С трагичным
удовлетворением он увидел, как их головы
разлетелись — а затем обратил свое
внимание на того, в чьем распоряжении
сейчас было самое опасное оружие:
водителя грузовика.

Машина летела прямо на него.

расстояние сокращалось ярд за ярдом, и Гавалон выстрелил в третий раз.

К несчастью, ветровое стекло оказалось более устойчивым к воздействию оружия, стрелявшего лучами. Оно не расколосось, и не расплавилось — во всяком случае, плавилось оно недостаточно быстро. Гавалон знал, что вспышка выстрела должна ослепить водителя, но грузовик был так близко, что это уже не имело значения. Гавалону оставалась лишь доля секунды, чтобы увернуться.

Если бы он носил броню, то, вероятно, не смог бы этого сделать, но костюм, требовавшийся для ритуала вызова, был куда легче.

Бросившись в сторону, он едва успел убрать свои ноги из-под передних колес, не позволив грузовику их расплющить.

Грузовик промчался еще сорок или пятьдесят ярдов, и на секунду Гавалон подумал, что машина сейчас скроется в ночи — но вдруг взвизгнули тормоза, и грузовик начал резкий разворот. Колдун понял, что водитель еще не знает, что солдаты в кузове убиты; очевидно,

водитель все еще считал, что управляет грозной боевой машиной, настоящей пушкой на колесах.

Гавалон встал, но не пытался спрятаться. Вместо этого он медленно выпрямился и огляделся в поисках новых угроз. Таковых не было, и криков вокруг тоже больше не было слышно.

Как только грузовик развернулся, водитель нажал на газ. Мотор хрипло взревел, грузовик согрознулся, когда его массивные колеса врезались в густые заросли, но стяв их, машина с треском рванулась вперед.

Гавалон знал, что второй выстрел может поразить цель там, где не смог первый, потому что ветровое стекло уже было ослаблено — но он понимал, что и этот выстрел может быть неудачным, а боеприпасы не бесконечны. Держа трофейное ружье в левой руке, правой колдун достал из пояса гротик. Готовясь к ритуалу, он не стал брать с собой полное вооружение, но и никогда не оставался без достаточных средств самозащиты, и гротик был заряжен магической энергией.

увеличивавшей силу его броска в сотню раз, если метнуть его правильно.

И Гавалон метнул его правильно.

Дротик пробил ветровое стекло, словно оно было сделано из паутины, и исчез в открытом рту испуганного водителя. Солдата резко отбросило на сиденье, когда наконечник дротика, пробив основание черепа и шейные позвонки, вонзился глубоко в стальную заднюю стенку кабины — но грузовик продолжал течь вперед. Руки мертвого водителя все еще сжимали руль, и грузовик катился прямо туда, где стоял Гавалон.

Гавалон выругался, проклиная необходимость прыгать снова, но больше ни на что времени не оставалось, и он прыгнул. На этот раз колесо проехало в шести дюймах от его ноги.

Грузовик въехал в густые заросли камышей, их хрупкие стебли хрустели, стисываясь под его тяжестью, но не могли замедлить его, и оглушительным всплеском машина свалилась в пруд.

Вода от удара плеснула во все стороны, и Гавалон машинально поднял

руку, чтобы защитить глаза от облившей
его волны брызг.

Раздался пронзительный вопль, но
это был не крик человека, и не вой одного
из тяжеловесных зверологов. Это был рев
какого-то чудовищного обитателя пруда,
глубоко возмущенного столь грубым
вторжением в его обычно тихий дом.

После этого стало относительно
тихо. Шум моторов других машин был
уже едва слышен вдалеке. Если кто-то из
калазенгранских солдат и остался жив, то
они не стреляли из своего оружия.

- Обыскать территорию, - приказал
Гавалон зверочеловеку с головой яка,
который помог ему встать на ноги. --
Найти всех уцелевших солдат и убить их.
Но прежде всего -- найти Сосуда.

Он не сомневался, что зверологи
сделают все возможное, чтобы выполнить
приказ, и, несомненно, сыграл важную роль
в том, что оказалось операцией по
зачистке, но когда наступил рассвет, он
осознал ужасную истину.

Обнаженного тела Нилуана нигде не
было найдено, ни живого, ни мертвого. Он

просто исчез. Если только будущий Саторазель не приобрел внезапно способность летать без всякого опыта и подготовки -- должно быть, он на одном из грузовиков, сбежавших из боя и утчавшихся в ночь.

Гавалон был уверен, что скрыться смогли как минимум три грузовика, но не был уверен, что не больше -- и не было никакой возможности определить, в каком направлении уехал тот грузовик, на котором оказался Нитиан. Как мог он вернуться к своей армии с новостью, что он потерял союзника, который должен был стать самым сильным их оружием против огневой мощи имперцев? Что значили несколько захваченных ружей по сравнению с потерей демона? Как сможет будущий демон обойтись без советов и мудрости Гавалона Великого?

Зверочеловек с головой яка хрюкнул, выражая искреннее беспокойство.

- Я в порядке, - успокоил его Гавалон. -- На самом деле, насколько я понимаю, все в порядке.

Он пытался успокоить себя этими

тыслями. Зачем демону нужна помощь
мертвого, когда с ним милость и
благоволение великого бога? Весь этот
план, строго говоря, был не его идеей, но
замыслом самого Божественного
Комбинатора -- и кто такой Гавалон,
чтобы судить, правильно ли этот план
исполняется? Вероятно, он исполняется
идеальным образом. Вероятно, тут
вообще не стоит говорить о вероятностях.
Разве могут боги стать жертвой случая?

Но он не убедил себя. Возможно, он не
нужен будущему демону, но демон очень
нужен Гавалону. Возможно, демон не
нуждается в его советах, но Гавалон
нуждается в том, чтобы дать их.

Охранник с головой яка снова хрюкнул,
и его хорот поддержали еще трое
звероловцев.

Звероловцы, казалось, был очень
довольны оружием, которое они собрали с
трунов калазенгранцев -- и имели на то
все основания, так как ружей было более
чем достаточно, чтобы хватило каждому
зверочеловеку, а их собственные потери
были ничтожны -- всего лишь двое легко

раненых.

«Если бы я знал как управлять одной из этих машин», думал Гавалон, глядя на три брошенных грузовика, которые, казалось, были вполне исправны, «я бы вернулся к своей армии с таким шиком, что все бы аплодировали моему триумфу».

Вслух же он сказал следующее:

- Нам нужно больше, чем оружие и боеприпасы. Нам нужно все снаряжение, которое они везли. Что не стожет забрать с собой, то спрячем в тайник, а потом пошлем отряд с вьючными лошадьми, чтобы забрать все. Когда все сделаем, тожее поспать час или два, если управитесь быстро. Больше времени у нас не будет. Враг быстро приближается, надеясь атаковать нас до того, как мы успеет приготовиться. Мы тоже должны действовать быстро.

Зверолюди с энтузиазмом закивали и захрюкали, выражая согласие, как всегда, когда он говорил им о вещах, слишком сложных для их понимания.

Но когда зверолюди приступили к работе, Гавалон не мог не вернуться к

прежним тысячам. Если боги не могли
быть жертвами случая, тогда мир был бы
куда более предсказуемым местом, чем он
есть. Изрядная часть этой
непредсказуемости могла быть
следствием соперничества богов, но
непредсказуемость обстоятельств не была
лишь вопросом столкновения интересов.
Будучи колдунот, облагая даром
предвидения, Гавалон лучше, чем кто-либо
знал, как непредсказуемы капризы случая, и
насколько даже демоны могут быть
уязвимы к причудам случайности.

Как человек, стремившийся сам
стать демоном, если он будет храбро и
успешно служить своему богу, Гавалон
вполне понимал, насколько мало он знает о
жизни и способностях демонов, но одно он
знал точно: они могут существовать в
реальном мире лишь недолгое время,
прежде чем вернуться в то измерение,
которое они называют домом.

Когда Саторазель полностью
превратится в демона, он -- или
правильнее будет сказать «оно»? -- может
обладать могуществом, достаточным для

того, чтобы сокрушать континенты или
погасить солнце, но он -- или «оно» --
получит это страшное могущество
ненадолго, и, пользуясь им, демон лишь
ускорит тот момент, когда он должен
будет вернуться в родную стихию.

Без Гавалона Великого, способного
направить его, как сможет демон понять,
как наилучшим образом использовать эту
ужасную мощь в интересах Гүльзакандры?

Без руководящего участия Гавалона
Великого разве не может возникнуть
вероятность того, что демон использует
свое могущество таким образом, что
будет разрушена и Гүльзакандра, а не
только тот крошечный «Империял»,
который основали в Калазенгре
пришельцы, спустившиеся с неба?

Гавалон прикрыл рукой свой новый
болевающий глаз, защищая его от
обжигающего света восходящего солнца.

Зрелище ладони его руки казалось
странно успокаивающим, это была одна из
немногих частей его тела, не
подвергшихся значительным изменениям.
Пальцы стали длиннее и толще, ногти на

них теперь были куда больше похожи на ногти, но лагерь пересекали те же самые линии: линии, в которых была начертана его судьба, если бы он только владел искусством их читать.

Увы, несмотря на все свои чудесные способности, его новый глаз таким свойством не обладал.

Даже Гавалон Великий, самый могущественный колдун из тех, что когда-либо ходили по земле Сигматуса за тысячу поколений, не мог прочесть, что начертал его бог-покровитель на хрупкой ткани его плоти.

Познать себя -- не самая легкая задача исполнения заповедей, даже в отношении тех аспектов себя, которые не подвергались непрерывной эволюции или произвольным изменениям.

- Но мы победим, - прошептал Гавалон, слишком тихо, чтобы могли услышать звероловы. -- Мы должны.

ГЛАВА 11

ДАФАН проснулся, вздрогнув, когда грузовик внезапно остановился. Двигатель фыркнул и заглох. К своему удивлению,

Дафан понял, что солнце уже высоко над горизонтом, лишь немного слева от направления движения грузовика. Должно быть, прошло несколько часов, хотя Дафану казалось, что он спал лишь пару минут.

Тицилла тоже подняла голову и, повернувшись, посмотрела на него. Ее глаза уже не казались пугающими, и Дафан понял, что она больше не в трансе. Казалось, она была удивлена гораздо больше него. Что бы она ни помнила о том, как вела грузовик, эти воспоминания, вероятно, потеркли, как обычно и происходило с видениями Сновидцев Мудрости, и она явно была изумлена присутствием в кабине мальчика с звериными ушами, который тоже начал просыпаться.

- Где мы? -- спросила она.

- Не имею представления, - сказал Дафан. -- Где-то далеко к западу от пруда, и, наверное, немного к югу. Я не знаю, в каком направлении находится Эльвенор. Мы оказались неизвестно где.

Тицилла повернулась к боковому окну,

но из него немногое можно было разглядеть. Грузовик оказался в некоем лесу, хотя деревья в этом лесу были больше похожи на огромные красно-черные стебли кукурузы, покрытые бледно-желтыми листьями с серебристыми шипами. Подлесок вокруг был очень густым, но грузовик стоял на какой-то дорожке -- или, возможно, на звериной тропе, если здесь могли водиться животные величиной с локсодонта.

Тицилла обернулась.

- Кто он? -- спросила она, итея в виду пальчика, протиравшего глаза. Когда он прыгнул в грузовик, его глаза казались даже более пугающими, чем глаза Тициллы, но сейчас они выглядели почти человеческими. Даже уши казались не такими заметными как раньше, а тело казалось еще более худым. Дафан подумал, не были ли те узоры на его обнаженном теле лишь игрой света.

- Наверное, он прятался в кустах у пруда, как и мы. Когда на солдат кто-то напал, и все вокруг начало гореть, он, наверное, испугался. Может быть, он

бигел, как солдаты поймали нас, и понял, что мы не враги.

Лишь сказав все это, Дафан понял, что можно легко получить более точный ответ.

- Кто же ты? -- спросил он мальчика.

- Ты и ты, - ответил мальчик, казалось, удивленный самим фактом своего существования и способностью говорить.

- Откуда ты взялся? -- спросил Дафан, все еще надеясь сформулировать вопрос, на который может быть получен понятный ответ.

- Я голоден, - сказал мальчик, словно сделав жизненно важное открытие.

- Да, - сказал Дафан. -- Я тоже. Но как твоё имя?

- Нитиан, - ответил мальчик, взявшись за ручку двери. Как только он сумел открыть дверь, то сразу выскочил из кабины и нырнул в подлесок. Почти мгновенно он исчез из вида.

- Думаю, его зовут Нитиан, - сказал Дафан Гицилле, хотя знал, что она и сама вполне ясно это слышала.

Гицилла открыла дверь со своей стороны и осторожно выбралась из кабины. Выйдя, она полезла в кузов грузовика. Дафан тоже вышел и последовал за ней.

В кузове был мертвый солдат, лежавший на спине между оружейной установкой и бортом. Невозможно было сразу понять, от чего он умер. В его форме не было дыр от пуль, не было и крови, если не считать пару капель, вытекших из глаз, подобно кровавым слезам. Но от него уже несло зловонием, и это не было просто зловоние человеческих испражнений. Словно гниение уже давно разлагало его тело. Поднявшись в кузов, Дафан открыл один глаз мертвеца, но когда увидел, что там было, согрознулся и отдернул руку.

- Магия, - напряженно сказал он. Потом он вспомнил, что Нилуан, наверное, Сновидец Мудрости и возможно, даже колдун. В первый раз Дафан подумал, не мог ли этот мальчик иметь прямое отношение к той страшной атаке, которой подверглись имперские солдаты. Если так, то он спас Дафана и Гициллу еще до того, как они спасли его -- если это

они спасли его.

- Неважно, что его убил, - сказала Тицилла. -- Что в ящиках и канистрах?

Дафан остотрел груз, сложенный перед пушкой.

- Много воды, - сказал он. -- Есть еда, и, кажется, боеприпасы. Оружия нет, кроме этого монстра. Если грузовик остановился из-за того, что у него кончилось горючее, мы не сможем забрать его с собой... И если здесь и есть горючее, я не знаю, как оно должно выглядеть. Куда пропал этот мальчишка? Разве он не говорил, что голоден?

Нитиан снова появился, как по заказу. В одной руке он нес ящерицу в два фута длиной, а в другой -- что-то, чему Дафан даже не мог дать название. Когда странный мальчик поднял правую руку высоко над головой, чтобы засунуть голову живой ящерицы себе в рот и проглотить ее извивающееся тело глот за глотом, Дафан смог разглядеть вторую тварь более подробно.

Она была похожа на огромную, чудовищно раздутую мокрицу с рогами и

шипастым хвостом. Дафан и представить не мог, что такое существо может быть съедобным, независимо от того, ядовито оно или нет -- но когда ящерица была проглочена, Нилуан приступил к поеданию этой твари вместе с панцирем, шипами и всем остальным. На этот раз он снизошел до того, чтобы откусывать и пережевывать -- этот процесс был довольно шумным -- но результат оказался тот же самый. Чудовищное членистоногое было полностью съедено.

- Ах, - сказал Нилуан удовлетворенно, как показалось Дафану.

- Здесь есть настоящая еда, - оцепенело сказал Дафан. Он нашел галеты, сушеные фрукты и солонину.

Нилуан, казалось, с презрением отказался от своей доли. Вместо этого он схватил мертвого солдата за ноги и стащил его с кузова, после чего быстро снял с мертвеца форму и ботинки.

На одну ужасную секунду Дафан подумал, что Нилуан собирается съесть труп, пожирая конечность за конечностью -- но ему была нужна лишь одежда. Когда он

оделся, форма не настолько плохо сидела на нем, как ожидал Дафан; казалось, Нумиан вырос, став выше и шире, с того момента, как запрыгнул в грузовик.

Тицилла открыла одну из канистр с водой и, напившись, передала ее Дафану. Когда Дафан утолил жажду, он передал канистру Нумиану, почти ожидая, что тот откажется — но Нумиан пил с неожиданной жадностью, выпив почти половину галлона за полминуты.

Опустив канистру, невероятный мальчик сказал:

- Все еще голоден, - и снова бросился в подлесок.

- Что же он такое? — спросил Дафан Тициллу.

Тицилла не спрашивала, почему Дафан говорит «что», а не «кто». Ее мучили те же страшные предчувствия, что и его. Возможно, она была бы напугана до ужаса — как и Дафан — если бы они уже не испытали столько ужасного, что потеряли способность испытывать более сильные эмоции.

- Я не знаю, - сказала она.

- Мутант? -- предположил Дафан. -- Я слышал, люди говорили...

Он затолчал. Когда речь шла о тайнах шабашей, он мог лишь краем уха услышать то, что не должен был слышать. Сейчас он был мужчиной, но всю свою жизнь до того он был мальчиком, которого взрослые не допускали в свои дела.

Тицилла, едва начавшая свое обучение, готовясь стать Сновидцем Мудрости, могла знать лишь немногим больше.

- Не думаю, что он обычный мутант, - сказала она. -- Он нечто иное. Нечто большее. Неужели я действительно вела грузовик половину ночи и почти половину дня? Я даже не могу представить, как...

- Ты была за рулем, - сказал Дафан, осторожно выбирая слова. -- Может быть, он знает, кто действительно вел машину. Хотел бы я взять себе те отличные ботинки до того, как он их взял -- но, боюсь, мне пришлось бы отдать их ему. Кем бы он ни был, он не из тех, кому простые смертные вроде нас с тобой могут сказать

«нет». Как думаешь, нам сейчас угрожает большая опасность?

- Думаю, не настолько большая, как в плену у солдат, - неуверенно сказала Тицилла. -- Они бы застрелили тебя через пару минут. А меня бы застрелили через пару часов, или позже...

- Но он опасен.

- Думаю, да, - задумчиво сказала Тицилла. -- Кем бы он ни был, он, несомненно, опасен. Но он на нашей стороне, разве нет? Его враги -- наши враги, значит, наверное, он наш друг. Мы тоже должны поесть, пока может.

Дафан понимал, что Тицилла права -- права, вероятно, во всем. Он хотел бы сейчас быть способным мыслить ясно, но эта эмоциональная перегрузка, из-за которой он утратил способность чувствовать страх, казалось, притупила и все остальные его чувства. Он ел механически, не чувствуя вкуса пищи, и мог лишь так же механически двигать руками, ко рту и обратно. Какую бы опасность не представлял Нитиан, сейчас Дафан о ней не думал; он не мог сейчас

остыслить ее, не говоря уже о том, чтобы продумать до конца.

Дафан и Тицилла закончили есть к тому времени, как снова появился Нумиан, на этот раз он не принес свою еду с собой. Или он понял, что его привычки в еде слишком пугают его спутников, и лучше предаваться им в одиночестве, или был слишком голоден, чтобы откладывать насыщение.

Трофейная форма теперь, казалось, сидела на нем еще лучше. Дафан подумал, что если мальчик действительно растет, то делает это с невероятной быстротой. Глаза и уши Нумиана сейчас казались еще более нечеловеческими, и на его руках появились волосы, там, где их раньше не было. Его зубы стали заметно острее, а на черепе начали расти гребни, уже заметные сквозь его блестящие волосы.

- Ты понимаешь меня, Нумиан? - спросила Тицилла. Она приходила в себя явно быстрее, чем Дафан.

Мальчик не ответил, но обратил на нее взгляд своих невероятных черных глаз.

- Я Тицилла, а это Дафан, - сказала

она. -- Мы убежали из нашей деревни, когда на нее напали. Нам пришлось бежать и от прыга -- но теперь мы не знаем, куда бежать. Мы одни и потерялись. Нам нужна помощь.

Мальчик выслушал это, и, казалось, задумался -- но видя, что он лишь сделал вид, что задумался, подняв руки ко лбу и на секунду закрыв глаза.

- Ты и ты, - сказал он. -- Теперь мы все вместе. Расту вместе. Гореть вместе.

Гицилла секунду или две размышляла над этим ответом, затем пожала плечами, признав поражение. Она снова повернулась к Дафану.

- Это какая-то дорога, - сказала она, присев, чтобы ощупать землю. -- Я чувствую следы от тележных колес. Ею некогда пользовались, но все-таки это дорога -- значит, она должна вести куда-то, возможно в Эльвенор или Мансин. Может быть, нам нужно только идти по ней, пока не дойдем до города -- или, по крайней мере, деревни, или фермы.

Дафан посмотрел на огромные

подобия кукүрүзных стеблей, росшие вдоль
дороги, и подумал, не могут ли это быть
какие-то сельскохозяйственные растения.
Потом он решил, что это крайне
маловероятно. Это были аборигенные
растения, обладавшие малой питательной
ценностью, даже если они не были
ядовитыми. Деревенским детям иногда
рассказывали истории о «лесах колдунных
трав», как о местах еще более опасных,
чем «сады бога», но Дафан не мог себе
представить, на что может быть похож
такой лес. Может быть, это он и есть.

А может быть, и нет.

- Пойдем, - внезапно сказал Нитиан,
очевидно, закончив свои размышления. --
Будет бой. Звезды неподвижны. Потом...
ух! -- он нерешительно затолчал.

- Ух, - повторил Дафан, обернувшись к
Гицилле за объяснениями.

- Будет бой, и звезды встанут
неподвижно, - сказала Гицилла, отчаянно
пытаясь найти смысл в отрывистых
фразах Нитиана. -- Думаю, это плохо, если
я поняла правильно.

- Плохо, - повторил Дафан, думая, что

это объяснение звучит вполне
правдоподобно, даже слишком.

- Было что-то в моем видении... -
продолжала Гицилла, - Патер Салмана
говорил, если звезды встанут неподвижно,
новые враги могут обрушиться на нас с
неба. Они уничтожат нас, и даже Гавалон
Великий и другие повелители шабашей не
смогут ничего сделать, чтобы нас спасти.

Нитиан, казалось, снова растерялся,
пытаясь понять ее речь, но его лицо
прояснилось, когда он услышал одно слово,
явно значившее для него больше, чем
остальные.

- Гавалон, - повторил он, усиленно
закивав головой. - Потерял Гавалона. Был
голоден слишком, спешил убежать...
Потерял Гавалона. Найти его. Коснуться.
Он должен роль свою сыграть.

- Если он знает Гавалона, - неуверенно
произнес Дафан, - должно быть, он из его
партии.

- Я не знаю, - ответила Гицилла, еще
более неуверенно. - Если так, может быть,
тогда мы должны помочь ему вернуться.
Но мы не знаем, где сейчас Гавалон.

Утолив голод, Дафан почувствовал себя немного лучше. Но это «немного лучше» превратилось в «гораздо хуже», когда он обнаружил, что к нему опять вернулась способность испытывать страх. Он снова залез в кузов грузовика, натереваясь посмотреть, что можно унести с собой.

- Мы должны идти, - сказал он. -- Так или иначе, мы должны идти. Зачем Империи было вторгаться в Гүльзакандру, убивать нас и разрушать все, что нам дорого? Что мы им сделали?

- Я не знаю, - был единственный ответ Гициллы.

Нитиан слушал, явно пытаясь понять сказанное. Казалось, он все больше развивается, как интеллектуально, так и физически.

- Империя, - произнес он, второй раз услышав слово, имевшее для него важное значение. -- Люди груст с грустом в войне, идет война всех против всех. Нет мира. Мир не может быть. Всегда война. Всегда игра.

- Это не игра, Нитиан, - заявил Дафан

Нитиану -- имперская форма на мальчике
теперь сидела почти идеально и казалась
почти такой же пугающей, как признаки
нечеловечности на его лице. -- Это по-
настоящему. Людей убивают.

Нитиан улыбнулся. В первый раз
Дафан видел, как он улыбается, и почему-
то ему показалось, что этот мальчик
улыбается первый раз в жизни.

- Все умирают, - сказал мальчик,
словно поделившись некоей скрытой
истиной. -- Важно лишь как.

- Это не так, - вмешалась Тицилла,
тоже начавшая собирать припасы, чтобы
нести с собой. -- Все умирают, но важно не
только как, но и когда -- и еще важнее, что
оставят умершие после себя. Опыт,
традицию, знание. Все умирают, но
деревни живут дольше людей, а
цивилизации могут жить вечно.

Тицилла повторяла то, чему учил ее
патер Салмана, но ее голос начинал
приобретать тот странный тембр.

Дафан подумал, что она тоже
почувствовала себя лучше -- но она больше
не была тем человеком, который мог

чувствовать себя лучше в том обычном смысле, который понимал Дафан.

Дафан так долго чувствовал себя спокойно в компании Гициллы, и казалось абсолютно нелепым, что теперь она кажется чужой — но это было так.

- Лишь тьма вечна, - ответил Нимиан Гицилле. - А люди умирают... Деревни умирают, империи, цивилизации, вселенные... Прах к праху, пыль к пыли. Прах звезд, пыль звезд. В конце лишь тьма — но мы, пока горим, должны гореть. Увидим. Все увидим. Ты и ты...

Казалось, темные глаза Нимиана сияли внутренним светом, когда он произносил свою речь, но свет угас в бездонной пустоте, и в его разуме и сердце снова воцарилась некая растерянность.

- Я голоден, - снова прошептал он, после недолгого молчания. - Нужна еда.

Но на этот раз он не убежал в лес в поисках отвратительной добычи.

- Думаю, это все, что я смогу унести, - сказала Гицилла Дафану, показывая собранную сумку. В ней было достаточно еды и воды на несколько дней — и вдобавок

больше, если добавить припасы, собранные Дафаном. Если бы здесь было еще и огнестрельное оружие, которое можно унести, Дафан, конечно, взял бы его, но у мертвого солдата не было личного оружия.

- Этого хватит, - сказал Дафан. --
Пойдем.

Нитиан не стал собирать припасы для себя и не проявлял намерения помогать Тицилле и Дафану, но они не возражали, чтобы он путешествовал налегке. Втроем они пошли по дороге, и грузовик вскоре скрылся из вида.

Лес не был слишком обширным -- по крайней мере, в том направлении, в котором они шли. Всего через несколько сотен шагов растения, похожие на гигантские початки, сменялись более разнообразной растительностью: травянистые луга, вроде тех, по которым они шли вчера, сменялись рощами остроконечных деревьев с серебристыми листьями.

Это было очень красиво, но Дафан сейчас был не в том настроении, чтобы любоваться красивыми видами. Казалось,

нить, обвязавшаяся вокруг его сердца, затянулась еще туже. Он не мог найти слова, чтобы описать, что он чувствует. Как пленник, заключенный в собственном теле? Не совсем. Как будто его тело было туже не вполне его? Почти. Во всяком случае, он чувствовал себя странно. Очень, очень странно.

Когда трое путников вышли на открытую местность, они увидели группы птиц, бежавших по равнине. Птицы были похожи на огромных цыплят в восемь футов ростом, но их походка была куда более устойчивой, и бежали они очень быстро. Еще дальше Дафан увидел стадо газелей. Они были слишком далеко, чтобы присутствие людей угрожало им, и продолжали пастись.

Поблизости не было никаких признаков сельскохозяйственных растений или человеческого жилья, но Тицилла указала на тонкий столб дыма над горизонтом.

- Может быть, это дым очага, - сказала она.

- Если так, мы скоро увидим трубу, -

заметил Дафан.

- Впереди не должно быть врагов, - сказала Гицилла не слишком уверенно. -- Грузовики были авангардом, и сейчас, когда они рассеялись, вряд ли они будут так поспешно рваться вперед.

- Если это остатки сигнального огня, - с надеждой сказал Дафан, - может быть, мы убедим зрителей зажечь его снова и пошлем сигнал армии Гавалона.

- Гавалону легче найти нас, чем нам -- его, - ответила Гицилла. -- У него есть Сновидцы Мудрости, и рабы-колдуньи, и магия прорицания. Труднее будет добраться до нас -- но в армии должны быть быстрые лошади или может быть, другие существа, еще быстрее.

Дафан не стал уточнять, каких существ она имеет в виду.

- Я голоден, - снова сказал Нилуан. -- Нужна еда.

На этот раз он отлучился на охоту, но довольно быстро вернулся, из его рта торчал кусок змеиного хвоста.

- Я так голоден, - заявил Нилуан своим спутникам, словно оправдываясь.

Казалось, он стал еще на два дюйма выше. Дафан больше не мог думать о нем как о мальчике. Сначала Нилуан был меньше ростом и более худым, чем Тицилла, но теперь он стал заметно крупнее их обоих.

- Все нормально, - сказал Дафан. --
Ешь когда захочешь.

Тицилле он прошептал:

- Похоже, все, чему нас учили -- насчет того, что местная пища не подходит для человека -- к нему не относится. Он прекрасно себя чувствует, питаясь этой гадостью.

Пока Дафан говорил, Нилуан снова убежал, вероятно, опять на поиски еды.

- Это я заметила, - согласилась Тицилла. -- Но местные хищники тоже не брезгают чешуей, костями и панцирями. Чем был он ни был...

Внезапно она затолчала, словно догадавшись, чем он может быть.

- Продолжай, - произнес Дафан.

Тицилла не стала договаривать, и Дафан не мог даже предположить, о чем она, вероятно, подумала. И он попытался сам продолжить ее мысль.

«Чем бы он ни был», подумал Дафан, «видимо, мы должны быть благодарны, что он на нашей стороне». Эта мысль оказалась не столь утешительной, как он надеялся. После секундной затинки он задал Тицилле еще один вопрос:

- Как думаешь, насколько большим он сможет вырасти, если продолжит есть?

- Очень большим, - ответила Тицилла, в ее голосе явно слышался страх. - И он может... измениться и иным образом. Если сейчас он что-то вроде личинки, представь, на что может быть похожа бабочка, когда вылупится.

Дафану это показалось довольно странным сравнением, но Тицилла была Сновидцем Мудрости, и гораздо лучше умела чувствовать вероятности и делать выводы, чем обычные люди вроде него. Однако даже самые обычные люди могут иногда видеть необычные вероятности и делать зловещие выводы.

- Он -- нечто поистине ужасное, да? -- взволнованно сказал Дафан. -- Нечто, о чем не должны знать дети?

Дафан уже задумывался, не были ли

те истории, которые он слышал в детстве, лишь крошечной частью того, что взрослые держали в тайне. Какие ужасы могли таиться в мире, правду о котором от него скрывали?

Это заставило его подумать о матери и обо всем, что она пыталась скрыть от него, чтобы защитить его невинность -- и впервые со всей жестокой ясностью он осознал тот факт, что его мать, возможно, уже мертва. Теперь он снова мог бояться, и ужас пронзил его сердце, как ледяное копьё.

- Еще нет, - ответила на его вопрос Тицилла, подчеркнув слово «еще». Казалось, она не замечала его ужаса. -- Но если он говорил правду о том, что должен гореть, нам следует быть очень осторожными, чтобы не оказаться в огне вместе с ним.

ГЛАВА 12

УБИЙЦА возник словно из ниоткуда. Раган Баалберит спускался по лестнице в фойе штаб-квартиры Агентус Терра Сигматуса -- где, как предполагалось, было абсолютно безопасно -- когда внизу лестницы неожиданно появился тусземец и

начал стрелять.

Возможно его попытка увенчалась бы успехом, если бы он не начал стрелять слишком рано, не успев как следует прицелиться, но, вероятно, у него просто не было возможности попрактиковаться в обращении с оружием. У аборигенов Калазендры не так уж и редко встречалось краденое огнестрельное оружие, но им не хватало навыков обращения с ним.

Тем не менее, убийца успел выстрелить четыре раза, прежде чем один из телохранителей Баалберита уложил его, и один выстрел попал в бедро другому телохранителю, который храбро исполнил свой долг, закрыв собой Верховного Инквизитора.

Когда Баалберит увидел, как неудачливый стрелок упал, первой мыслью инквизитора было то, что организация, заменявшая на Сигматусе Агентус Терра, все же как-то умела поддерживать благонадежность и дисциплину на должном уровне. Если бы его телохранители были менее преданы своему долгу, кто-то из них, несомненно,

был бы подкуплен Орлоком Мелькартом, чтобы сделать грязную работу. При нынешнем же положении дел Мелькарту приходилось нанимать мелких уголовников из түземцев и подкупать поваров и уборщиков, чтобы эти «киллеры» смогли подобраться к цели.

Должно быть проведено расследование, хотя оно может занять много времени. Предатель в окружении должен быть выявлен и ликвидирован — разумеется, после тщательного допроса. Мелькарт слишком осторожен, чтобы оставить след, который может привести к нему, но необходимо дать наглядный пример. Конечно, есть вероятность, что убийцу послал не Мелькарт, и что этот түземец был просто местным анархистом, ненавидевшим все имперское, но Баалберит считал разумным предполагать худшее, пока не будут предъявлены доказательства обратного.

Пока слуги спешили помочь раненому и вызвать доктора, телохранитель, застреливший убийцу, присел рядом с умирающим, пытаясь выяснить, кто

послал его. Убедившись, что ранение защищавшего его телохранителя не смертельно, Баалберит тоже спустился на нижнюю площадку лестницы. Он знал, что допрашивать утирающего стрелка бесполезно. Даже если неудачливый убийца сможет прожить достаточно долго, чтобы ответить -- что враг ли, судя по огромной дыре в его груди -- он потратит эти последние секунды жизни, выражая ненависть к своим врагам. Скорее всего, этот туземец не имел ни малейшего представления о том, что он всего лишь пешка Мелькарта. Вероятно, он считал себя доблестным бойцом революции, трудившимся ради уничтожения Империи -- и возможно, в последнем был прав.

Даже Баалберит весьма ступно представлял себе, сколько из подозреваемых подпольщиков-революционеров были на самом деле шпионами, и мог лишь предполагать, что агентов Мелькарта среди них больше, чем его людей. Однако он знал, что все революционное движение могло быть легко

уничтожено за несколько дней, если бы это было в интересах имперского правительства. Один из немногих пунктов, в которых Верховный Инквизитор был полностью согласен с губернатором -- что аккуратно управляемая оппозиция, которой легко манипулировать, куда более полезный политический инструмент, чем небольшая подпольная организация, действительно работающая в обстановке глубокой секретности.

- Он мертв, - положил телохранитель. -- Не сказал ни слова.

- Есть у него что-нибудь? -- спросил Баалберит, глядя, как телохранитель обыскивает карманы мертвеца. Инквизитор был уверен, что ответ окажется отрицательный. Так оно и было.

- Информация об успехе Ажао, наверное, просочилась, - предположил телохранитель. -- Они знают, что если мы сможем установить контакт с Имперским флотом, все изменится, - он осторожно не стал уточнять, кто именно эти «они». -- Прикажете усвоить охрану в

апартаментах псайкера?

- Только если ты абсолютно уверен в новых людях, - сказал Баалберит. -- Именно так -- если абсолютно уверен. Там даже самые сильные души склонны к... тревоге. Служба там требует исключительно сильных нервов.

- Не вопрос. У я найду самого подходящего человека, чтобы заменить беднягу Макри. Желаете подождать, пока он придет сюда?

- Нет. У меня встреча с Мелькартом. Баалберит встал и пошел к двери, за которой на улице ждал его автомобиль.

- Разумно ли это?

- Это необходимо. В любом случае, этот так называемый дворец сейчас, вероятно, самое безопасное место в Калазендре -- Мелькарт не может допустить, чтобы там что-то со мной случилось. Он считает, что у него и так достаточно поддержки, чтобы быть единоличным правителем мира, но понимает, насколько непрочна может быть эта поддержка. Он не может допустить, чтобы распространялись

слухи, что он больше заботится о своей личной славе, чем о безопасности имперских граждан.

- Слухи все равно распространяются, - сказал телохранитель, открыв дверь автомобиля перед инквизитором и оглядевшись вокруг в поисках возможных угроз -- никаких обнаружено не было.

- Это прискорбно, - ответил Баалберит, когда телохранитель сел в машину, закрыв дверь, и водитель мог ехать. -- Не думаю, что мы можем позволить себе раскол в наших рядах -- так же, как и губернатор. Если мы не сможем восстановить контакт с Императором, мы должны хотя бы выиграть эту войну в Гүльзакандре -- а если сможем, мы должны будем убедить настоящих техножрецов и инквизиторов, что нас стоит спасти. Нам необходимо обуздать Мелькарта и заставить его прислушаться к голосу разума.

- Значит, никаких ответных действий не будет? -- спросил телохранитель.

- Мы даже не знаем наверняка, что

это он, - устало сказал Баалберит. -- У нас ведь и так хватает врагов, не правда ли? Түземцы ненавидят нас больше, чем гвардейцев губернатора и армию, потому что именно мы пытаемся искоренить их нечестивую религию. Они не понимают, в какого рода войне нам приходится сражаться.

До губернаторского дворца было недалеко. Можно было бы легко дойти пешком, но обычай требовал, чтобы повелители «Империи» не ходили по улицам пешком. Они были Истинными Людьми, гражданами галактики, невзирая на тот факт, что уже в течение семи поколений жили на этой планете в изоляции. Ходить пешком -- для түземцев.

Когда лифт поднялся на этаж, где находились апартаменты Мелькарта, Баалберит понадеялся, что в этот раз не придется выходить на этот проклятый балкон. Он ненавидел, что Мелькарт так издевался над ним, или хотя бы знал о том, что у него есть эта слабость, над которой можно издеваться. Однажды, подумал он, Мелькарт, стоя на балконе,

высунется слишком далеко через край и упадет -- но не тогда, когда Верховный Инквизитор будет стоять рядом с ним, или даже вообще находиться во дворце. Сейчас еще не время -- но времена меняются, иногда весьма быстро, и если Дейр Ажао был прав, времена могут резко измениться к лучшему. Через неделю, возможно, если только Варп-шторм утихнет достаточно надолго, на Сигматусе может появиться настоящий имперский губернатор -- и значение верности и решительности Верховного Инквизитора получит, наконец, должное признание.

Орлок Мелькарт в этот раз был не на балконе. Он сидел за рабочим столом, принимая других посетителей: трех старших армейских офицеров и оператора станции вокс-связи, должно быть, доставившего новости с фронта. По выражению их лиц Баалберит понял, что новости были плохими.

- Что случилось? -- спросил он.

- Операция «Зонг», - кратко ответил генерал-майор Форх.

Баалберит нахмурился. Операция «Зонг» была не его идеей, но оценка ее необходимости основывалась на сведениях, полученных его псайкератами. Видение, с которым шла речь, к сожалению, было слишком неясным, но оно показалось достаточным, чтобы подтвердить тактическую важность некоего полукруглого холма к западу от деревни Огуенн. Решение занять Огуенн и организовать в деревне временную базу было принято независимо, но так как это было частью плана Фүльбры, желательность срочного занятия этой предположительно важной позицией казалась вполне ясной.

- Должно быть, культисты уже заняли холм, - сказал полковник Балилла, - и люди Фүльбры попали в засаду.

В его голосе явно слышалось обвинение. Военные, не понимавшие, как трудно иметь дело с псайкератами, никак не могли притираться с ограниченностью информации, которую мог получить Баалберит. Получив сведения о возможной тактической важности этого холма, люди

Фүльбры должны были учитывать
вероятность засады.

- И на что они наткнулись? --
агрессивно спросил Баалберит. -- Полевая
артиллерия? Штурмовые винтовки?

- Мы не знаем, - признался Форх. --
Похоже, просто не осталось выживших.
Что-то ужасное. Что-то чудовищное.

Он имел в виду колдовство, но не мог
заставить себя произнести это слово.

- Даже если не осталось выживших, -
произнес Баалберит, сохраняя
презрительный тон, хотя он был
наигранным, - у нас нет оснований
предполагать, что случилось нечто
необычное, не так ли?

- Это должно было быть нечто
необычное, - трачно возразил Форх. -- Это
были отличные солдаты -- и хотя они
пересекали пустыню налегке, но были
вполне хорошо вооружены на случай любых
чрезвычайных обстоятельств, которые
только можно было предполагать.

- Даже если это действительно было
что-то ужасное, - сказал Баалберит, - его
применение дорого обойдется врагу. Пусть

это была неудача, но мы должны
продолжать наступление, невзирая ни на
что. Сам факт, что мы сражаемся, чтобы
уничтожить нечто настолько
чуждовещное, делает абсолютной
необходимой эту войну -- и победу в ней.
Мы должны отправить на фронт
самолет, чтобы Фүльбра мог его
использовать.

- Верховный Инквизитор прав, это
неудача, - быстро вмешался Мелькарт. --
Но не слишком серьезная. Мы потеряли
несколько грузовиков и тридцать человек --
но может не сомневаться, что они не
стали легкой добычей. Они должны были
нанести ощутимый урон врагу. Это
ослабляет позицию у Огуенн больше, чем
мы ожидали, но эта позиция изначально
была слабой, потому что туземцы успели
отравить колодец. Наступательные
операции на севере и юге продолжаются
куда более успешно -- наши потери
незначительны, а потери противника уже
исчисляются тысячами.

«Тысячами плохо вооруженных
крестьян», подумал Баалберит.

«Настоящий бой еще впереди».

- Но генерал Фүльбра все еще запрашивает поддержку с воздуха? -- прямо спросил он. -- Пункты дозавправки полностью готовы. Мы должны немедленно отправить самолет.

Мелькарт проигнорировал его слова, словно это было какое-то незначительное предположение.

- А какие новости у вас, Верховный Инквизитор? -- спросил он, глядя прямо в глаза Баалбериту. Если он и знал о покушении на жизнь Верховного Инквизитора, то никак этого не проявил.

- Корабли Имперского флота, несомненно, поблизости, -- уверенно заявил Баалберит. -- И им известно о ситуации на Сигматусе. Если варп-шторм утихнет...

- То есть вы утверждаете, что смогли отправить сообщение флоту? -- уточнил Мелькарт. -- И уже начали переговоры?

- Еще не совсем, -- вынужден был признать Баалберит. -- Единственное, чего мы смогли добиться -- прослушать

несколько важных сообщений между кораблями флота. Мы пытались установить теленатическую связь, но варп-шторм...

- Варп-шторм все еще создает помехи, и в любой момент может снова стать непроницаемым, - закончил за него Мелькарт. - Мы не можем позволить себе терять время, Верховный Инквизитор. Мы должны продолжать действовать по плану. Двести лет мы были изолированы от Империи, и не можем возлагать все наши надежды на возможность, что эта изоляция скоро закончится.

«Ты, конечно, не можешь», мысленно сказал Баалберит, «но я не думаю, что у нас есть какая-то альтернатива».

Вслух же он произнес:

- Но мы не можем и игнорировать эту возможность. Если варп-шторм продолжит затихать, командиры флота должны будут решить, стоит ли нам помогать или нет. Это будет серьезный риск, потому что неизвестно, когда активность варп-шторма снова может возрасти, и насколько сильным он может

стать. Если они решат, что нам уже
нельзя поточь -- или что мы не
заслуживаем помощи -- тогда они могут
принять решение об Экстерминатусе.

- Я просто поверить не могу! -- резко
сказал генерал-майор.

Баалберит понимал, что это
действительно так. Форх буквально не
мог поверить, что Умпериум -- настоящий
Умпериум, а не то слабое и искаженное его
эхо, что было на Сигматусе -- мог
уничтожать целые миры, не делая
различий между поклонниками Хаоса и
теми, кто им противостоит.

Для таких людей как Форх
Умпериум Человека был лишь смутным
далеким воспоминанием, сохранившимся
только в рассказах, оставшихся от пра-
пра-прародителей, в которых вымысла
было куда больше, чем правды. Форх думал
о себе и о людях, себе подобных -- к
которым, вероятно, относил Церия
Фүльбру и Орлока Мелькарта -- как об
Умпериуме, и считал само собой
разумеющимся, что его понятия о власти
и стратегии были общепринятыми. Ядро

организаций, все еще носивших столь гордые названия как Инквизиция и Агентус Терра, было единственным местом на Сигматусе, где все еще сохранились истинные знания и истинная вера. Увы, извращенный разум Орлока Мелькарта, который предпочел бы, чтобы контакт с Истинным Империеумом никогда не был восстановлен, был не слишком из ряда вон выходящим явлением в обществе, столь далеко сошедшем с пути праведности.

- Наша задача, - спокойно сказал Мелькарт, - всею нашей мощью противостоять силам врага. Чтобы добиться этого, мы должны выиграть войну, одержав победу быструю и окончательную. Полагаю, у вас еще какая-то информация об этом таинственном холме в пустошах? Наши люди погибли там.

Последнее, чего хотел Баалберит -- позволить Мелькарту укрепить свое положение.

- Я сделаю все, что смогу, чтобы получить новые сведения, - пообещал он. -- Но техножрецы и инквизиторы,

сопровождающие генерала Фүльбру, вероятно, имеют больше возможностей выполнить эту задачу, особенно если смогут поймать нескольких из тех, кого туземцы называют Сновидцами Мудрости. Если бы вы послали самолет...

- Если бы операция «Зонг» не завершилась таким провалом, - раздраженно произнес Форх (оказывая услугу Мелькарту, понимал он это или нет), - конечно, у нас было бы больше возможностей поймать одного-двух Сновидцев, не подвергая наших людей ненужному риску.

- Никто и не ожидал, что эта кампания окажется легкой прогулкой, - заметил Баалберит. -- Как бы ни была раздута репутация этого Гавалона «Великого», он, вероятно, настолько же силен, насколько погл и отвратителен. Мы, люди благочестивые и добродетельные, не можем представить, на какие ужасы он способен -- но мы служим Императору, хоть и заперты варп-штормом на этой оскверненной планете, и наше дело правое. Мы с самого начала

ожидали потерь в этой кампании, и знали, что эти потери могут быть тяжелыми -- поэтому мы ждали, пока наши войска не станут настолько сильны, что будут непобедимы. Мои люди сделают все, что в их силах, чтобы помочь в этом наступлении -- но их настоящая работа начнется потом, когда мы должны будем искоренить все остатки хаосопоклонничества на континенте. Это будет долгая и тяжелая борьба -- если, конечно, мы не получим подкреплений из Империи. И если мы получим эти подкрепления достаточно скоро, это весьма сократит ожидаемые потери войска генерала Фүльбры. Ведь мы все этого хотим, не так ли? Более чем чего-либо, мы хотим сберечь жизни наших солдат и облегчить труд наших священников -- и поэтому я буду продолжать пытаться установить контакт с флотом, и поэтому все, даже самые незначительные успехи в достижении этой цели достойны хвалы, и поэтому мы обязаны послать самолет в Гүльзакандру незамедлительно.

Полковник Балилла кивал, выражая

согласие с основными пунктами речи инквизитора, и выражение лица Форха значительно смягчилось. Даже Мелькарт сделал вид, что одобряет сказанное, хотя явно был решительно настроен не соглашаться с последним предложением. Баалберит начал понимать, для чего Мелькарт хотел оставить самолет себе -- и это придало инквизитору еще больше решительности так или иначе добиваться, чтобы самолет Мелькарту не достался.

- Конечно, вы правы, Раган, - сказал губернатор. -- Но давайте не будем складывать все яйца в одну корзину. Генерал Фүльбра сделает все возможное, чтобы выяснить, почему операция «Зонг» завершилась неудачно, и что это может означать для следующей фазы наступления. Мы должны узнать, что приготовил для нас противник, и ваши люди -- наша главная надежда это выяснить. В Гүльзакандре все не так, как в Калазендре, где на каждой улице каждого города есть шпион -- и если принять во внимание доклады из Одиенн, даже нашим

лучшим следователям будет трудно
выбить хоть какую-то полезную
информацию из местных крестьян,
глупость которых может сравниться
только с их упрямством. Мы очень
надеемся на Агентус Терра, Раган. Мы
нуждаемся в вас сейчас более чем когда-
либо.

Неискренность Мелькарта была
более чем очевидна. Баалберит легко мог
представить, как губернатор мысленно
добавляет: «а когда мы закончим эту
кампанию, вы нам больше не
понадобитесь». Однако инквизитор знал,
что он еще может понадобиться
Империуму. Если Хаос предполагается
полностью уничтожить, а не всего лишь
загнать в подполье временным
поражением, правителям Сигматуса
понадобится укрепить силу и
целеустремленность местных «Агентус
Терра». А в чем сейчас больше всего
нуждается эта местная копия настоящих
Агентус Терра, так это во влиянии новой
силы и новой целеустремленности со
стороны настоящих Агентус Терра, на

которых держится Империя Человечка.

Баалберит считал, что было бы глупо даже пытаться отвлекать внимание Дейра Ажао от по-настоящему важного дела ради столь тривиальных вопросов, как кем был противник, в чью засаду попали имперские солдаты, проводившие операцию «Зонг», или почему кусок скалы посреди пустошей так важен для этого Гавалона «Беликого».

- Если я вам так нужен, - трагично сказал Баалберит, - весьма прискорбно, что ваши полицейские не смогли остановить туземца с оружием, проникшего в мою штаб-квартиру этим утром. Один из моих телохранителей получил пулю, предназначавшуюся для меня.

Генерал-майор Форх и младшие офицеры, казалось, были искренне шокированы этим, но было трудно поверить, что выражение ужаса, которое изобразил на своем лице Мелькарт, являлось хоть сколько-нибудь искренним.

- У культистов все еще есть агенты в Калазендре, - заметил Мелькарт. - Пока

их организация не будет обезглавлена, мы
не сможем уничтожить их окончательно --
но когда Гүльзакангра станет нашей, и
этот Гавалон, наконец, будет мертв
вместе со всеми своими мерзкими
прихвостнями, полностью наступит конец.
Лишь когда мы одержим окончательную
победу, можно будет спать спокойно.
Может быть, желаете, чтобы я одолжил
вам несколько своих людей, чтобы усилить
ваш штат телохранителей, а, Раган? Я
буду рад помочь.

- Я могу о себе позаботиться, - сухо
ответил Баалберит. - Я обо всем смогу
позаботиться, будьте уверены.

- Я не сомневаюсь, - уверил его
Мелькарт с неприкрытым лицемерием. --
Мы все рассчитываем на вас.

«Я приведу флот сюда или погибну»,
твердо сказал себе Баалберит. «Можете
игнорировать эту возможность, если
хотите, дорогой губернатор, но когда
корабли будут здесь, у вас уже не
получится их игнорировать -- и тогда
посмотрим, кто сможет о себе
позаботиться, а кто нет. Слава

Императору Великолепному, и смерть врагам его, кто бы и где бы они ни были!»

ГЛАВА 13

ОКАЗАЛОСЬ, что был, который видели Дафан и Гицилла, не был дымом сигнального костра. Он шел из трубы небольшого дома, стоявшего посреди квадратного участка обработанных полей, похожих на лоскутное одеяло. Дом и поля так долго не было видно потому, что они располагались в узкой долине.

На двух полях росло зерно, еще на двух чечевица, на остальных картофель, но зерно было уже убрано и почти весь картофель выкопан. Даже плетеный курятник за домом был пуст. Дафан предположил, что птиц забрали квартирмейстеры армии Гавалона. Если так, армия должна быть недалеко.

Семья фермера, вероятно, укрылась в Эльвеноре — если ближайшим городом отсюда был Эльвенор. Если на этой равнине должны были сразиться две армии, фермер, видимо, рассудил, что лучше не оставаться в доме, который могла занять любая из сторон, чтобы укрыться от

обстрела.

С точки зрения же Дафана возможность найти хотя бы временное убежище выглядела очень привлекательно, потому что он почти не спал всю предыдущую ночь, а путь пешком, которым они шли с самого утра, окончательно истощил его силы. Тицилла, казалось, нуждалась в отдыхе еще больше, чем он, и Дафан боялся, что она может в любой момент снова впасть в транс. Нилуан, сильно задерживавший их, потому что он пользовался любой возможностью, чтобы утолить свой ненасытный аппетит, выглядел куда более сильным и бодрым, чем они, но и он начал проявлять признаки усталости.

Дафан подумал, что хотя Нилуан и выглядел бодрым и бдительным, возможно, он следил не только -- и даже не столько -- за тем, что происходило непосредственно поблизости. Его внимание, казалось, привлекали другие вещи, чья природа находилась за пределами понимания Дафана.

Когда они тщательно обыскали

маленький дом и пристройки, не столько для того, чтобы убедиться, что там никто не прячется, сколько надеясь пополнить свои запасы. Дафан и Тицилла усадились у очага, в котором догорали угли, оставшиеся с ночи, и основательно поели.

Нитиан тоже поел, хотя из-за проговольствие имперских солдат явно было ему куда меньше по вкусу, чем разнообразные представители местной фауны, которых он ловил и поедал с самого рассвета.

- Как же мы найдем Гавалона? - спросил Дафан.

Тицилла ответила не сразу; после еды ей хотелось спать еще сильнее.

- Я не знаю, - слабым голосом произнесла она.

- Единственное, что я могу придумать, - сказал Дафан, совсем не удовлетворенный этим ответом, - попытаться найти следы повозок, которые увезли зерно и картофель. Они, наверное, тяжело нагружены, и найти их следы будет не так трудно. Или мы можем просто идти по дороге, пока не дойдем до

другой деревни.

- Здорово, - откликнулась Тицилла.

Дафан раздраженно повернулся к Нитиану.

- А ты что думаешь? -- спросил он, не слишком ожидая какого-то разумного ответа.

Нитиан уставился на него пристальным пугающим взглядом, но, по крайней мере, казалось, что он обдумывает вопрос со всей надлежащей серьезностью.

Дафан заметил, что трофейная имперская форма на Нитиане уже трещит по швам, и сомневался, что она продержится еще хоть час прежде чем разорвется. Теперь никто не мог назвать Нитиана тощим; его мускулатура позавидовал бы даже кузнец.

- Я здесь останусь, - наконец сказал Нитиан, - с нею. Ты иди. Увидишь Гавалона. Будут жертвы. А я сюда доставлю корабли.

Слово «жертвы» звучало зловеще. Но больше всего Дафана удивило последнее слово.

- Корабли? -- спросил он. -- Мы же за

сотни миль от моря. Как ты сможешь
привести сюда корабли?

- Ты Гавалона приведешь, -
нетерпеливо повторил Нилуан, - а я
оставлю корабли.

- Ты имеешь в виду звездные корабли?
- спросила Гицилла, которую, очевидно,
посетило некое озарение. - Как те, на
которых сюда прилетели люди Империи
двести лет назад.

- Ты убедишь волшебников прийти, -
сказал Нилуан, глядя на Дафана своими
неповторимыми черными глазами. - У
будут жертвы. Я ухожу искать еду. Попрошу
лишь корабли.

- Я не хочу оставлять Гициллу, -
возразил Дафан, думая, насколько далеко
он может зайти со своим упрямством,
принимая во внимание, что он говорит с
существом, постепенно превращающимся в
великана - или в нечто куда более
странное и худшее.

- Здесь безопасно, - ответил Нилуан, -
больше чем где-либо. Она нужна мне здесь,
и знает это. Она есть я. Ты тоже. Ты
пойдешь.

- Тицилла должна была стать Сновидцем Мудрости, - упрямо настаивал Дафан, - но она еще очень молода. Она была лишь ученицей, и еще ничего не знает.

Он с тревогой осознал, что не имеет ни малейшего представления о том, что может знать Тицилла, или как она может это знать.

- Ей нужна помощь, - согласно кивнул мальчик, который больше не был мальчиком. -- Нужен отдых. Останется со мной. Ты пойдешь.

Дафана это не убедило. Разве ему не нужен отдых так же, как Тицилле, а может и больше? И как кто-то может быть в безопасности рядом с тем, во что превращается Нилуан? Это же существо, которое считает, что не имеет значения, когда утирать, важно лишь как утирать -- существо, считающее, что когда пришло время гореть, надо гореть.

Патер Салтана однажды сказал Дафану, что вся жизнь подобна огню, и пища действительно является топливом, дающим энергию, медленно сгорая. Быть

человеком, сказал он, значит гореть медленно и ровно, но быть чем-то большим, нежели просто человек -- быть таким как колдуньи и Сновидцы Мудрости -- значит гореть ярко.

Дафан не знал о колдунах ничего, за исключением того, что слышал в сказках, но у него возникла пугающая догадка, что когда Нитиан говорил о том, что надо гореть, он думал о таком огне, который мог соперничать с солнцем, пусть хоть и на мгновение.

Дафан не хотел, чтобы Тицилла сгорела так. Он не хотел даже, чтобы она находилась с чем-то -- или кем-то -- кто будет гореть так ярко. Он хотел, чтобы Тицилла была в безопасности, чтобы ее жизнь горела медленно и ровно, не подвергаясь риску ради того, чтобы сгореть ярко. Он любил ее, и не мог перестать любить просто потому, что она становилась все более странной, и все чаще не была собой. Он верил, что мог бы любить ее, если бы только мир мог вернуться к прежней жизни.

Если бы только...

- Уди, Дафан, - сказала Гицилла, вскрыв глаза. -- Делай, что говорит Нилуан. Так будет лучше всего.

Дафан подумал, действительно ли это говорит Гицилла, или ею управляет кто-то другой -- что-то другое? Это была пугающая мысль, но он уже так привык бояться, что было трудно подумать о чем-то настолько пугающем, чтобы усилить тот ужас, который он и так уже испытывал.

- Я не знаю, куда идти, - тихо возразил Дафан. -- Мне нужно, чтобы ты пошла со мной.

- Я дам тебе проводника, - сказал Нилуан.

Он вырвал из своей головы один волос. Потом он дважды обернул волос вокруг мизинца левой руки и с помощью зубов крепко завязал. Дафан заметил, что ногти Нилуана стали глинянее, толще и темнее, словно когти.

Когда узел был завязан, Нилуан демонстр -- как уже начал о нем думать Дафан -- взял мизинец двумя пальцами правой руки, и небрежно оторвал его.

Из раны не текла кровь.

Нитиан взялся за свободный конец волоса и поднял болтавшийся на нем оторванный палец. Палец повернулся влево, потом вправо, несколько мгновений качаясь, прежде чем застыть неподвижно.

- Туда иди, - мягко сказал монстр, - увидишь Гавалона. И приведи волшебников скорее. Спешу же. Будут жертвы.

- Что за жертвы? -- спросил Дафан, хотя что-то внутри него пыталось сказать, что он не захочет этого знать. Он не мог заставить себя протянуть руку и взять протянутый ему страшный талисман.

- Когда пора гореть, - ответил Нитиан, - то мы горим.

- Возьми палец, Дафан, - отрешенно произнесла Гицилла. -- Покажи его Гавалону. Он поймет, что это значит. Он будет знать, что делать.

- Я не уверен... - начал Дафан.

- Ты и не должен быть уверен, - резко ответила Гицилла. -- Ты просто должен сделать это. Ради меня. Ради деревни. Ради нашего мира.

- Я не хочу оставлять тебя.

- Лишь случай свел нас вместе в первый раз, - сказала она. -- Я должна остаться здесь, чтобы сыграть свою роль. Ради тебя. Ради деревни. Ради нашего мира. Ради бога Гүльзакандры.

- Ты не в безопасности рядом с ним, - настаивал Дафан. -- Чем бы он ни был, рядом с ним опасно.

- Нет безопасности, - ответила Тицилла. -- Лишь война -- лишь игра.

- Это не игра, - возразил Дафан. -- Это жизнь и смерть. Особенно смерть.

- Угу, - сказала она. -- Делай то, что должен. Ради нас. Я -- это он, а он -- это ты. Ради всех нас. Ради меня.

На этот раз, как заметил Дафан, она не стала упоминать деревню и мир -- и бога Гүльзакандры, которого иногда называли Изменяющим Пути, а иногда -- Божественным Комбинатором. Хитрая уловка: Дафан не был уверен, что он готов сделать ради деревни, мира или даже бога, которому поклонялся с рождения, но точно знал, что он готов сделать ради Тициллы.

Все что угодно.

Дафан робко взял оторванный палец, который Нилуан все еще протягивал ему, и обернул свободный конец волоса вокруг своего указательного пальца правой руки, так что потемневший коготь оторванного мизинца мог поворачиваться в любом направлении. Потом он взял открытую канистру с водой и сделал большой глоток, после чего закрыл канистру и поставил на место.

- Далеко придется идти? -- спросил он.

- Я не знаю, - сказала Гицилла. --

Отдыхай, когда почувствуешь необходимость -- десять минут отдыха на каждый час пути, но не спи. Продолжай идти. Времени мало.

Теперь Дафан окончательно был убежден, что, хотя эти слова произносила уста Гициллы, их подсказывал другой разум -- возможно, как бы парадоксально это ни казалось, тот же разум, который не мог заставить речевой аппарат Нилуана говорить нормально.

Дафан посмотрел на Нилуана, но тот сказал лишь:

- Очень голоден. Нужна еда.

Дафан не хотел думать, что это может значить, но когда он, наконец, вышел из дома, то понял.

Семейство птиц мое -- возможно, тех же самых, которых он видел убежавшими, когда выходил из красно-черного леса -- бежало к ферме. Они не умели летать, но взрослые птицы были выше любого человека, и их туловища были очень толстыми. Дафан пытался не думать о том, как Нилуан будет сворачивать и ушей и рвать на куски, пожирая одну птицу за другой -- вместе с перьями, когтями и всем остальным.

Трофейная форма неминуче разорвется, не выдержав роста его тела, но Дафан думал, что одежда будет не слишком нужна Нилуану, когда его руки и ноги, последовав примеру ушей, начнут изменяться, приобретая окончательный вид. Он вспомнил узор на обнаженном теле Нилуана, когда впервые увидел его, и понял, что должно быть, это не просто узор, а что-то вроде чертежа, который ткачи и портные иногда чертили на песке, пытаясь придать форму своим

мыслям.

К дому бежали не только птицы, туда направлялись рептилии и мегаскарабеи. Очевидно, Нилуан пока еще не был настолько голодным, чтобы съест локсогонта, но это «пока еще» как-то не очень утешало Дафана.

Несколько рептилий проползли мимо него, но ни одна из змей не зашипела на него и не попыталась укунить. Похоже, палец Нилуана мог не только указывать путь; возможно, он обладал и защитной силой.

Дафан поступил в точности так, как было сказано. Было определенное утешение в той целеустремленности, которую дал ему повиновение. Не имело значения, насколько он был напуган, или что могло ожидать его в конце пути, лучше выполнять полученные приказы, чем вообще не знать, что делать.

Пройдя около часа — сколько точно времени прошло, он не мог узнать — Дафан остановился, чтобы несколько минут передохнуть. Выпив воды и отдохнув, сядя на гигантском грибе, он пошел дальше.

Он шел дальше и дальше, хотя его ноги болели от усталости. Двигаясь, он не чувствовал сонливости, поэтому продолжал идти, не останавливаясь. Его сознание становилось все более вялым, а мысли стали как будто вязкими — но его чувства не притупились, и он ощущал странное возбуждение. Он потерял счет времени, шагая по этой чуждой и странной местности, но было что-то глубоко внутри него, что, казалось, радовалось этому движению.

Солнце уже начало склоняться к закату, когда Дафан наткнулся на звероловцев.

Он в это время шел по лесу: не такому странному, как лес из огромных красно-черных початков, в котором остановился грузовик, но все же необычному. Некоторые из деревьев были похожи на завезенные на планету людьми, но большинство были покрыты сияющими чешуйками, из-за чего их стволы и ветви казались скорее металлическими, чем деревянными, а их плоды были похожи на медалионы.

Дафан почувствовал запах звероловцев еще до того, как увидел их, но он не знал, что значит это зловоние, и не осознал, насколько оно сильно, лишь когда увидел, от кого оно исходит.

Дафан сначала застыл от ужаса, но ужас, казалось, потерял свою значимость, и он почувствовал странную ясность разума и некую машинальность. Оторванный палец Нумиана все еще висел на волоске, но Дафана охватило парадоксальное чувство, что это не палец привязан к нему, а он, Дафан, привязан к пальцу, лишь следуя туда, куда он покажет, не в силах сделать чего-то иного.

При других обстоятельствах он был бы убежден, что чудовищные звероловцы сейчас набросятся на него, разорвут на куски и съедят, но с пальцем Нумиана Дафан чувствовал себя так, словно это он, а не звероловцы, был здесь настоящим чудовищем, и что это он, а не ему, больше угрожает опасность быть разорванными и съеденными.

Всего там было шесть звероловцев —

трое с головами, вероятно, каких-то
уродливых коров, один с головой ястреба, у
еще одного голова была больше похожа на
свиную, и один с лицом некоей чудовищной
карикатуры на обезьяну. Все они были
покрыты лохматой шерстью, кроме
свиноподобного, а их ноги были похожи на
медвежьи, кроме двух с ногами как у
птиц той. Они были вооружены
разнообразными топорами и копьями, хотя
любой из них вполне был способен
разорвать Дафана на куски голыми
руками -- или лапами, в случае тех, у
которых не было рук как таковых. Они
сидели или лежали на земле, но когда они
заметили Дафана, то все вскочили на
ноги и преградили ему путь.

В любой другой день его жизни такая
встреча заставила бы Дафана упасть в
обморок от ужаса или бежать со всех ног,
надеясь не потерять контроль над
кишечником. Сейчас же он просто
остановился и поднял правую руку, чтобы
показать страшный талисман, висевший
на его указательном пальце.

- Я ищу Гавалона Великого, - сказал

он. -- У меня сообщение для него.

Зверолюди посмотрели на него, их разнообразные глаза моргали, пока они его оценивали. Дафан еще немного поднял руку, пытаясь привлечь их внимание к своему необычному костюму. Их внимание было должным образом привлечено.

Они рычали, не спеша переговариваясь друг с другом, но ближе не подходили.

- Гавалон, - повторил Дафан, подумав, что они, вероятно, куда глупее обычного человека. -- Вы знаете Гавалона? Можете отвести меня к нему? Не беспокойтесь, если не сможете -- я найду дорогу. Все, что вам нужно сделать -- позволить мне пройти. Пропустите меня?

Зверолюди не отвечали и не двигались.

Дафан неохотно осознал, что ему придется идти прямо на них и пройти сквозь их неровный строй. Зловоние казалось просто ошеломляющим, и мысль о том, чтобы подойти на расстояние вытянутой руки к таким чудовищам, выглядела крайне непривлекательно, но Дафан знал, что он должен сделать, и знал.

что должен это сделать.

Осторожно он сделал шаг -- и, осознавая, какая ответственность на него возложена, смело пошел вперед. Он вытянул правую руку, чтобы чудовищный палец висел как можно дальше от него, и принял решение пройти между быкоголовым чудовищем с топором и обезьяноподобной тварью, вооруженной копьем.

Зверолюди не двигались до последнего момента, но посторонились достаточно, чтобы он прошел, не прикоснувшись ни к кому из них. Их близость была отвратительна, но сам факт того, что он смог преодолеть этот страх, вызывал странную радость. Как только Дафан прошел мимо зверологов, все еще находясь на расстоянии удара копьем, он почувствовал, как его сердце радостно затрепетало.

«Я -- храбрый человек», подумал он, наслаждаясь осознанием этого. «Я -- настоящий мужчина, и я смел».

Уже не в первый раз он думал о себе как о взрослом -- и давно уже -- но в первый

раз у него было основание называть себя храбрым человеком. Он не проявил стелости ни в колючем лесу, ни у пруда, ни на ферме, но прошел мимо зверологов с несгибаемой стелостью в душе.

«Я на войне», подумал он, «нравится мне это или нет. Теперь я боец и должен сделать все, что могу, чтобы приблизить нашу победу. Ради моей деревни. Ради нашего мира. Ради... славы».

На другой стороне леса он увидел окраину лагеря армии Гавалона: тириады палаток и повозок, многочисленные разноцветные знамена, лениво развевающиеся на ветру. Были и другие часовые, мимо которых надо было пройти, но никого настолько устрашающего, как те звероловы, которых он встретил в первый раз, и вскоре он нашел нормальных людей, способных говорить, которые не только поняли имя Гавалона Великого, но и были способны ответить на его вопросы.

- Кто послал тебя? - спросил один высокий человек. Это был первый воин Гүльзакандры, у которого Дафан увидел ружье: элегантную винтовку с блестящим

стволом.

- Нитиан, - ответил Дафан. -- На крайней тере, он сказал, так его звали, пока он не начал превращаться во что-то другое.

Человек подозрительно прищурился, но он был просто бойцом, а не Сновидцем Мудрости. Очевидно, он почти ничего не знал о том, кем был Нитиан, не говоря уже о том, кем он стал.

- Мы - девушка по имени Тицилла и я - попали в плен к имперцам прошлой ночью, у пруда далеко к востоку отсюда, - объяснил Дафан. -- Мы убежали из деревни, когда пришли имперские солдаты. Мы пытались добраться до Эльвенора, но они догнали нас на грузовиках. Кажется, Нитиан убил их всех, но точно не знаю. Мы захватили грузовик и уехали оттуда.

Стрелок, кажется, понял сказанное. Его глаза снова удивленно расширились.

- Грузовики? Имперские солдаты? Пойдём со мной, ты должен рассказать командирам, где они, сколько их и какое у них оружие. Мы предполагали, что они еще далеко к северу отсюда, и не ожидали,

что они уже менее чем в дне пути к востоку.

- Сейчас их там уже нет, - сказал Дафан. -- Если кто-то из них и остался в живых, едва ли их больше десятка.

Если стрелок и поверил ему, то это не уменьшило его тревоги. Он повел Дафана в лагерь, к палатке, над которой развевалось самое необычное знамя из всех: огромный глаз, исторгавший поток пламени убийственной мощи. Дафан вдруг понял, что видел его раньше, во сне. Неужели это значит, что он теперь тоже Сновидец Мудрости? Он просто не мог поверить в это, и сказал себе, что, вероятно, видел что-то подобное, когда был еще слишком маленьким, чтобы помнить.

В палатке Дафан в первый раз увидел Гавалона Великого. Он сразу заметил великого колдуна в толпе приближенных, окружающих его; никогда еще Дафан не видел кого-то настолько жутко уродливого, с такими чудовищными глазами.

Дафан наблюдал, как стрелок,

запинаясь, рассказал о нем, и Гавалон небрежномахнул огромной рукой, словно показывая, что эти новости для него уже не новости. Потом волшебник обернулся, встретив взор своих устрашающих глаз на Дафана. Когда Гавалон подошел к нему, Дафан храбро выпрямился в полный рост, показав оторванный палец, который привел его сюда.

Как только Гавалон увидел, что держит в руке Дафан, на лице колдуня появилась широкая улыбка, обнажившая два ряда огромных острых желтых зубов.

- Где он? -- спросил Гавалон. -- Мы должны найти его. Нельзя терять время. Фүльбра наступает очень быстро, а у нас недостаточно оружия, чтобы остановить его. Нитиан в порядке? Где он?

- Он хотел, чтобы вы пришли к нему, -- сказал Дафан, переводя дыхание. -- Он сказал, привести колдунов, и...

- И что? -- спросил Гавалон.

- Он сказал что-то о жертвах, -- неохотно договорил Дафан. -- Он сказал, что будут жертвы... и что он приведет корабли.

ЦЕРИЙ ФУЛЬБРА набросил одеяло на голову и плечи и присел в окне, когда сработали подрывные заряды. Он слегка поторщился, когда большие колья грязи застучали по одеялу, едва не вырвав его из рук. Генерал не должен пачкать свою форму, иначе каким примером он будет для подчиненных? Он хотел быть не только самым храбрым, но и самым аккуратным. В конце концов, он сражался за порядок, против коварных и ужасающих порождений Хаоса — и если эта мысль была способна внушить страх даже в его подготовленный разум, насколько больший страх она могла посеять в умах его менее просвещенных последователей?

Фульбра знал, что его последователи рады участвовать в этом походе, рады пойти в бой, рады выполнять святую работу возлюбленного Императора — как может быть иначе, если ожидание этой радости было так тщательно вбито в них? Но они неминуемо будут чувствовать и тревогу. Если мысли о псайкерах Рагана Баалберита было для них достаточно,

чтобы покрыться холодным потом, что же должна вызвать перспектива оказаться на континенте, полном вражеских псайкеров, если позволить этой мысли пустить корни? Они будут произносить молитвы, и выполнять ритуалы, и стрелять из своего оружия со всей механической правильностью, которой смогли от них добиться их сержанты, но каждый раз, когда у них окажется свободная секунда, чтобы подумать, есть опасность, что сомнение, самое коварное оружие из арсенала врага, может вкрась в их мысли. Но крайней мере, до сих пор убивать врагов было легко и приятно. Ничто так не поддерживает боевой дух, как хорошая бойня. Хотя разрушать баррикады было не так весело. Это скучная работа, не приносящая особого удовольствия.

Это была уже шестая баррикада, на которую они наткнулись сегодня, но лишь вторая, для разрушения которой потребовались подрывные заряды. Чтобы разрушить остальные, было достаточно болтерных снарядов. Конечно, это была

траты ценных боеприпасов, но трата
необходимая. Хотя грузовики, на которых
двигался авангард Фүльбры -- даже те,
которые везли на своих платформах
драгоценные гусеничные танки --
теоретически были способны преодолевать
пересеченную местность, они двигались
гораздо быстрее, если не сходили с того,
что в этих варварских краях служило
дорогой.

Фүльбра отдал грязное одеяло
ординарцу и быстро пошел назад, к своей
бронемашине, жестом приказав
полковникам Гатере и Дуалбору
следовать за ним. Как и большинство
машин в его авангарде, машина Фүльбры
была местного производства.
Четырнадцать танков и шестнадцать
других бронемашин были имперскими
оригиналами -- настоящие «Леман Руссы»,
«Хилеры» и «Саламангры» -- но более
быстроходных машин за два века после
высадки просто не сохранилось, если не
считать самолета, который Мелькарт
упорно отказывался ему отдать. Даже
мотоциклы, которые использовали его

разведчики, были изготовлены на заводах Калазендры, хотя их техническая простота означала, что они куда ближе к оригинальным образцам, чем более тяжелые машины.

Командирская машина «Саламандра», которую использовал Фүльбра, когда бригада была на марше, была легко бронирована, но более маневренна, чем ее местные аналоги -- и гораздо маневреннее той крепости на колесах, в которой должен был укрыться Фүльбра, когда начнется серьезное сражение. Учитывая, что противник многократно уступал в огневой мощи, Фүльбра решил, что мобильность на данный момент важнее, поэтому тяжелые танки были погружены на прицепы грузовиков, вместо того, чтобы двигаться своим ходом.

Фүльбре было очевидно, что полковник Гатера предпочел бы сидеть в безопасности под броней оригинального танка, даже когда в этом не было необходимости, но Гатера слишком ценил свою должность генеральского адъютанта, чтобы возражать -- особенно когда

Дуамбор был готов в любой момент занять его место. Фүльбра всегда поддерживал соперничество между старшими офицерами своего штаба -- это помогало оттачивать профессионализм и добавляло необходимой дерзости их тактике. Зависть, если ее направить должным образом, могла быть по-своему столь же полезна, как и благочестие. Хороший офицер должен любить Императора, ненавидеть ересь и внимательно следить за продвижением по службе своих соперников.

К несчастью, противник, казалось, тоже знал, что мобильность была важнее всего для авангарда сил вторжения, и эти подонки делали все возможное, чтобы замедлить наступление имперской армии. Отступая, они поджигали поля, жгли деревянные мосты, засыпали валунами узкие каньоны и рассыпали на дорогах шипы, надеясь, что они проткнут колеса имперских машин. В каждой деревне строили баррикады, неважно насколько хлипкие, и если деревня была достаточно большой, за баррикадой на крышах готов

прятались снайперы. Только у одного снайпера из трех было ружье, но те, которые использовали луки, были опытными лучниками, и их стрелы, попадая в незащищенную плоть, причиняли почти такой же ущерб, как пули. До сих пор потери его солдат были ничтожны, но время пока было на стороне оборонявшихся. Когда будет одержана окончательная победа, у победителей будет все время, чтобы выследить и убить всех оксверненных Хаосом, но пока...

- Новости? -- спросил Фүльбра у вокс-оператора, как только сел в машину.

- От разведгруппы, направленной из Огуенн, никаких сообщений, сэр, - доложил вокс-связист, когда бронемашина заняла свое обычное место в колонне. -- Самая деревня захвачена, но командир пока не получал никаких известий от разведчиков, направленных на поиски полукруглого холма.

- Наверное, это неполадки с оборудованием, - предположил Гатера. -- Как их могли всех перебить так быстро, что они даже не успели позвать на

помощь?

- Вот это я и хотел бы знать, - проворчал Фүльбра. - Не совершайте ошибку, считая, что наши враги беспомощны или неспособны в плане тактики. Они не являются честными бойцами вроде нас -- они подлы, нечисты, хитры и коварны. Передайте командиру В Огуенн приказ выяснить, что произошло, и, когда выяснит, немедленно сообщить нам. Еще что-то, капрал?

Вокс-связист помедлил секунду, потом сообщил:

- Произошла попытка убийства Верховного Инквизитора. Неудачная, слава Императору.

- Ожидается, - сказал Дуамбор. - Түземцы могут находиться за тысячами миль от городов Первого Завоевания, но у культов свои средства связи. Когда здесь начало становится слишком горячо, следовало ждать вспышки террористической активности в Состенүто. Впрочем, наши с ними справятся -- слава Императору Великолепному!

- Думаю, да, - с сомнением произнес Фүльбра. У него были свои мысли насчет того, кто мог быть ответственен за покушение на Баалберита, но Фүльбра знал, что было бы не слишком мудро звучивать ее здесь и сейчас. Внезапно он выругался, когда в окно слева ударила стрела, оставив царапину на бронестекле.

Это был совершенно бесполезный выстрел -- в конструкции бронемашин лишь несколько квадратных дюймов могли быть уязвимы для снайперов -- но он нес определенное символическое значение.

Стрелки в башнях «Хитер» впереди открыли огонь, стреляя во всех направлениях, но Фүльбра не видел, дают ли их выстрелы какой-то результат, потому что было слишком много дыма. Дома в этой местности были в основном деревянными, но даже у тех, которые были построены из камня, крыши часто были соломенными, и пожары в полях обычно распространялись и на дома, выжигая их дотла, если ветер дул в том направлении.

- Угуоты, - произнес Гатера. -- Они уничтожают свое имущество и средства к

существованию лишь ради того, чтобы замедлить нас на пару часов. Если бы они просто пропустили нас и оказали бы небольшую помощь, они сохранили бы всю свою собственность -- конечно, под властью нового правительства. Какая ил разница, кто правит в Ринтре, или какой там городишка служит ил столицей. Разве их правители обращаются с ними лучше, чем мы? Скорее, напротив, куда хуже, ведь они поклоняются злым богам. Деревенщины! У них навоз вместо мозгов.

Фульбра лучше Гатеры знал, что будет с местными жителями, когда завоевание Гульзакандры завершится. Когда за работу возьмутся инквизиторы, туземцев ждет лишь та загробная жизнь, которую позаботились уготовить ил их нечестивые боги. Некоторые из них, может быть, и не затронуты скверной, но как можно быть уверенным в этом? Лучше перебить всех этих язычников, и пусть их боги сами с ними разбираются.

Точку в речи Гатеры поставила пуля, скрикошетившая от брони. Гатера выругался, и, немого передвинувшись на

суденье, пробормотал молитву.

- Их научили ненавидеть нас с такой яростью, что она переходит все пределы, - сказал Дуамбор. - Они не могут понять, что Империя Человечества -- единственное, что стоит между силами скверны и господством над всей вселенной. Это тяжело осознать даже нашему народу после стольких лет изоляции.

- Мы все еще часть Империи Человечества, слава Императору, - прорычал Фүльбра, вспомнив, почему он назначил своим заместителем Гатеру, хотя Дуамбор был явно умнее. - Семь поколений изоляции и необходимость производить оружие и технику своими силами не меняют ничего. Мы верные слуги Императора, и никогда не должны этого забывать. Однажды -- возможно, и мы доживем до этого -- контакт с флотом будет снова установлен. И когда этот славный день наступит, мы должны иметь право гордо поднять голову и сказать: «Мы сделали то, что от нас ожидалось. Мы исполняли свой долг, независимо от того, какие препятствия вставали на нашем

пути».

- Это не совсем новости, сэр, но...
нерешительно произнес вокс-оператор.

- Но что? -- спросил Фүльбра.

- Прошли слухи, что корабли
Имперского флота поблизости, ожидают,
пока варп-шторм утихнет достаточно,
чтобы можно было высадиться на планету.

- Что значит слухи? -- требовательно
спросил Фүльбра. -- Или мы установили с
ними связь, или нет. Если это правда, то
это самая важная новость за все столетия
с момента высадки. Это новость, которая
может изменить все.

- Говорят, псайкер как-то установил с
ними контакт, сэр, -- пояснил вокс-
оператор, не в силах сдержать дрожь. -- По
слухам, корабли слишком далеко, чтобы
поддерживать с ними вокс-связь, даже если
бы варп-шторм не искажал сигналы. Но
техножрецы Мелькарта стараются так
же упорно, как и псайкеры Баалберита.

Ответом Фүльбры было
дипломатичное молчание. Он не потерпел
бы техножрецов в своей бронемашине,
независимо от того, насколько полезны

были их молитвы для поддержки оборудования в работоспособном состоянии, потому что больше всего он ненавидел две вещи: препирательства и неясность приоритетов. Никто не мог обвинить техножрецов в отсутствии дисциплины, но это была не военная дисциплина, и неважно, что могли говорить о единстве цели и действий, все же была очевидная разница между людьми, которые молились, стреляя и утирая, и людьми, которые только молились. Фюльбрах испытывал к псайкерам не больше симпатии, чем всякий нормальный человек, но он знал, что псайкеры Баалберита куда вероятнее установят телепатический контакт с имперскими кораблями, чем техножрецы Мелькарта смогут послать вокс-сообщение, даже если люди Мелькарта действительно стараются.

«Пусть это будет правда!», сказал он себе. «Ради Императора Милостивого, пусть это будет правда!». Потом он с сознанием долга напомнил себе, что это всего лишь слухи и что он должен

выигрывать битвы и истреблять язычников. Еще он напомнил себе, что любыми сведениями, полученными псайкератами Рагана Баалберита, следует относиться с сомнением, потому что способности псайкеров усиливались с помощью тех же самых наркотиков, которыми пользовались тугельные «Сновидцы Мудрости» — наркотиков, несомненно, затронутых скверной.

Несмотря на бедность снаряжения и очевидную малочисленность чистокровных потомков имперских иммигрантов, Церий Фүльбра не сомневался, что бойцы его партии столь же храбры, решительны и хорошо обучены, как и участники Первого Завоевания — но эта его уверенность не распространялась на так называемых инквизиторов так называемых «Агентус Терра». Он уважал Рагана Баалберита как человека, но вовсе не был уверен, что Баалберит был столь же необходимым звеном великого механизма Империи, каким был он сам, или даже Орлок Мелькарт.

Согласно тайной истории, которую

Фүльбра знал от предков, псайкеры галактического Империи Человечества служили тем цементом, который скреплял Империю. Они поддерживали свет Астрономикона, передавали сообщения между звездными системами и прокладывали курс космических кораблей. Но чего они не делали (если его предки случайно не потеряли эти сведения) — они не были теми, кого аборигены Сигматуса называют «Сновидцами Мудрости».

Те несколько псайкеров, которые сопровождали исследовательскую экспедицию, были включены в ее состав, чтобы сообщить информацию о Сигматусе флоту, на основании чего могло быть принято решение, как именно следует развивать колонизацию планеты. Когда это стало невозможно из-за сложившихся обстоятельств, более того, когда старое поколение уступило место новому, для псайкеров следовало найти новые обязанности. Псайкеры Верховного Инквизитора внушали такой же страх, как, вероятно, и их предшественники, и их деятельность так же была скрыта завесой

тайны. Фүльбра знал, что они были важным инструментом войны против туземных культистов, но не был уверен, что такое их использование соответствовало имперским нормам. Баалберит был вернейшим слугой Империи из ныне живущих на Сигматусе, но Фүльбра иногда думал, не совершает ли инквизитор ужасную ошибку, пытаясь использовать против культистов их же методы.

«Возможно», думал он, «эти предполагаемые новости -- всего лишь коварный обман, придуманный врагами, чтобы отвлечь нас от текущих целей. Кто знает, на какие гнусные хитрости способны эти мерзкие колдуньи?»

Бронеташина, наконец, оставила позади горящие поля, окружающие деревню, и Фүльбра с радостью вдохнул чистый воздух. Сейчас, когда они выехали из телены дыма, видимость была хорошей, хотя поле зрения было ограничено местной густой растительностью.

Церий Фүльбра родился в горах северной Калазендры, и рос, глядя на

далекие горные вершины на горизонте. В равнинах ему не нравилось то, что на них не было пункта, с которого человек мог обозреть местность дальше, чем на милью. Даже если не мешали густые заросли, было трудно видеть дальше, чем на несколько сотен ярдов, а в этой местности, испытавшей влияние варна, густые заросли были самым обычным делом. Здесь росло много деревьев — по крайней мере, в них можно было узнать деревья, хотя их листья были иногда весьма странных цветов, а плоды выглядели слишком необычно, но еще больше было непонятных округлых растений, похожих на гигантские грибы или мутировавшие кактусы.

Задолго до прибытия имперской экспедиции, на территориях недоразвитых туземных цивилизаций Калазендры, Зенгаторы и Бүлзавары местная растительность почти везде, за исключением нескольких анклавов, была вытеснена растениями земного происхождения. В Ёвелькане земная растительность постоянно соперничала с

местной, а в Гүльзакандре, чьи ленивые и затронутые скверной жители никогда не касались земли за пределами своих полей, до сих пор буйно росли местные растения. Местность, по которой сейчас двигалась партия захватчиков, казалась Фүльбре гораздо более чуждой, чем все, что он видел до того.

- Мотоциклисты докладывают, сэр, - сообщил вокс-оператор. -- Дорога свободна на протяжении следующих пяти миль, но дальше впереди мост. Река глубиной как минимум двенадцать футов, шириной около двадцати пяти ярдов. Вероятно, саперы смогут работать без помех -- на другом берегу нет укрытий для снайперов, а чтобы расчистить заросли, хватит пары очередей из болтеров.

- Что дальше за рекой? -- спросил Фүльбра.

- В основном такая же равнина как минимум на милю. Дальше видны крыши -- еще одна деревня. Что за ней, не видно.

- Как я могу планировать операцию вслепую? -- посетовал Фүльбра. -- Мне нужен самолет -- и зачет, во имя

Императора, я должен строить временные
аэродромы на каждой стоянке, если эти
идиоты в Состенуто не собираются
присылать его? Как я смогу обнаружить,
где собирается армия культистов, или
насколько она многочисленна, или куда она
направляется, если у меня нет самолета?

- Большинство их -- всего лишь
крестьяне с вилами и зверолюди с
топорами, - сказал Гатера. - Не так уж
важно, сколько их или где они
располагаются.

- Это будет важно, если мы не успеет
застать их врасплох и нанести большие
потери, пока они не рассредоточились, -
замечил Дуамбор. - Если они поймут,
увидев нас, что единственной
возможностью для них остается
партизанская война, нам могут
понадобиться годы, чтобы полностью
установить контроль над регионом.
Будет трудно переселить сюда с других
континентов новых колонистов для
помощи нашим войскам, приняв во
внимание, что туземцы сожгли большую
часть своих домов и ферм.

- Но они сосредотачиваются для решительного боя, хоть это и глупо с их стороны, - возразил Гатера. - Это нам точно известно, и возможно, мы сможем выяснить, где именно. Разумеется, они хотят перехватить нас до того, как мы подтянем кавалерию и локсодонтов. Наверняка они намереваются помешать нашему соединению с южной группировкой.

- Слишком трудно пытаться угадать, что они намереваются делать и почему, - задумчиво произнес Дуамбор. - Зачем давать бой, который невозможно выиграть, если можно истощить противника партизанской войной? Если у них не заготовлено никаких сюрпризов, на что они вообще надеются? А если все-таки что-то заготовлено, почему псайкеры Баалберита не выяснят что именно? Что-то здесь не так насчет этой вражеской армии, и хотел бы я знать, что.

- Ответ может быть проще, чем кажется, - сказал Фүльбра двутполковник. - В Калазендре небольшие партизанские отряды могли бы довольствоваться за счет местных

ресурсов месяцами или даже годами, потому что большая часть растений, даже тех, что считаются дикими, там земельного происхождения -- но оглянитесь вокруг! Без своих полей эти люди просто не смогли бы себя прокормить. Они знают, что если наши пути снабжения будут прерваны, у нас начнутся серьезные проблемы -- но доставив нам эти проблемы, они сами окажутся в том же положении. Они не смогут вести продолжительную партизанскую войну, потому что здесь просто не хватит мест, где можно безопасно прятаться. Они постараются изолировать нас, если смогут -- но, изолировав, они должны уничтожить нас как можно быстрее. Если у них есть такая возможность, не имеет значения, сколь малая -- они ею воспользуются. Атаковать танки и бронемашины с копьями и дубинками может показаться абсолютно тщетным с точки зрения любого разумного военачальника, но если достаточное число бойцов сможет дойти до рукопашной, они смогут нанести нам потери, не говоря уже

о колдовских трюках, которые могут использовать только мутанты и еретики. Вот почему мне нужно знать точное их расположение.

- По справедливости говоря, - заметил Дуамбор, - воздушная разведка вовсе не обязательно дала бы нам необходимую информацию, учитывая, сколько здесь возможностей укрыться от наблюдения с воздуха. Если бы грузовики, высланные на разведку из Огуенн, не были потеряны, они могли бы быть более полезны для нас, чем самолет.

- Но они потеряны, - возразил Фүльбра. -- И если столько грузовиков, на которых было столько солдат и оружия, могли исчезнуть в одно мгновение, не успевай даже сообщить нам о том, что случилось, мы можем обнаружить еще какой-нибудь неприятный сюрприз, ожидающий нас.

«Но колдовство может истощиться, как и любые другие боеприпасы», подумал он в последовавшем молчании. «И если Имперский флот действительно вот-вот восстановит с нами контакт, все колдовство культистов на этой планете

бюджет бессильно. Если бы мы смогли вызвать на помощь костический корабль, представляю, что бы стало с врагом!»

Командирская бронемашина затедела ход, приближаясь к разрушенному мосту, но огнемёты на головной «Хитере» уже выжгли окружающую его растительность, а противоположный берег был настолько пустым, что разведчики-мотоциклисты даже не позаботились занять укрытия. Санеры уже устанавливали стальные фермы, которые должны были образовать каркас временного моста.

- Скажите квартирмейстерам, чтобы сначала проверили воду, прежде чем пополнять наши запасы, - приказал Фүльбра вокс-оператору, хотя знал, что эти предосторожности и так должны предприниматься в обычном порядке. -- Условно высылайте вперед мотоциклистов, так только переправа будет готова.

- Да, сэр, - ответил связист. -- Слава Императору Великолепному!

Фүльбра подумал, не стоит ли выйти из машины и размять ноги, но

особой необходимости не было, и, возможно, будет лучше, если его подчиненные продолжат считать это абсолютно рутинной операцией. У них и так хватает тревог, и нижние чины известны своей склонностью истолковывать любые, даже самые ничтожные детали как причину для гурного предчувствия. О, если бы сюда взвод костогесантников или хотя бы настоящих имперских гвардейцев! Каким примером бы они послужили этим жалким подобиам солдат!

Что было нужно его людям, так это, конечно, новый бой: новая резня культистов, проведенная с беспощадной эффективностью и без потерь. К сожалению, местные деревенщины, казалось, больше не собирались становиться легкой добычей -- по крайней мере, добычей врага, которого их всю жизнь учили ненавидеть.

Фүльбра размышлял, что же могло случиться с группой грузовиков, выехавших из Огуенн. В какую переделку могли попасть грузовики, на которых было столько оружия, даже если противник

имел численное превосходство? И почему
вопреки всем разумным доводам и
расчетам его настойчиво не покидает
заглубленное чувство страха, которое он
обычно испытывал перед тем, как судьба
преподносила особенно неприятный
сюриприз?

ГЛАВА 15

- ТЫ УМЕЕШЬ ездить верхом?

Дафан моргнул, услышав
неожиданный вопрос.

- Я ездил на лошади, сэр, - сказал он,
дугая, стоит ли признаваться в том, что
он ездил на очень спокойной лошади,
медленным шагом и не слишком часто. Он
так же не знал, правильно ли обращаться
к Гавалону «сэр» - но его никогда не учили,
как надо разговаривать с колдунот, тем
более, с главой всех колдунов Гүльзакандры.
К счастью, палец Нитиана, похоже,
продолжал оказывать на него свое
чудотейственное влияние, поддериживая его
самообладание куда лучше, чем Дафан мог
бы поддериживать его сам.

- Хорошо, - сказал Гавалон. -- Мне
нужно приехать к Сосуду как можно скорее.

Наши попытки задержать фүльбру и заставить его растянуть силы провалились самым жалким образом. Его саперы слишком хорошо работают -- реки, рвы и горящие поля не слишком задерживают их, а наши бойцы просто не могут навязать им ближний бой, если не найдут надежный способ выводить из строя их машины. Какая будет ирония, если исход этой войны будет зависеть от количества запасных колес для машин фүльбры и скорости, с которой их меняют. Ты должен показать мне, где эта ферма. Мои звероловы пойдут за нами пешком, но я должен добраться до Сатораэля и объяснить ему, что от него требуется, как можно быстрее.

- Сделаю все возможное, сэр, -- пообещал Дафан.

Он пожалел о своем обещании, как только увидел скакунов, которых приготовили слуги Гавалона. Всего животных было четверо; хотя Гавалон собирался ехать без сопровождения своей свиты зверологов, он компенсировал их временное отсутствие, взяв с собой двух

своих рабов-волшебников, Абдалкүри и Малдайака. Скакүны, несомненно, были лошадыми, но окрашенными куда более ярко и пестро, чем все лошади, которых видел Дафан до того, их преобладающими цветами были оранжевый и голубой, головы украшены рогами. Хвосты их были не обычными лошадиными хвостами, а больше похожи на крысиные, массивные копыта не подкованы. Седла и уздечки были достаточно обычными, но у них не было мундштүков во рту. Эти кони казались Дафану такими же странными, как и рабы-колдүны с их раскрашенными и покрытыми шрамами лицами, одетые в кожаную броню, ярко разукрашенную красным, желтым и зеленым.

- Не волнүйся, Дафан, - сказал Гавалон, заметив его тревогу. -- Они более послушны, чем кажется, и үтнее, чем любые другие животные, которых ты когда-либо видел. Если приучить их повиноваться тебе, эти кони бүдут служить очень хорошо.

Дафан снова затялся, прежде чем садиться в седло. Он был на целый фут

ниже, чем самый низкорослый из его спутников, а стремена, казалось, были расположены невероятно высоко -- но один из звероловдей подошел, подставив свои огромные руки вместо ступеньки, и Дафан смог взобраться в седло.

«Теперь чужовища мне прислуживают!», подумал он. «Еще вчера я был никем, а сейчас я, похоже, действительно посланник очень важной персоны!»

Гавалон задержался, отдав еще несколько приказаний командирам своей армии. После этого они поскакали, быстро перейдя с шага на рысь, а с рыси на галоп.

Через несколько минут четыре ярких разноцветных лошади мчались быстрее, чем Дафан мог вообразить. Трясаясь в просторном седле, Дафан думал, что было бы, если бы он сказал Гавалону, что не умеет ездить верхом. Наверное, Гавалон забрал бы у него палец Нилуана и оставил бы Дафана в лагере -- а этого Дафан совсем не хотел. Ему очень хотелось вернуться к Гицилле как можно скорее. Если ему придется учиться ездить верхом,

набивая шишки -- значит, так тому и
быть.

К счастью, его конь был хорошо
приучен возить на себе всадников и скакал
очень ровно. Дафану нужно было лишь
слегка дернуть уздечку, чтобы заставить
коня повернуть, и скакун тотчас
повиновался. Это позволило Дафану
освободить одну руку, к которой был
привязан палец Нилуана, так, чтобы он
мог показывать путь.

Гавалон сначала ехал рядом с ним,
чтобы убедиться, что Дафан знает путь,
но проехав так десять минут или около
того, колдун отстал и дальше просто
следовал за ним.

Когда конь перешел на более ровный
шаг, скачка стала более гладкой, и Дафан
почувствовал, что может смотреть на
горизонт впереди, а не на кусты и
кактусы, мелькавшие по сторонам, не при
этом испытывая чувство тошноты. В
любом случае, он слишком давно ел, и вряд
ли в его желудке осталось что-то, чем
могло бы его стошнить.

Когда Дафан шел пешком, хотя его

разум при этом пребывал в необычном
оцепенении, расстояние между одинокой
фермой и лагерем армии Гавалона
казалось очень большим, но розатые
лошади преодолели его с такой скоростью,
что мили, казалось, просто мелькают
мимо. Дафан только начал привыкать к
своему необычному положению верхом на
странном животном, когда увидел трубу
фермерского дома -- правда, на этот раз из
нее не шел дым.

Секунду или две Дафан думал, что,
возможно, он привел Гавалона не на ту
ферму. Местность казалась какой-то
другой -- но крыша дома была та же, и
Дафан понял, что местность выглядит по-
другому из-за окружающих растений. В
тени стен активно разрастались новые
растения -- местные, не завезенные
людьми. Некоторые из них были колючими
кустами, некоторые были похожи на
грибы, но большинство было лианами,
обвивавшими стены дома и все остальные
стены и изгороди, отгораживавшие земли
фермы.

Дафан знал, что некоторые виды

местных растений способны расти очень быстро, но патер Салтана говорил ему, что это потому, что они получают энергию прямо с неба. Это было как-то связано с той силой, которая заставляла звезды двигаться и менять цвет. А так как сейчас звезды двигались медленнее, чем раньше при жизни Дафана -- и, как он подозревал, при жизни патера Салтаны тоже -- едва ли следовало ожидать, что сейчас растения будут расти быстрее, но за последние двадцать четыре часа произошло слишком много неожиданного.

Скорее всего, быстрый рост этих растений был связан с присутствием Нилуана в доме.

Когда Дафан спрыгнул с седла и привязал коня к одному из столбов того, что когда-то было изгородью, он почувствовал, что поездка не была ни настолько короткой, ни настолько гладкой, как ему показалось. Его ноги как будто перекосило, идти пешком было больно.

Но это не помешало ему вбежать в дом в поисках Гициллы.

Тициллу оказалось легко найти. Но она была совершенно одна.

И это обстоятельство совсем не понравилось Гавалону Великому.

- Ушел? -- нетерпеливо повторил он, когда Тицилла начала объяснять. -- Куда ушел?

- Вероятно, он не ожидал, что вы придете так скоро, - беспокоенно сказала Тицилла. -- Он сказал, что голоден, хотя как такое могло быть после того, как он съел всех этих птиц...Сейчас он гораздо больше. Если бы он остался здесь, возможно, он не смог бы пройти в дверь. Он вырос из имперской формы, -- вокруг валялись лохмотья, - но его кожа больше не похожа на человеческую. Сейчас он больше похож на огромную рептилию, чем на человека, хотя говорить научился куда лучше.

Пока Тицилла рассказывала, Дафан заметил, что она тоже стала более высокой, чем раньше, хотя вряд ли ела на обед птиц той и мегаскарабеев. Необычный рост Нитиана, вероятно, оказывал влияние не только на местные растения, но и на

людей.

- Это плохо, - раздраженно сказал Гавалон. -- Он с самого начала не должен был убегать от меня, даже если почувствовал врагов поблизости. Он не должен был прыгать в грузовик и не должен был посылать за мной мальчика вместо того, чтобы прийти самому. Как он узнает, что мне нужно от него, если я не могу ему сказать? Фюльбра приближается слишком быстро. Если мы отступим, нам придется бросить слишком много городов и слишком много дорог. Если имперские войска займут сильную позицию и наладят снабжение, мы никогда не сможем выгнать их отсюда. А как Сосуд в умственном плане? Его истинное сознание уже проявилось из остатков души Нилуана?

- Я не знаю, что вы имеете в виду, - неуверенно произнесла Гицилла, но Дафан понимал, что она лишь проявляет осторожность. Она уже сказала, что Нилуан стал лучше говорить.

- Что он сам говорит? -- нетерпеливо спросил Гавалон.

- Немного, - взволнованно сказала Тицилла. -- Он сказал мне ждать. Вообще-то он не говорил, что вернется, но я подумала, что именно это он имел в виду. В конце концов, он велел Дафану привести вас сюда, так что... Он сказал, что ему нужно коснуться вас.

Гавалон обдумывал это секунду или две.

- Мне нужно найти его как можно скорее, - прошептал он. -- Когда он вернется в лагерь, то получит все, что пожелает, но...

Неожиданно он обернулся и посмотрел на оторванный палец Нимиана, все еще привязанный к руке Дафана, и заметил, что палец больше не висит горизонтально. Когда на него упал взгляд Гавалона, волос, завязанный узлом, на котором висел палец, вдруг развязался, и палец упал на пол.

Но не стал лежать там неподвижно, как был бы должен; вместо этого палец начал извиваться, как червь, неуклюже двигаясь к Гавалону. Колдун наклонился, протянув одну руку к земле, ладонью вверх. Оторванный палец, двигаясь, становился

глиннее, пока не стал достаточно глинным, чтобы обвитья вокруг пальца Гавалона, как кольцо.

Гавалон, выпрямившись, продолжал смотреть на него. Его поза словно выражала непонимание, но выражение его нечеловеческих глаз было непроницаемым.

«Ну что ж», подумал Дафан, «полагаю, теперь Нитиан его коснулся».

Возможно, монстр был где-то достаточно близко, чтобы действовать по-своему, даже без физического присутствия. И как только Дафан об этом подумал, он удивился, каким образом он смог прийти к такому странному выводу. Это была его мысль — он был уверен в этом — но, казалось, она была вызвана чувством, которое было не вполне его. Он вспомнил не очень понятную речь Нитиана и впервые задумался, не было ли гораздо больше значения, чем казалось, в словах «ты и ты» — в ответе Нитиана на вопрос «кто ты?».

Дафан согрознулся и решил, что лучше в самом деле думать о чем-то другом. Он поднял взгляд.

- Мне кажется, - шепотом спросил он Тициллу, - или потолок стал немного выше, чем был раньше?

Тицилла тоже посмотрела вверх; она явно не замечала никаких перемен в обстановке, пока на них не указал Дафан.

- Думаю, да, - сказала она, и добавила, - но и я не кажусь себе ниже, чем раньше, по сравнению с ним.

- Все растет, - нерешительно произнес Дафан. - Даже камень стен. Все, к чему он прикоснулся - кроме меня.

- Не удивительно, что он голоден, - сказал Гавалон. - Но он не должен растрачивать свою силу напрасно, будь случайно или нет. Я не знаю, сколько энергии он будет иметь в своем распоряжении, когда вырастет, но она не бесконечна, и он не сможет пробыть здесь долго. Мы должны разбить имперцев так, чтобы они никогда не смогли восстановить силы после этого поражения. Если мы не сможем, этот мир никогда не будет безопасным местом для слуг истинного бога.

- А что насчет кораблей? - спросила

Тицилла.

Взгляд страшных глаз Гавалона до того казался ничего не выражающим, но вдруг Дафан заметил, как в глазах колдуня словно мелькнуло пламя, особенно в том глазу, что казался моложе.

- Кораблей? -- переспросил Гавалон.

Тицилла кивнула.

- Я видела их в твоих снах, - сказала она, - но особенно четко последней ночью. Нилуан говорил о них -- он сказал, что они приближаются.

- Это имперские корабли? -- спросил один из рабов-колдунов -- кажется, это был Малдайак.

- Не обязательно, - ответил Гавалон. - У истинного бога есть и свои костические флоты, как и у других богов, которые враждебны Империи. Есть в космосе и другие расы, способные летать среди звезд: эльдары, тираниды, тау... Их имена для меня мало что значат, но они были открыты мне в видениях, так что я кое-что знаю о войне, в которой принимаю участие. Что Сосуд сказал о кораблях?

- Сначала он сказал, что приведет их.

ответила Тицилла. -- А потом сказал, что они приближаются. Он казался при этом довольным.

- Приведет их? -- задумчиво повторил Гавалон. -- И казался при этом довольным..

- Варп-шторм отступает, - сказал другой раб-колдун, вероятно, это был Абгалкүри. -- Если корабли Изменяющего Пути смогут прийти нам на помощь...

- Мы уничтожим Имперium раз и навсегда, - закончил фразу его разноцветный спутник.

- Имперium слишком велик, чтобы быть уничтоженным, - поправил его Гавалон. -- Тот крошечный его осколок, что оказался затерян здесь на две сотни лет, всегда был лишь ничтожной песчинкой - и да, его-то можно уничтожить. Если варп-шторм отступит, в костосе могут собраться силы, достаточные для завоевания пяти или даже пятидесяти миров -- миров, полных людей и магии, и кто знает, сколько в них может обитать потомков затерявшихся имперских исследователей? Эта фаза большой игры, возможно, развернется в куда большем

масштабе, чем я представлял... но
поэтому тем более важно, чтобы
Саторазель подчинялся мне и следовал
моим указаниям.

- Несомненно, - сказал Абдалкурри.

- Абсолютно, - сказал Малгайак.

Дафану показалось, что их голоса
звучат несколько неискренне. Рабы-
колдуньи, как предположил он, всецело
служили целям и средствам Гавалона. Они
были лишь его покорными слугами и более
ничем. Но что бы ни содержал в себе этот
так называемый Сосуд, это было нечто
куда большее: нечто, несравненно большее,
чем они, большее, чем даже сам Гавалон
Великий. Дафан понял, что эти два
порабощенных волшебника не будут так уж
недовольны, если по какому-то капризу
судьбы Гавалон окажется низведен до
такого же унижительного положения, что
и они, даже если при этом их собственное
положение станет еще более низким.

«Но мы все -- лишь рабы истинного
бога», напотнил себе Дафан, или,
возможно, эта мысль тоже была не вполне
его собственная. «Он -- Божественный

Комбинатор, и он решает, какое место
уготовлено каждому из нас в его планах.
Возможно, мы все предназначены ему в
жертву».

И снова ему хотелось бы, чтобы
патер Салтана успел рассказать ему
больше о тайнах религии и ритуалах его
народа.

- Полагаю, нам придется подождать, -
неохотно заключил Гавалон. -- У вас
случайно нет здесь еды, пригодной для
людей?

- Только то, что мы забрали из
имперского грузовика, - неохотно
призналась Гицилла.

Дафан знал, ее нежелание объяснялось
тем, что она отлично понимала,
насколько трудно будет добыть еще еды в
следующие несколько дней.

- Хорошо, - сказал Гавалон. -- Мы
поедим и будем надеяться, что голод
Сосуа может быть утолен столь же
легко, как и наш.

У Дафана и Гициллы не осталось
выбора кроме как предоставить свои
рюкзак в распоряжение Гавалона, и

наблюдать, как колдун и его рабы
расправились с большей частью их
принасов.

Утолив собственный голод, Дафан на
непослушных ногах вышел на огороженный
участок перед домом, собираясь напоить
лошадей и как следует размять ноги.

Тицилла вышла за ним и стояла
рядом, пока он ухаживал за лошадьми. Она
остатривалась вокруг, глядя на растения,
буйно разросшиеся вокруг дома. Это было
впечатляющее зрелище. Самые
быстрорастущие лианы уже обвили стены
дома почти наполовину, а колючие кусты
по обеим сторонам низкой изгороди
сделали ее куда более серьезной преградой,
чем до того. Крыша, которая казалась
теперь более высокой, заросла
паразитическими лхатами.

- Что будет с нами, как ты думаешь?
- спросил Дафан, подойдя к ней.

- Я не знаю, - ответила Тицилла. -
Моя голова говорит мне, что чем ближе
мы будем к Нилуану, тем в большей
безопасности мы окажемся, когда начнется
настоящий бой, но мои ноги хотят быть

как можно дальше от боя -- и от Нилуана.

- Ты нужна им, потому что ты Сновидица, - сказал Дафан. - Но какая польза от меня, разве что служить мальчишкой на посылках? У меня теперь нет даже того волшебного пальца.

- Это неважно, - сказала она. - Теперь мы принадлежим Гавалону, и он будет использовать нас по своему усмотрению. Если он нас отпустит, то нас будет использовать Нилуан -- Саторазель. Кажется, Гавалон думает, что это существо здесь, чтобы служить ему, но вряд ли оно будет кому-то служить. Думаю, оно здесь ради каких-то своих целей -- и ты с тобой оказались вовлечены в эти цели, случайно или нет.

- Если Нилуан может по своему капризу распоряжаться даже Гавалоном Великим, - прошептал Дафан, сам изумленный своей способностью вообще обсуждать такие вещи, тем более, говорить о них спокойно, - то мы с тобой можем оказаться в очень опасной ситуации.

- Мы уже в ней оказались, - напонила

Тицилла. -- Но нас бы здесь вообще не было, если бы Нилуан не появился и не помешал имперским солдатам сделать то, что они собирались. Мы должны каждую прожитую минуту считать чистой удачей, независимо от того, что может принести будущее. Если нам суждено умереть этой ночью, мы все-таки сумели прожить на один день больше, не так ли?

- Ты это имела в виду, когда говорила Нилуану, что «когда» не менее важно, чем «как», - прошептал Дафан. -- У, конечно, ты права. Но нам придется нелегко, да?

- Я не знаю, - сказала Тицилла, едва заметно пожав плечами, но ее голос больше не звучал как ее собственный. -- Может быть, это будет легче, чем мы думаем, если только мы научимся смотреть на это с правильной точки зрения. Если разобратся, когда ты все равно должен гореть, уж лучше гореть ярко.

Сейчас Тицилла казалась гораздо выше, чем тогда, когда вышла из дома, ее глаза снова ярко сияли.

Тицилла была по-прежнему красива.

но Дафан боялся, что ее красоте не суждено сохраниться надолго. Визя, что занятия магией сделали с Малдайаком и Абдалкури, не говоря уже о самом Гавалоне. Великом, Дафан думал, что едва ли она с возрастом сохранит красоту так же, как женщины, которые не были Сновидицами Мудрости.

- Я боюсь, - признался Дафан. - Если бы я был уверен, что эта яркая лошадь будет слушаться меня, то, наверное, не удержался бы от того, чтобы ускакать как можно дальше. Но это лошадь Гавалона, и пока я езжу на ней, наверное, я тоже принадлежу Гавалону.

Солнце уже заходило, день, как казалось Дафану, промелькнул очень быстро, и солнечный диск вот-вот должен был исчезнуть с неба. Гицилла оглянулась, вероятно, надеясь увидеть гиганта, который, по ее словам, стал Нилуан, но на равнине не было заметно никаких признаков движения.

Дафан посмотрел в небо, на котором уже появилась первая луна, и на востоке робко затерцали несколько звезд. Он

пытался оценить могущество той силы, которая могла двигать звезды -- Гавалон называл ее варп-штормом -- но глаза простого смертного человека не могли справиться с этой задачей.

- Какие бы корабли ни спустились с неба, для нас это не значит ничего хорошего, да? -- спросил он. -- Кому бы они ни служили, они принесут с собой лишь разрушение.

- Возможно, - сказала Гицилла. -- Но у Империи есть лишь огневая мощь. У нас же есть кое-что лучше.

- Лучше? -- спросил Дафан, думая, почему же он единственный, кто не растет под влиянием Нилуана. -- Или хуже?

- Конечно лучше, - убежденно ответила Гицилла. -- Мы здесь жертвы. Мы заслуживаем помощи, и будем благодарны за любую помощь, которую сможем получить, какой бы пугающей навигация она ни казалась.

- Полагаю, мы должны делать то, что должны, и надеяться, что все будет хорошо, - согласился Дафан, - независимо

от того, насколько страшным все кажется сейчас. Ведь Нилуан становится не только больше, но и... страшнее?

- Вигел бы ты, как он рвал на куски этих птиц, - сказала Тицилла, содрогнувшись, казалось, не столько от страха, сколько от удовольствия. - Он съел уже раз в десять больше своего веса с тех пор, как мы встретили его. Я не слишком хорошо знаю, на что способна имперская огневая мощь, но уже начинаю представлять, на что может быть способен Нилуан, когда полностью вырастет.

Сейчас, когда солнце заходило, глаза Тициллы сияли еще более ярко, и Дафан почувствовал, что она снова ускользает в то странное состояние, которое он так и не мог понять, не говоря уже о том, чтобы разделить его с нею. Сейчас ее слова звучали пророчески; она росла внутренне так же, как и внешне, с того момента, как Нилуан ворвался в их жизнь.

- Стожит ли мы пройти через это и уцелеть? -- спросил Дафан, надеясь, что он сейчас говорит с кем-то, способным дать

более точный ответ, чем деревенская девушка.

- Это неважно, - сказала она. - Важно лишь, какой вклад мы сумеем внести. Мы должны максимально использовать каждую драгоценную секунду и ни о чем не жалеть.

Дафан подумал, что ей сейчас легко говорить, ведь она больше не была той Тициллой, которую он знал всю свою недолгую жизнь.

Сам же он все еще отчаянно хотел жить, и эта жажда жизни была далеко не утолена.

ГЛАВА 16

- Я ПРОСТО не могу поговорить с вами, ваше превосходительство, - смиренно доложил Керфоро. - После того покушения телохранители Баалберита стали еще более бдительны, чем обычно, и сам факт того, что каждый инквизитор в Состенуто убежден, будто контакт с Имперским флотом непременно состоится, вызвал настоящий взрыв религиозности.

Шпион потел и неловко перетинался -

Вполне понятно, учитывая, что Орлок Мелькарт решил встретиться с ним в застенках главной тюрьмы Состенуто.

Обстановка в помещении не была чрезмерно угрожающей, ее можно было даже назвать торжественной, но большую часть времени эта комната выполняла функции гауптвахты, и находилась лишь в нескольких десятках шагов от бесконечно более неприятных помещений, обитателям которых редко удавалось выйти оттуда живыми.

Накануне массовых казней в тюрьме всегда устраивали праздничный прием, на котором Мелькарт оказывал небольшие милости членам своего внутреннего круга и хорошо проявившим себя слугам, но губернатор редко развлекался с заключенными, неважно, насколько симпатичными они могли быть. Он предпочитал рассматривать такие вечеринки как еще одну возможность извлечь выгоду. Тем более, Мелькарт был убежден, что туземные женщины обязаны своей красотой, какова бы она ни была, порче Хаоса, и поэтому они очень опасны

для честных мужчин, даже в том случае --
возможно, особенно в том случае -- если
этими женщинам предстоит быть
повешенными или сожженными наутро.

- Взрыв религиозности? -- повторил
Мелькарт, устехнувшись. -- Как-то не
очень себе это представляю.

- Тогда, вероятно, вы не знаете, какой
властью облагает Верховный Инквизитор
Баалберит нас своими лютями, ваше
превосходительство, - сказал Керфоро. --
Мы с вами склонны считать, что видения
накачанного наркотиками псайкера
бесстысленны, и не тревожимся по поводу
того, что контакт с Империей может
быть восстановлен, но агенты Инквизиции
считают иначе. Им не терпится
вернуться под власть Империи, «в
объятия возлюбленного Императора». Эта
возможность заставила каждого из них
обратиться к своей совести и укрепить
ослабленную веру новым всплеском
благочестия. Они абсолютно искренни в
своей вере, сир, и эта искренность не знает
компромиссов. Что не слишком
благоприятно для... дипломатии.

Конечно, Керфоро не считал себя всего лишь шпионом или тем более наемным убийцей. Он предпочитал думать о себе как о дипломате.

- Это неудобно, - согласился Мелькарт, задумчиво закусив нижнюю губу. -- У, я полагаю, нам следует рассмотреть возможность того, что псайкер действительно может вскоре установить контакт с имперским кораблем. Мы должны быть готовы к этому, просто на всякий случай. Если состоится еще одна высадка... Что ж, если Баалберит намерен проявить себя как лояльный и способный инквизитор, я должен произвести впечатление лояльного и способного губернатора. Это не должно стать особой проблемой, учитывая тот факт, что я начал священную войну против еретиков Гүльзакандры. Победоносную священную войну, которую генерал Фүльбра уже выигрывает - слава Императору Великолепному!

Керфоро все еще потел и дергался. Ему явно не давало покоя что-то еще, кроме его очевидной неспособности

организовать убийство.

- Что еще? -- спросил Мелькарт.

- Э, ну, сир, - затаялся шпион. -- Просто мои люди... ваши скромные слуги... держат руку на пульсе народных слухов... и, хотя они делают все возможное, чтобы держать распространение слухов под контролем, иногда нельзя ничего пожелать с тем, что появляются другие слухи, и...

- Ох, ну говори уже! -- нетерпеливо прорычал Мелькарт.

- Ваше превосходительство, появился слух, что...как бы это сказать?... что вы поддерживаете генерала Фүльбру не столько решительно, как могли бы. Простолюдины в своей глупости и невежестве, кажется, думают, что Баалберит более усерден в поддержке его дела, чем вы. На улицах ходят слухи, что вы отказались послать генералу самолет, о котором он просил, несмотря на тот факт, что самолет готов взлететь в любой момент -- слухи, которые мои люди, конечно же, пытались пресечь, но, увы, безуспешно. И это все было бы не настолько плохо, если бы в народ как-то не просочились новости, что одна из

операций генерала закончилась неудачно, и был потерян целый взвод... и эти два слуха сразу же оказались связаны в сознании толпы, как это обычно бывает, так, что это невозможно было исправить... или восстановить.

Мелькарт внимательно обдумал эту информацию. Все это не имело бы значения, если бы Керфоро выполнил порученную ему работу должным образом. Если бы от псайкера удалось избавиться, или если бы Баалберит был ранен при покушении, на улицах просто не осталось бы места для каких-то других слухов. Никогда не предполагалось, что чернь что-то знает о степени готовности самолета, и уж точно народ не должен был знать о провале операции «Зонг», но если кто-то, зная об этом, имел какие-то мотивы обнародовать эти новости, их никак невозможно было сохранить в тайне. Упохоже, у кое-кого такие мотивы были. Разан Баалберит, видимо, уже готовится к второй высадке имперских сил на Сигматус, и частью этой подготовки является подрыв репутации и положения

губернатора.

- Вероятно, я водил его на этот балкон слишком часто, - проворчал Мелькарт. - Не стоило слишком уж демонстрировать, как я ненавижу и презираю его, но я просто не мог удержаться. Впрочем, это не беда. Можно предпринять эффектный ответный ход, если будет действовать быстро. Я всегда намеревался забрать самолет себе, когда придет время. И произошедшие события означают, что время пришло даже скорее, чем я ожидал. Отправляйся на аэродром как можно быстрее, и скажи техномагистру Солгрону, что я приказываю к рассвету привести самолет в готовность к вылету.

- Вы посылаете самолет в Гүльзакандру, сир? - спросил Керфоро, не в силах скрыть свое изумление. - Вы передаете его в распоряжение Фүльбры?

- Нет, - терпеливо сказал Мелькарт. - Я полечу на нем в Гүльзакандру и оставляю его в своем распоряжении. Я намереваюсь стать героем войны. Если повезет, сражение будет выиграно еще до

того, как мы туда прилетим, но даже если нет... самолет -- оригинального имперского образца. Это лучший из имперских оригиналов, сохранившихся у нас, и его старательно поддерживают в исправном состоянии. Мы на нем будем вполне в безопасности.

- Мы? -- испуганно повторил Керфоро.

- О, не ты, - ответил Мелькарт, у которого столь очевидная трусость вызвала отвращение. -- Я возьму Форха и лучших дворцовых телохранителей.

Керфоро все еще смотрел на него в изумлении. Тишину нарушил долгий протяжный крик боли, лишь слегка заглушенный толстыми стенами тюрьмы. Кто-то явно развлекался. Мелькарт улыбнулся, но в его улыбке не было веселья. В отличие от Рагана Баалберита Керфоро не боялся высоты, но было что-то в самой идее полета -- даже на лучшем образце оригинальной имперской техники -- что приводило его в ужас. Мелькарт летал на самолете четыре раза, каждый полет занимал меньше часа, но боялся он только в первый раз и то лишь немного.

Ему нравилось летать. Каким бы правителем он был, если бы ему это не нравилось?

- Мой дед рассказывал мне истории о скармтерах, - сказал Керфоро, пытаясь говорить весело и беспечно. -- Но это были легенды, которые он слышал от своего дедки, легенды о лучших воинах Императора. Ваш самолет не боевая машина -- это просто транспортное средство. Вы уверены, что он выдержит двенадцатичасовой перелет, ваше превосходительство? Вы уверены, что будет безопасно лететь на нем в зону военных действий?

- Стрелять во врага я предоставляю солдатам Фүльбры, - устало сказал Мелькарт. -- Смысл в том, что я лично прилечу, чтобы поддержать генерала. Я так заинтересован в его победе, что решил взять под личную ответственность выяснение обстоятельств провала операции «Зонг». В конце концов, я именно такой губернатор, в поддержке которого генералы могут быть уверены. Я -- губернатор, который заслуживает

верности всех своих подданных.

- Но если вы не сможете выяснить, что случилось с пропавшими грузовиками, сир? -- произнес шпион в явном недоумении.

- Какая разница, что случилось с грузовиками? -- отмахнулся Мелькарт. -- Смысл в том, что все в Состенуто увидят, как я лечу на помощь генералу Фүльбре. Мы сделаем над городом два круга, чтобы уж точно все увидели. Одного зрелища самолета будет достаточно, чтобы ввергнуть большинство из них в благоговейный трепет. Новость о том, что я на борту, мгновенно пресечет все злонамеренные слухи, распространяемые агентами Баалберита. Когда я улечу -- и когда генерал Фүльбра вступит в решительное сражение с еретиками Гүльзакандры -- всякие подробности уже ни для кого не будут важны. Я вернусь с известиями о нашей великой победе, с которой я объявлю лично с моего балкона... и этот триумф послужит моим целям, как в том случае, если произойдет чудо, и Имперский Флот установит контакт с нами, так и в случае, если мы будем

предоставлены сами себе и сами станем
вершить свою историю. Это великолепно.
Почему ты еще сидишь здесь? Почему не
идешь на аэродром?

Керфоро вскочил со стула, его лицо
неожиданно прояснилось, когда он
вспомнил, что ему отдан приказ — и, как
минимум временно, не грозит гнев его
повелителя. Он поспешно выбежал из
комнаты.

«Жаль, что шпион не застанет самое
интересное на вечеринке», подумал
Мелькарт. Впрочем, похоже, он сейчас не
очень в настроении развлекаться. Самому
губернатору тоже сейчас было не до
развлечений, когда назревали такие
важные события.

Когда Керфоро ушел, Мелькарт
приказал одному из охранников разыскать
губернаторского водителя — пусть
прекращает развлекаться и подгонит
машину к запасному выходу из тюрьмы.
Если охранник и был удивлен, то никак
этого не проявил.

Готовясь уезжать, губернатор все
сильнее ощущал радостное волнение.

«Я слишком долго составлял планы и слишком много поручал другим», подумал он. «Я уже забыл, как это приятно -- быть человеком действия. Но раньше я всегда был человеком действия, пока не слишком увяз в политике. Следовало запланировать эту экспедицию с самого начала. Это именно то, что мне нужно».

Спеша по коридорам тюрьмы, он услышал новый хор воплей, вырывающихся из глоток заключенных, подвергаемых пыткам. Это была музыка для его ушей. Он ощутил приятное чувство удовлетворения при мысли о развлечениях, которыми будут предаваться его самые верные сторонники этой долгой ночью, и с тем, что это поощрение еще больше укрепит их верность. Впрочем, он был рад, что у него сейчас были более важные дела. Пытки заключенных, неважно насколько изобретательные, были слишком легким занятием, чтобы считаться интересным развлечением, особенно для человека действия.

Он приказал водителю ехать в Имперский дворец, чтобы собрать вещи.

взять с собой телохранителей и организовать эскорт мотоциклистов, но долго задерживаться там не стал. Уже через час его машина снова мчалась по ночным улицам, ее сопровождала еще одна машина эскорта и шесть мотоциклистов. Мелькарт сидел на заднем сиденье рядом с начальником своих телохранителей Торольдом.

Путь по улицам города был не таким гладким, как мог бы быть. Имперские колонисты, высадившиеся в Калазендре, значительно улучшили дороги Состенуто еще в первые годы их жизни здесь, но впоследствии ремонт дорог был оставлен на туземцев, тогда как имперские инженеры были заняты, участвуя в новых завоеваниях. Центральные улицы города были еще в хорошем состоянии, но, насколько помнил Мелькарт, чем дальше районы были от центра, тем хуже в них были дороги.

«То же самое и со зданиями», подумал Мелькарт, глядя на витрины магазинов и фабрики. В этом районе не строилось ничего нового уже больше ста лет, потому

что все знали, что новые здания гораздо хуже — как по конструкции, так и по качеству — чем те, которые построили невольные колонисты. Хотя были построены заводы, чтобы производить копии машин, которые привезли с собой имперские исследователи, эти копии всегда были плохими, а копии копий — еще хуже.

Люди Баалберита верили — или приговаривались, что верили — что постоянное ухудшение качества техники происходило в основном из-за того, что техножрецы двести лет назад безупречно читали молитвы и проводили ритуалы, а современные техножрецы так и не смогли достигнуть этой безупречности, но Мелькарт относился к этому скептически. Он был склонен больше винить плохое качество местного сырья, чем недостаточную квалификацию техножрецов. Не то, чтобы это было особенно важно; какова бы ни была причина, несомненным был факт, что потомки колонистов не могли предотвратить медленное, но неуклонное ухудшение их

уровня жизни и материальных благ.

В настоящее время грань, отделявшая образ жизни большинства так называемых имперцев от образа жизни богатых горожан туземного происхождения, стала воистину очень тонка. Империя все еще сохраняла монополию на автомобильный транспорт, но машин на дорогах Состенито было так мало, что это было весьма несущественным различием для всех, кроме штаба губернатора и армии.

Мелькарт смотрел из окна машины на улицы, по которым проезжал, пытаясь из всех сил гордиться своей столицей, но это было не так легко, как ему хотелось бы. Сейчас машина уже проехала центр города, где имперские колонисты строили здания в соответствии с присущим им чувством благородного величия, и по обочинам дороги стояли дома, которые туземцы строили для себя, используя камень, цемент и дерево в беспорядочных сочетаниях. Улицы были освещены -- если были освещены вообще -- дымящими масляными фонарями, а люди, ходившие по

ним -- в таком городе, как Состенүто, улицы всегда были полны людей, даже ночью -- эти люди в основном были бедными, уродливыми, пьяными и скверно одетыми.

Днем түземцы больше пытались подражать манерам имперцев, из всех сил притворяясь, что они тоже могут быть добродетельными, дисциплинированными и верными великой идее порядка и цивилизации, но по ночам вековая привычка к лени и распущенности брала свое. Им следовало быть куда более благодарными за те усилия, которые предпринял Имперіүт, чтобы спасти столь многих из них от жестокой тирании повелителей шабашей, которые были их первоначальными правителями, но Мелькарт полагал, что многие түземцы втайне тоскуют о старых доимперских временах, абсолютно забыв, какой зверски жестокой, опасной и полной скверны и деградации была жизнь их предков.

Насколько Мелькарт знал, в Состенүто больше не осталось

действующих культов или шабашей, но в
одном он был полностью согласен с
Баалберитом -- что скверна Хаоса хитра,
коварна и трудноуловима. Люди, которые
оборачивались, глядя на проезжающий
тихо автомобиль со стесью враждебности
и любопытства в хищных глазах, были
жертвами очень дурной наследственности.
Неважно, насколько старательно они
пытались, они так и не смогли стать
убедительными примерами
нравственности и благочестия. И как бы
часто Инквизиция ни проводила чистки,
народ так и не стал полностью чистым,
и, похоже, никогда не станет.

Когда будет очищена Гүльзакангра,
самый обильный источник мировой скверны
иссякнет, но Мелькарт знал, что как бы
тщательно ни была проведена чистка, она
не положит конец вечной войне. Всегда
будет необходимость в таких
организациях как Инквизиция и в таких
людях как Раган Баалберит -- разумеется,
подчиняющихся более разумным людям.
Ведь необходимо поддерживать и
повседневную жизнь государства, и задачи

управления слишком обширны и сложны, чтобы доверить их идейным фанатикам.

Мелькарт внезапно вздрогнул, когда камень, брошенный из темного переулка, ударил в окно, в которое он смотрел. Телохранитель, сидевший рядом с ним, вскочил, но вскоре сел обратно на сиденье, увидев, как один из мотоциклистов эскорта свернул в переулок, чтобы убедиться, что серьезной угрозы нет.

Через секунду мотоциклист вернулся. Мелькарт через заднее стекло увидел, как он просигналил своим спутникам, что все в порядке.

Автомобилю не было нанесено серьезных повреждений, но это оскорбление наполнило Мелькарта внезапной яростью. Вероятно, камень бросил непослушный ребенок, без всяких мотивов кроме простого хулиганства, но этот признак неуважения казался еще более ужасным, чем неблагодарность. Эти жалкие туземцы не представляют, сколь многим они обязаны Империи? Они не понимают, насколько обогатили имперские колонисты их убогую культуру.

не говоря уже о просвещении, которое коренным образом изменило ход событий в борьбе с ужасной скверной Хаоса? Как могут они не признавать очевидное превосходство имперцев в поведении и нравственности? Неужели они настолько глупы, чтобы снова желать власти повелителей шабашей, которые не только приносили их в жертву своим нечестивым богам, но и всячески приветствовали их постепенное превращение в безумных чудовищных мутантов?

- Возможно, Баалберит частично прав, - прошептал губернатор, ощущая необычный момент великодушия, продолжая смотреть в заднее окно. -- Единственное, за что стоит сражаться -- имперские идеалы, и это было бы куда легче, если бы мы не были отрезаны от наших братьев, путешествующих среди звезд. Если бы только Баалберит мог понять, что я -- лучшее олицетворение этих идеалов в нашем мире, мы могли бы быть друзьями, а не соперниками!

- Ваше превосходительство? -- произнес обычно молчаливый Торольд, на

случай, если реплика губернатора была обращена к нему.

- Там что, третья машина, Торольд?
- спросил Мелькарт, вдруг разглядев свет фар на дороге позади мотоциклиста, который временно отделился от эскорта.
- Я думал, Форх посадил других охранников в свою.

Телохранитель обернулся, встретив взгляд во трак.

- Да, ваше превосходительство,
сказал он. - Похоже, это еще одна машина. Прикажете остановить ее?

- Пока не надо. Сначала выясним, кто в ней. Прикажи своему вокс-связисту впереди запросить, чья это машина.

Приказ был передан через стеклянную стенку, отделявшую заднюю часть салона губернаторской машины от передних сидений. Спустя несколько секунд пришел ответ.

- Это машина Верховного Инквизитора, ваше превосходительство,
доложил Торольд.

- Что? - Мелькарт был ошеломлен. - Куда он направляется?

Прошла еще минута, казавшаяся гораздо длиннее предыдущей, прежде чем пришел второй ответ -- на этот раз прямо от вокс-связиста, сидевшего рядом с водителем.

- Он говорит, что едет помочь вам, ваше превосходительство, - доложил телохранитель. -- Как только он услышал о вашем героическом предприятии, он решил, что необходимо гарантировать вам свою полную поддержку и разделить с вами опасность.

Мелькарт с неловкостью осознал, что его нижняя челюсть отвисла. Он захлопнул рот и, скрипнув зубами, стал обдумывать ситуацию.

На секунду он задумался, не мог ли Керфоро быть перевербован, но потом решил, что инквизитор, вероятно, узнал о его импровизированном плане благодаря бдительности собственных агентов. Удивительно, Баалберит отреагировал мгновенно, действуя столь же стремительно, как и сам Мелькарт. Понимая, какую угрозу затеял Мелькарт, и как решительно он действует, Баалберит

отреагировал машинально -- и очень
прометчиво.

«Он играет мне на руку!», - подумал
Мелькарт. «Ускорить мой вылет было
поистине гениальной мыслью!».

Мелькарт видел лишь преимущества
в том, чтобы позволить Баалбериту
«разделить опасность» воздушного
путешествия -- если, конечно, свита
губернатора будет превосходить свиту
инквизитора как минимум вдвое. Если
после возвращения в Калазенгру народу
станет известно, что экспедиция
губернатора понесла потери в
Гүльзакандре, разве это не
продемонстрирует его храбрость и
истинную степень его триумфа по
возвращении? А какие торжественные
похороны он устроит героически
погибшему Верховному Инквизитору, чья
жизнь оборвалась столь трагично...

- Сколько дополнительных мест
останется на борту самолета после того,
как погрузятся наши люди? -- спросил
Мелькарт у Торольда.

- Столько, сколько вы пожелаете.

ваше превосходительство, - быстро
ответил телохранитель, мгновенно
сообразив, что задумал его шеф. - Мы
можем рассчитывать, что техномагистр
Солдрон установит такой лимит
свободных мест, сколько вы предложите.

- Хорошо - передай ему приказ
обеспечить, чтобы наши люди
превосходили свиту Баалберита втрое.
Скажи ему, пусть извиняется перед
Баалберитом как угодно, но придумает
достаточно важных причин, почему на
борту не хватит места больше чем для
пары его головорезов. Пусть он решит
этот вопрос до того, как мы приедем.

- Да, ваше превосходительство, -
ответил Торольд, подвинувшись вперед,
чтобы взять трубку вокс-аппарата у своего
коллеги.

Ухватившись за эту неожиданную
возможность, Мелькарт откинулся на
сиденье, обдумывая дальнейшие планы. Он
был изумлен, что Баалберит вообще
задумался о том, чтобы присоединиться к
нему на борту самолета, несмотря на свою
боязнь высоты, но теперь, когда эта

возможность появилась, Мелькарт больше всего опасался того, что Баалберит в последний момент поддастся своему страху и откажется лететь. «Вот это будет настоящее разочарование», подумал он. Было бы разумно отложить всякие проявления враждебности, пока самолет не приземлится в Гүльзакандре. Кроме того, будет весьма забавно, если окажется, что Баалберит так же плохо переносит полет на самолете, как пребывание на высоком балконе -- но как только они окажутся на чужой земле... на вражеской земле... будет легко раз и навсегда избавиться от этой занозы, и придумать историю, которая еще больше послужит в его пользу...

- Ваше превосходительство, похоже, никаких проблем не предвидится, -- доложил Торольд. -- Очевидно, Верховный Инквизитор покинул свои апартаменты в спешке. Он уже сказал техномагистру Солдрону, что с ним будут только три человека -- и только один из них вооружен. А у нас восемь хорошо вооруженных людей, плюс пилот и вокс-оператор, оба абсолютно надежные люди. Но зачем он

это делает, ваше превосходительство?
Ведь он должен понимать, что это
самоубийство?

- Должен понимать? -- задумался
вслух Мелькарт. -- Возможно, и нет.
Может быть, он действительно не
представляет себе, как обстоят дела. Или,
возможно, он просто в отчаянии. В любом
случае, все складывается в нашу пользу.
Император воистину любит нас, Король
- да славится имя Его!

- Хвала Императору, - отозвался
Король.

Даже когда Мелькарт приехал на
аэродром и обнаружил то, о чем не
подумал спросить раньше, он по-прежнему
торжествовал, по-прежнему был убежден,
что находится под покровительством
богов. «В конце концов», подумал он, «когда
самолет взлетит, единственное, что
будет иметь значение -- количество
стволов на борту и верность тех, кто их
носит».

Как сложат помешать его планам
этот факт, что Раган Баалберит кроме
телохранителя решил взять с собой

священника и псайкера?

Разве не было величайшим подарком судьбы для будущего правителя мира, что тот самый псайкер, который был так близок к тому, чтобы установить контакт с Имперским флотом, окажется в руках Орлока Мелькарта вместе с его беспокойным повелителем -- Верховным Инквизитором Раганом Баалберитом?

ГЛАВА 17

КОГДА Гицилла вернулась в дом, Дафан остался снаружи. Он сказал себе, что будет «нести дозор», но и сам не верил в это. Он знал, что когда Нитиан -- или Саторазель -- вернется, не будет необходимости предупреждать Гавалона о его появлении.

И поэтому он оказался полностью застигнут врасплох, когда услышал шум приближающихся грузовиков.

Дафану как-то не приходило в голову, что солдаты, занявшие деревню, могли отправиться выяснять, что случилось с их товарищами, или что, обнаружив следы боя у пруда, они могли найти следы оставленные грузовиком, который угнала

Гицилла, и, следуя по ним, найти этот грузовик, оставшийся без горючего -- и в результате имперские солдаты продолжили бы следовать по дороге, желая узнать, что стало с водителем грузовика. Но как только Дафан убедился, что это действительно приближаются грузовики, он мгновенно осознал, что все это было очевидно, и он был глупцом, если не ожидал этого.

Дафан осознал так же и тот ужасный факт, что в фермерском доме был сам Гавалон Великий, и его сопровождали всего лишь двое рабов-колдунов и двое безоружных крестьян. Будет поистине катастрофой, если защитники Гүльзакандры потеряют своего вождя даже до того, как начнется решительное сражение.

Поэтому он сразу бросился в дом, крича:

- На коней, на коней! Мы должны скорее бежать! Сюда едут грузовики!

Гавалон отреагировал мгновенно, но не совсем так, как ожидал Дафан. Вместо того, чтобы броситься к лошадям, колдун

повернулся к Гицилле и спросил:

- Где демон? Насколько он близко?

Первым предположением Дафана было, что Гицилла не может знать ответ -- но когда он увидел, как она встретила устрашающий взгляд Гавалона, то вспомнил, что она знала куда больше, чем должна была знать, еще даже до того, как в их жизни появился Нимиан. С тех пор, как Нимиан коснулся ее, она росла -- и физический рост был лишь внешним показателем. Когда Нимиан коснулся ее, она стала принадлежать ему.

«Он коснулся и меня», вспомнил Дафан, но тут же добавил, «но я не Сновидец Мудрости, в отличие от нее. В ней уже что-то было, что-то ждало его».

Глаза Гавалона были темными и круглыми; смотреть в них было все равно что смотреть в ночную бурю -- но глаза Гициллы сейчас были еще больше и еще темнее. Любой, кто встретился бы с ее взглядом, был бы напуган -- любой, кроме такого человека как Гавалон.

Когда и Гицилла неотрывно смотрели в глаза друг другу. Гавалон

потянулся, чтобы схватить руки Тициллы в свои огромные кулаки -- но Тицилла оказалась быстрее. Она схватилась своими недавно удлинившимися руками за его запястья и посмотрела в его лицо пристальным взглядом своих сверхъестественных глаз. Гавалон был ошеломлен -- но явно удовлетворен тем, что он увидел в глазах Тициллы, кивнув своей лохматой головой. Потом он отступил назад, Тицилла отпустила его руки.

- Малдайак, за мной! -- приказал колдун. -- Абдалкүри, на коня! Возьми мальчика с собой. Зверолюди должны быть недалеко. Поезжай за ними и приведи их сюда как можно быстрее.

Дафан на секунду растерялся, но когда Абдалкүри схватил его за руку и потащил к выходу, он понял, что Гавалон намерен обороняться здесь и оставить с собой Тициллу и Малдайака. Дафан открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли в гортани, когда он понял, насколько бесполезны будут его возражения. Он не хотел оставлять Тициллу в опасности, но

был не в том положении, чтобы требовать от нее -- и тем более от Гавалона Великого -- чтобы она пошла с ним.

Когда Абгалкүри вывел Дафана во двор, где были привязаны лошади, первый грузовик уже выехал на гребень холма, с которого была ясно видна ферма. Дафан понимал, что он сейчас, должно быть, тоже виден врагу -- и что яркая оранжево-синяя расцветка рогатых лошадей слишком выделяется даже на фоне экзотически многоцветной растительности равнины.

- Не бойся, - прошипел волшебник, подталкивая Дафана к одной из лошадей. -- У них есть пушки, зато у нас есть чары.

Дафан не вполне понял, что это должно означать, но его внимание было приковано к непосредственной задаче -- сесть в седло. Стреля было расположено сейчас как будто еще выше, чем раньше, и использовать его было еще более затруднительно. Но на этот раз лошадь знала его, и, хотя не могла согнуть колени, чтобы ему было легче сесть в седло, она стояла стирно, глядя на Дафана.

поверчивым, казалось, взглядом.

Собрав всю свою отвагу, Дафан схватился за рожок седла и поднял левую ногу как можно выше. К своему удивлению, он сумел поставить ногу в стремя. Оттолкнувшись от земли другой ногой, он на руках подтянулся в седло.

Удивительно, но это сработало. Он сидел в седле.

Хотя у него больше не было пальца Нилуана, лошадь, казалось, вполне признавала Дафана своим хозяином, или, по крайней мере, своим подопечным. Он должен был признать, что с его стороны не было никакого мастерства наездника, когда лошадь сама повернулась и поскакала со двора, и сама перешла на галоп, как только выскочила за ворота. Дафан быстро понял, что если кто-то и был тут хозяином положения, так это лошадь — но, по крайней мере, она словно бы охотно позволяла ему ехать на себе верхом.

Конь Абдалкури уже ускорился вперед, но как только стало ясно, куда он направляется, грузовики, преодолев холм, разделились, и две машины съехали с

дорогу, направляясь на перехват.

Дафан думал, что грузовики еще слишком далеко, чтобы отрезать путь Абдалкури, но увидел, что вокруг пушек, установленных в кузовах машин, светятся люди, и понял, что он и его спутник уже в пределах досягаемости их огня.

Стрельба началась сразу же, хотя вначале открыли огонь из легкого стрелкового оружия. Большие пушки молчали, пока их наводчики пытались прицелиться.

Хотя Дафан услышал свист пули, пролетевшей поблизости, он видел, что грузовики, съехавшие с дороги, слишком сильно трясет на неровной местности, чтобы с них можно было хорошо прицелиться. Он подумал, что при некотором везении и при том, что чем дальше от дороги, тем более неровной будет земля, его уверенно скачущий конь сможет унести его за пределы дальности их огня, прежде чем в него попадут.

К сожалению, его уверенно скачущий конь, казалось, так не считал. Пока лошадь Абдалкури на полном скаку

мчалась к горизонту, направляя туда, где
должна была находиться свита звероловцев.
Гавалона, скакун Дафана развернулся и
бросился перпендикулярно дороге,
подставив свой бок стрелкам на обоих
грузовиках.

Грузовики были уже достаточно
близко, чтобы Дафан почувствовал
радость стрелков, увидевших такую цель.
и понял, что им даже не нужно попадать
именно в него, чтобы убить. Если они
убьют розатую лошадь на скаку, падение с
нее искалечит Дафана, если не убьет
сразу.

Обе большие пушки открыли огонь по
тому, что казалось их наводчикам легкой
мишенью.

Но они ошибались.

Дафан ощутил ударную волну, когда
снаряды пролетели мимо, но они упали на
землю и взорвались более чем в сотне
ярдов от него. Солдаты продолжали
стрелять из винтовок, но Дафан,
оглушенный разрывами, даже не слышал
свиста пуль. Внезапно он понял, о чем
говорил ему Абдалкури, и почему яркая

расцветка лошадей -- не говоря уже о костюмах колдунов -- была такой заметной на любом фоне.

Должно быть, эти чары -- разновидность иллюзии. Предполагалось, что лошади и их всадники будут привлекать вражеский огонь -- но их очевидное положение было обманчиво. Выстрелы, нацеленные в них, всегда шли мимо.

Или, если не всегда, то по большей части.

Как только Дафан понял действие этого колдовства, лошадь снова изменила тактику. Она повернулась и на этот раз бросилась прямо к одному из грузовиков, словно сама пыталась его перехватить.

Так как они сближались под углом, не было угрозы, что лошадь столкнется с грузовиком, но расстояние между ними быстро сокращалось, и стрелков в грузовиках охватил еще больший азарт. Большие пушки резко развернулись, солдаты, вооруженные винтовками, продолжали стрелять.

Дафан не знал, что делать, кроме

как пригнаться как можно ниже в седле. Он прижался лицом к гриве лошади, опустив руки, чтобы схватиться за ее шею. Его правая рука все еще сжимала поводья, но лошадь их не слушалась. Он инстинктивно закрыл глаза, не имея ни малейшего представления о том, что должно случиться -- и когда необычно массивные копыта лошади вдруг перестали стучать по земле, Дафан на мгновение подумал, что в него попала пуля, и все его чувства отключились.

Потом он понял, что все еще жив и даже не ранен, и что его скакун совершил невероятный прыжок. Лошадь перескочила через мчащийся грузовик с такой легкостью, словно это был обычный деревянный забор.

Удар о землю сильно встряхнул его, но Дафан не упал, и радость от того, что он еще жив более чем компенсировала пережитый шок. Эта радость стала еще больше, когда передние колеса грузовика, через который он перепрыгнул, въехали в сточную канаву, и машина резко остановилась.

По крайней мере, грузовик просто остановился бы, если бы канава не была такой широкой и глубокой, и если бы тяжелая пушка не была смещена так далеко к задней части кузова. Соединение скорости грузовика, стремительности падения и неравномерной нагрузки привело к тому, что инерция оторвала задние колеса от земли, и машина перевернулась.

Тяжелый вес машины затеглил опрокидывание, но не мог остановить его. Как только радиатор грузовика уткнулся в землю, тяжелая кормовая часть оказалась в вертикальном положении, и машина начала опрокидываться кверху днищем.

Солдаты в кузове пытались выпрыгнуть. Выпрыгнуть было достаточно легко, но удачно приземлиться — совсем другое дело. Они кубыркались в воздухе, дико размахивая конечностями, и четверо из пяти упали явно неудачно.

Пятый sprыгнул хорошо, и, возможно, даже не был ранен, но задний борт кузова падающего грузовика обрушился на его

голову, убив мгновенно.

Второй грузовик, съехавший с дороги, тоже попал в аварию, хотя и не настолько фатальную. Его водитель, предупрежденный об опасности, успел крутануть руль в сторону, когда подъезжал к канаве. Одно из передних колес избежало попадания в канаву, но одного колеса было недостаточно, чтобы удержать грузовик. Если бы водитель заметил опасность на секунду раньше, он, вероятно, смог бы избежать канавы -- но левое переднее колесо уже съехало за ее край. Вскоре туда занесло и левое заднее колесо. Этот грузовик не опрокинулся как первый, но накренился и застрял, неспособный более двигаться ни в каком направлении.

Все оружие на борту второго грузовика продолжало стрелять по яркому коню Дафана, но рогатая лошадь была слишком обманчивой целью. Еще два снаряда выбили огромные воронки в разоренных полях, но Дафан чудесным образом оставался невредим.

Секунду или две лошадь мчала

Дафана обратно к дороге, где было больше всего солдат противника — но это далось ему возможность увидеть, как разворачивается другая бой, далеко не столь неравный, как тот, в который был вовлечен он.

Чтобы атаковать ферму, грузовики развернулись строем фронта, и имперские солдаты, высидевшие из них, направились к дому, где ждали атаки Гавалон, Гицилла и Малгайак. Это было опрометчиво — но откуда могли солдаты знать, что растения, в таком странном изобилии разросшиеся вокруг дома, достигли столь необычной величины лишь за несколько часов?

Эти растения теперь были настоящими гигантами, и они тоже сопротивлялись захватчикам. На секунду Дафан даже подумал, что они остановят атакующих и убьют многих из них, но это были всего лишь растения. Они замедлили атаку, но, как видел Дафан, они не смогут задержать солдат надолго.

У некоторых солдат были огнеметы, вроде того, который сжег лес, и они

немедленно пустили их в ход. Растения, казалось, пожирала огонь, и он нравился им на вкус, но огонь продолжался, и вскоре наоборот, начал пожирать их. У других солдат были не только ружья, но и клинки — клинки достаточно острые, чтобы срубить голову человека — и они справлялись с растениями еще лучше, чем огнемёты.

Раненые растения, казалось, с ещё большей яростью обвинялись вокруг солдат, словно пытаясь раздавить и задушить их. Но когда их стебли отрубали от корней, они теряли большую часть своей силы.

«Но мы побеждаем!», упорно думал Дафан, когда его лошадь снова поскакала в другом направлении. «Мы сдерживаем их!»

Увы, это было не так просто. В кузовах грузовиков у больших пушек все ещё оставались артиллеристы, и они открыли огонь по ферме.

Гром оружейных выстрелов сразу же смешался с грохотом рушившейся каменной кладки и треском раскалывающихся деревянных балок, но

оглушенному Дафану эти звуки казались
очень далекими и какими-то странными.

Не только эти артиллеристы были
способны стрелять. Грузовик, съехавший
левым бортом в канаву, застрял,
накренившись, но не настолько, чтобы
невозможно было навести большую пушку,
и у солдат в его кузове были винтовки. Они
продолжали стрелять по чудесному коню
Дафана, хотя шум их выстрелов казался
Дафану таким слабым, что было даже
странно.

Увы, это не защищало от вреда,
который могли причинить выстрелы.

Они все еще плохо целились, но за
долю секунды до того, как случилось
страшное, Дафан осознал, что если
прицельные выстрелы точно пройдут
мимо, то неприцельные все же имеют
шанс попасть. Потом вдруг наступил
странный момент, когда Дафану
показалось, что он слышит еще какой-то
звук, выделяющийся даже на фоне грохота
стрельбы -- и куда более страшный -- но он
не успел даже задуматься, что это может
быть, и, возможно, что это не просто

очередная иллюзия.

В его коня попали, и Дафан больше не мог думать ни о чем другом.

Если бы лошадь была ранена в плечо или в голову, она бы упала сразу, и Дафан, кувыркаясь, полетел бы на землю, как те солдаты из перевернувшегося грузовика. Хотя рана, нанесенная животному, была не менее смертельной, попадание пришлось ближе к ее хвосту, похожему на крысиный. Вместо того чтобы перекувырнуться, лошадь словно поскользнулась, ее задние ноги были парализованы, тогда как передние упорно, но тщетно, пытались поднять ее тело с земли.

Внезапная остановка была для Дафана очень резкой, и падение лошади — весьма болезненным, но даже изо всех сил пытаясь не быть сброшенным в воздух, он понимал, что удача все еще на его стороне. Он мог спрыгнуть и откатиться в сторону, и если он только сможет контролировать падение достаточно удачно, чтобы избежать переломов, он будет способен продолжать сражаться — сражаться было ключевым словом, хотя

сейчас он был лишен защиты какой-либо
магии.

Он спрыгнул и перекатился.

Земля оказалась лучше, чем могла бы
быть: твердая, но не слишком. У его
түскүлы, и его нервы были сотрясены
пагением, но в конце концов Дафан
оказался на земле, лежа на боку и не
сломав ни одной конечности. Он даже не
запыхался, и сохранил достаточную
ясность ума, чтобы оглядеться и
посмотреть, где он оказался, и где были
враги, прежде чем пытаться встать.

Возможно, үлная лошадь намеренно
направлялась сюда, а возможно, это была
лишь случайность, но Дафан к своей
радости обнаружил, что оказался
немногим более чем в десяти ярдах от
перевернувшегося грузовика, и что корпус
машины теперь защищает его от
выстрелов.

Менее чем в дюжине футов от него
был вооруженный солдат: живой солдат,
который смотрел на Дафана и пытался
поднять винтовку, чтобы прицелиться. Но
у него была сломана рука и нога после

неудачного пагения, и он не мог поднять оружие одной рукой, как ни пытался.

Дафан бросился вперед и выхватил винтовку из руки солдата -- и ударил прикладом его по голове.

«Это за Хойюма!», подумал он.

Мозг Дафана сам произвел расчеты, по которым ему предстояло отомстить еще за сто тридцать жителей деревни, но боль в его сердце не хотела знать никаких расчетов. Его мать, вероятно, уже была в числе убитых, и он знал, что эти солдаты отняли у него все, что он знал и любил. Даже Гицилла была потеряна для него -- теперь она принадлежала Нитиану -- и боль в его сердце говорила ему, что он абсолютно одинок.

Это боль в его сердце, а не расчеты в мозгу, заставила его развернуть винтовку и броситься в канаву, выглядывая из-за перевернутого грузовика в поисках целей.

Второй грузовик находился менее чем в тридцати ярдах, и он был полон целей.

Дафан даже не вспомнил, что он никогда в жизни не стрелял из винтовки и

просто не знает, как это делается. Не
остановился он и тогда, когда ощутил, как
отдача от первого выстрела ударила в его
плечо, еще более болезненно, чем удар от
падения с лошади.

Он почувствовал, как ружье
выстрелило, но не услышал звук выстрела.

Он стрелял снова и снова -- и когда
кончились патроны, он заполз за
перевернутый грузовик, намереваясь найти
новую винтовку, если не догадается, как
перезарядить эту.

Он нашел новую винтовку и, находясь
в укрытии за грузовиком, продолжил
стрелять.

Солдаты с второго грузовика
поднялись в атаку, решив, что у него
кончились боеприпасы, но они атаковали не
в том направлении. Дафан подстрелил
двоих, прежде чем они поняли свою ошибку.

Потом появились зверолюди.

Отставшая свита Гавалона бросилась
в атаку по полю, как стадо быков, с ревом
таким громким, что Дафан и не думал,
что такое возможно -- достаточно
громким, чтобы пробиться сквозь его

злухоту, чего не могли даже выстрелы. Хотя рев звероловдей в ушах Дафана звучал приглушенно, он все равно был ужасным, не человеческим и не звериным, а тем и другим одновременно — всем одновременно, сливаясь в вой такой пронзительной силы, что, казалось, он мог рвать на части.

Дафан тоже взвыл.

Хотя его крик ярости и триумфа был слабым по сравнению с воением звероловдей, и неслышимым даже для него, он тоже добавил свою силу к общему шуму.

Дафан ощутил себя одним целым со звероловдями, разделяя их мощь и решимость.

Он выскочил на открытое пространство, чтобы присоединиться к общему бою, теперь выбирая цели с осторожностью, иначе он мог подстрелить союзника вместо врага.

Он был уверен, что убил как минимум еще одного противника, прежде чем в него самого попали — и когда он упал, чувствуя, как поток горячей крови льется, словно водопад, по его лбу, заливая глаза, то не

ощутил ничего кроме изумления: ни боли, ни скорби, ни сожаления.

«Почему?» думал он, пока чувства постепенно покидали его, «Ведь я думал, что я непобедим! В самом деле!»

ГЛАВА 18

КОГДА Гицилла увидела, как грузовики разделились на две группы -- две машины начали преследовать Дафана и раба-колдуна, а остальные четыре продолжали двигаться к ферме -- ее первой мыслью был всплеск надежды, что скакун Дафана сможет вынести его за пределы дальности выстрелов. Она не сомневалась, что Гавалон способен защитить себя и всех, кто остался с ним, хотя на первый взгляд, у колдуна не было никакого оружия, способного справиться с надвигающейся угрозой.

Даже сам Гавалон показался ей на секунду слегка испуганным -- пока она не поняла, что на самом деле он сильно раздражен.

- Я надеялся сохранить роз для настоящего боя, - сказал он Малдайаку, - но взрыв, достаточный, чтобы покончить с

этили злупцами, не должен слишком
истощить его энергию. Защити уши -- как
бы хорошо ни нацелил я оружие, на таком
расстоянии обязательно будет утечка. Ты
должна поступить так же, дитя,
независимо от того, насколько Саторазель
ушил тебя. Твои уши выросли, но их все
равно лучше защитить чем-то
магическим. Дай ей лоскут с твоей
куртки, Малдайак.

Гавалон, казалось, не спешил, говоря
все это, но Малдайак проявил очевидную
поспешность, оторвав полоски ярко-желтой
ткани со своей разукрашенной куртки и
несколько неохотно передав две из них
Тицилле, прежде чем заткнуть уши
самому.

Тицилла поступила так же, а
Гавалон взял рог, висевший на его поясе
справа, с другой стороны от тяжелого
меча.

Тицилла слышала, что рога
локсодонтов иногда используются для
подачи звуковых сигналов, когда
затруднительно использовать сигнальные
костры, но единственные духовые

инструменты, которые она знала, были сделаны из маленьких рогов газелей и звучали нежно и мелодично. Рог Гавалона с виду был не очень большим, и не таким изогнутым, как рог старого барана, но он был затейливо украшен вырезанными узорами и эмалью красного, желтого и синего цветов.

Когда грузовики остановились и солдаты, высидевшись из них, бросились в атаку, в окна дома начали влетать пули, заставив Гициллу и Малдайака пригнуться. Но почти сразу же огонь стал беспорядочным.

Выглянув в окно, Гицилла увидела, что местные растения, окружающие ферму в таких количествах, оказались не таким легким препятствием, как думали солдаты. Лишь немногие растения успели вырасти до высоты человека, но большинство было высотой по пояс, а еще больше было ползучих растений глиной шесть-восемь футов, вьющихся по земле. Как только солдаты зашли за остатки изгороди того, что когда-то было огородом фермера, они оказались атакованы.

Когда пурпурные и розовые стебли и
лианы начали вцепляться в ноги
атакующих солдат, тем пришлось
отбиваться. Четверо солдат, которые
несли огнеметы -- вероятно, для того,
чтобы залить огнем комнаты дома и
заставить его обитателей выскочить
наружу -- немедленно привели свое оружие в
действие, но им пришлось быть предельно
осторожными, чтобы не сжечь себя или
своих товарищей. Противник был в
непосредственной близости, и бой шел на
слишком ближней дистанции, чтобы
применять огнеметы без особой
осторожности.

Секунду или две растения, казалось,
сами поглощали платя, словно горящая
жидкость была питательным удобрением --
и когда растения все же начали гореть,
больше всего пострадали те, что не были
активно вовлечены в бой.

Солдатам с винтовками пришлось
прекратить огонь и освободить руки,
чтобы взяться за ножи. Извлеченные из
ножен клинки, применяемые с явным
мастерством, успешно рубили ветви и

лианы -- но отрубленные растения продолжали вцепляться в своих жертв, извиваясь и сжимаясь изо всех сил.

Но без опоры отрубленные ветви, увы, мало что могли, хотя те, у которых были шипы, врезались достаточно глубоко, чтобы вонзиться в кожу под формой, а некоторые другие растения выделяли едкий сок. Трое или четверо атакующих взвыли от боли -- но никто из них не упал, а в их крике звучало ярости не меньше, чем страдания.

Видя, что у солдат возникли такие трудности при попытке подойти к дому, Тицилла остелела достаточно, чтобы поднять голову, но пожалела о своей поспешности, когда открыли огонь большие пушки в кузовах грузовиков.

Наводчики целились высоко, чтобы не попасть в своих, поэтому не было опасности прямого попадания, но снаряды пробивали зияющие дыры в каменных стенах и раскалывали балки, поддерживавшие крышу. Дом был построен прочно, но все же не был рассчитан на то, чтобы противостоять такой

разрушительной силе. Потолок сразу же начал рушиться, и на плечи Тициллы посыпались обломки.

Она присела, закрыв руками голову, чтобы защитить череп. Это было удачно, потому что из такого положения легче было закрыть руками уже заткнутые уши, когда Гавалон ответил на вражеский огонь.

Колдун всего лишь протрубил в рог — но этот рог был заряжен энергией, по своему куда более мощной, чем вражеские пущи.

Тицилла не смогла бы описать звук, издаваемый рогом, в музыкальных терминах. Она не могла сказать, был он высоким или низким, больше похож на звук трубы или свирели. Если бы ей потребовалось описать, на что это похоже, она могла бы сравнить это только с болью, но даже тогда она не сказала бы определенно, на какую боль это похоже. Возможно, это лишь потому, что у нее просто еще не было достаточно опыта в испытании боли, но ей казалось, что эта боль куда чище, чем все, что могли бы

причинить пылающий огонь, вонзившаяся стрела, жестокая головная боль или разрубаящий кости клинок.

Имперские солдаты, вероятно, куда больше разбирались в боли, чем Тицилла, но она сомневалась, что и они смогли бы описать это лучше.

Хотя здание продолжало рушиться, Тицилла снова подняла голову, как только убедилась, что артиллеристы на грузовиках прекратили огонь. Она сразу же увидела, что попытка растений задержать атаку была вполне успешной, невзирая на неравенство сил. Ни один солдат не дошел до стены дома, и теперь, очевидно, уже не дойдет. Все солдаты, кроме двух, ворвавшиеся на ферму, рухнули на землю — или, как минимум, на колени.

Большинство атакующих побросали свое оружие — и ножи, и винтовки — чтобы зажать руками уши, но эта предосторожность оказалась абсолютно тщетной. Несколько солдат охватили страшные судороги, которые, казалось, вот-вот разорвут их на части. У других

лилась пена изо рта, окрашиваясь красным
от крови из прокушенных языков.

Стрелки на грузовиках пострадали не
так сильно, а их водители еще меньше,
благодаря защищавшим их кабинам -- но
одно солдат на самом дальнем из четырех
грузовиков, казалось, остались последними,
кто был способен на сознательные
действия. Пока наводчик пытался
восстановить равновесие, водитель
грузовика дал задний ход и начал
отъезжать подале.

Гицилла почувствовала, что Гавалон
схватил ее за руку -- и своего раба-колдуна
тоже -- и толкнул их к окну.

- Наружу! Наружу! -- закричал он.

Только сейчас Гицилла ощутила, что
рог почти парализовал ее и Малдайака -- и
из-за этой внезапной слабости они
оказались в очень опасном положении,
потому что дом продолжал рушиться.

Она знала, что должна помочь
Гавалону, и, приложив огромные усилия,
попыталась заставить свои конечности
повиноваться. Если бы ее руки и ноги были
такими же худыми и слабыми, как еще

пару дней назад, ей было бы трудно выбраться через окно, но сейчас ее конечности были глиняные, и облагали силой, которую ей еще не приходилось испытывать. Она схватилась за подоконник и одним прыжком выскочила в узкое окно, более ловко, чем вообще могла предполагать.

Гавалон рассчитывал, что Малгайак последует за ней. Колдун уже отдавал своему рабу дальнейшие приказания, велел сесть на коня и преследовать грузовик -- но эти приказы были бесполезны, потому что Малгайак оказался далеко не таким проворным, как Гицилла. Он попытался выскочить, но явно не мог так же хорошо координировать свои движения, и каким-то образом застрял в окне.

Остатки крыши окончательно обвалились.

Потом рухнула стена, похоронив под собой Малгайака.

Гавалон все еще оставался в доме.

Гицилле пришлось отпрыгнуть, чтобы не упасть под обрушившуюся стену, и прыжок отнес ее на целый десяток

фүтов. Она приземлилась рядом с одним из
выведенных из строя солдат, который все
еще бился, пытаясь страхнуть с себя
обвивавшие его растения. Тицилла
подобрала оброненный им нож -- острый
клинок более двух фүтов длиной -- и
перерезала ему горло.

Он продолжал биться, но уже не мог
причинить вреда. Растения жадно пили
его кровь.

Тицилла больше не смотрела на него,
глядя на то место, где Гавалон Великий
исчез под грудой развалин.

Простой смертный, вероятно, был бы
убит, или, по крайней мере, лишился бы
сознания, но Гавалон не был простым
смертным. Он поднялся из руин, расшвырвав
кирпичи и куски цемента во все стороны,
больше разозленный, чем испуганный -- но
не утратив свою способность к холодному
расчету, и не забыв, что он находится
посреди боя.

Его первым побуждением, как
показалось Тицилле, было вытащить
Малдайака из развалин, чтобы раб смог
выполнить его приказ, но Гавалону

понадобилась лишь пара секунд, чтобы понять, что Малдайак оказался в куда худшем положении, чем он сам.

Раб-колдун был жив, но сломал как минимум одну ногу и одну руку. Он был бесполезен.

Взгляд Гавалона вопросительно остановился на Тицилле.

- Я догоню их! -- сказала она, когда поняла, чего он ждет. -- Я убью их!

Она была изумлена собственными словами. Как она могла исполнить свое обещание?

Гавалон сразу же согласно кивнул, казалось, нисколько не сомневаясь в ее способности догнать грузовик и убить его пассажиров.

- Тот, который на открытой платформе в кузове, не будет слишком опасен, - сказал он. -- Но другой может... Будь осторожна, прошу тебя. Угу! Угу!

Тицилла повернулась. Не задавая себе вопросов о необходимости стоявшей перед ней задачи или ее выполнимости, она побежала -- и только перейдя на бег, поняла, что Гавалон, должно быть, знал о

ее новых способностях лучше, чем она сама. Она оглянулась -- не столько чтобы увидеть, что делает Гавалон, сколько чтобы узнать, что стало с Дафаном.

Ее сердце дрогнуло, когда она увидела, что лошадь Дафана лежит на земле, но потом она заметила, что Дафан на ногах и вооружен трофейным ружьем. Как и она, он сражался с врагом. Он совсем не вырос с тех пор, как Нитиан коснулся его, и, казалось, никак не изменился, но все же в бою оказался на высоте.

«Он герой!», подумала Гицилла. «Даже самый обычный мальчик вроде него может стать героем в час беды!»

Она заметила Гавалона, но лишь на секунду. Колдун бежал к Дафану, вероятно, чтобы помочь.

Вдруг она услышала странный шум, который стоило пробиться не только через затычки из магической ткани в ее ушах, но и через оглушение после звука рога Гавалона.

Это был жуткий, пугающий звук, и она почувствовала, что при других обстоятельствах у нее бы кровь застыла в

жилах, но ей пришлось повернуть голову
обратно, чтобы не споткнуться, и она
попыхалась по дороге быстрее, чем может
бежать любой человек.

«Но я больше не человек», напонила
она себе. «Меня коснулось существо,
которым стал Нитиан. Меня коснулся
Повелитель Перемен, более
могущественный, чем любой грузой, и что-
то во мне откликнулось на это прикосновение.
Теперь я больше, чем просто человек. Я
горю быстрее и ярче, чем если бы я стала
просто Сновидицей Мудрости».

Двигаясь ровным, расчетливым
бегом, она заметила, что грузовик больше
не удаляется от нее. Хотя водитель
воспользовался возможностью развернуть
машину, и теперь грузовик ехал вперед, а
не задним ходом, он двигался не быстрее,
чем Гицилла.

Гицилла, которой самой приходилось
сидеть на месте водителя -- хотя и в
очень странном состоянии разума -- знала,
что водитель грузовика может видеть ее
в зеркале заднего вида, установленном в
центре кабины над его головой. То есть, он

знает, что его преследуют.

Возможно, это не пугало его, потому что внешне Тицилла по-прежнему выглядела как юная девушка, хотя и стала выше ростом -- а возможно, напротив, это его пугало, потому что обычная девушка не смогла бы угнаться за грузовиком без помощи магии.

Солдат в кузове грузовика тоже выгел ее -- и она выгела его вполне четко. Он свалился, понав под звуковой удар роза Гавалона, но если у него и были судороги, то они уже прошли. Из его рта больше не текла кровь и пена, и он выглядел так, словно уже мог подняться, если соберется с силами. Тицилла не сомневалась, что со временем он соберется с силами, но пока ему это не удавалось. Он не мог подняться на колени или сесть, хотя у него была опора в виде лафета пушки.

Его глаза неотрывно смотрели на того, кто преследовал грузовик, и в них был выгел ужас.

Тицилла почувствовала определенное удовлетворение, видя этот ужас, но понимала, что ей было бы легче, если бы

солдат не воспринимал ее всерьез. Ужас может поточь ему собраться с силами. Ужас может поточь ему навести оружие -- и какую бы нечеловеческую силу ни придало ей прикосновение Нитиана, прицельный выстрел из этой пушки разорвет ее на куски.

Гавалон говорил ей, что солдат в кузове будет не слишком опасен еще некоторое время, но Гавалон не учитывал в своих расчетах страх.

Тицилла попыталась бежать быстрее, но это было нелегко. Она знала, что нельзя слишком быстро истощить силы, и что она должна быть готова к долгой погоне. Но знала она и то, что надо начинать сокращать дистанцию, отделяющую ее от грузовика.

Она побежала быстрее, но и грузовик увеличил скорость. Водитель явно видел ее -- и был испуган.

Теперь грузовик мчался на максимальной скорости и не мог ехать быстрее. Но у Тициллы еще остались неистраченные резервы силы.

Постепенно, ярд за ярдом, она

сокращала дистанцию, отделяющую ее от грузовика и испуганного наводчика. Он смотрел на нее, а она -- на него, и в ее глазах не было ни малейшего следа страха.

Ее уверенность заставила солдат еще отчаяннее пытаться встать на ноги. Наконец, он смог сесть. Это усилие явно было болезненным для него, но, казалось, он был готов заплатить эту цену. Он приготовился предпринять еще большее усилие, стиснув зубы в предчувствии еще более сильной боли. Если бы он был трусом, он не смог бы, но этот солдат был смелым человеком.

Тицилла подумала, что если у него был какой-то бог, то этот солдат, должно быть, хорошо ему молился. Вопреки всему он начал подниматься на ноги.

Тицилла знала, что, когда он выпрямится, остальное будет куда легче. Ему нужно будет лишь встать устойчивее и навести пушку. Пушка вращалась на платформе, и развернуть ее было легко. Прицелиться, конечно, будет не так легко, особенно при движении на большой скорости по настолько плохой дороге, но

ему не нужно быть особенно точным.

Теперь ей оставалось до грузовика всего двадцать ярдов, и она все приближалась. К тому времени, когда солдат сможет прицелиться, она будет менее чем в десяти ярдах — если только не прекратит погоню и не сойдет с дороги, укрывшись в лесу из огромных початков, в который они только что вошли, чтобы следовать за грузовиком более скрытно.

Выбор за ней.

Она побежала еще быстрее, вкладывая все силы в последний рывок. Расстояние до грузовика быстро сокращалось, и это заставило солдата предпринять еще более отчаянные усилия.

Его ноги были еще не столь послушны. Он споткнулся.

Это стоило ему десяти секунд, а десять секунд было более чем достаточно для Гициллы. К тому времени, когда солдат снова встал, она, прыгнув, вцепилась в задний борт грузовика, и невероятным ловким движением подтянулась в кузов.

В углу кузова лежала винтовка, но

солдат не успевал до нее дотянуться. Едва он повернулся, Тицилла врезалась в него, и этот удар, вероятно, снова наполнил его тело парализующей болью. Он упал, ударившись о заднюю стенку кабины, как мешок с зерном.

Когда он упал, его лицо снова было обращено к ней, и его глаза были полны ужаса.

Тицилла присела рядом с ним, приставив нож к его горлу.

- Один вопрос, - прошептала она. - Зачем вы уничтожили мою деревню и убили всех ее жителей?

Свободной левой рукой она вытащила затычки из ушей, чтобы услышать, если он что-то ответит.

Он посмотрел на нее, словно она была сумасшедшей -- словно такой вопрос мог задать лишь безумец. В его глазах был ужас и отвращение, но изумление в них было еще сильнее.

- Я... я исполнял приказы, - сказал он, словно это было что-то абсолютно очевидное, и чем можно было гордиться.

Тицилла натеревалась перерезать

ему горло, как перерезала горло тому, чей нож сейчас держала в руке, но, услышав ответ, она изменила свое намерение, и острием ножа выколола ему оба глаза.

Потом она подняла его, как сильный рабочий поднимает мешок с зерном, и выбросила за борт тчавшегося грузовика, надеясь, что он проживет достаточно долго, чтобы снова подняться на ноги и заблудиться во враждебном лесу -- где, несомненно, станет добычей хищников.

ГЛАВА 19

ДАФАНУ снилось, что он сражается в великой битве, огонь и ярость которой раскинулись от горизонта до горизонта бесконечной равнины. Была темная ночь, и кроме слабого туманного света трех лун и звезд поле битвы освещали бесчисленные вспышки выстрелов. У него самого тоже было ружье, из которого он стрелял и стрелял, почти машинально, все время находя в прицеле темные силуэты врагов, но не зная, попал ли в цель хоть один выстрел.

Его окружали звероловы и другие монстры: существа, которые когда-то

были людьми, но больше людьми не являлись, претерпев ужасные мутации и уродства. Их броня была ярких цветов, но в слабом лунном свете цвета казались странно тусклыми. Лишь у немногих были ружья, а остальные были вооружены тяжелыми клинками разнообразных причудливых форм. Они тоже сражались с тенями, но у этих теней были ружья и клинки. И сколько бы их ни погибало, казалось, бесчисленное их множество поднимается заново с грязной земли.

Грязь под ногами была смешана не с водой, а с кровью.

Вздрогнув, Дафан проснулся, почувствовав, что кто-то трясет его за плечо. Сначала он не мог открыть глаза, потому что они были крепко зажмурены, но он протер их и заставил открыться. Пальцы, которыми он тер глаза, стали темно-красными, и он понял, что это засохшая кровь, которая запеклась на его ресницах и веках.

Когда он поднял голову, то увидел, что на него смотрят пугающие глаза Гавалона Великого. Это Гавалон заставил

его очнуться.

Дафан поднял руку к голове, чтобы потрогать рану, которая свалила его. Спутанные волосы мешали ему, но пальцы нащупали грубый шрам, протянувшийся над бровью или два ниже линии волос. Было совсем не больно.

- Вы исцелили меня? -- спросил он колдуна. -- Вы вернули меня из мертвых?

- Я не наделен талантом исцелять, -- проворчал Гавалон. -- И никто не возвращается из мертвых таким бодрым и здоровым, каким выглядишь ты. Но да, я закрыл твою рану. Она выглядит куда хуже, чем если бы заживала естественным путем, но я не мог ждать -- возможно, ты спал бы до завтра, а нужен мне сейчас.

- Зачем? -- спросил Дафан. Он уже встал на ноги и оглядывался вокруг. Бой закончился, но звероловы еще рыскали по полю туда-сюда, собирая трофейное оружие.

- Грузовики, -- сказал Гавалон. -- Они нужны нам, и мы должны научиться управлять ими.

- Но откуда я это могу знать? --

спросил Дафан в искреннем изумлении. — Я всего лишь простой крестьянин, и даже не был подмастерьем ремесленника.

Тут он заметил, что у его ног лежит винтовка, и вспомнил, как стрелял из нее. Он прикоснулся пальцами левой руки к правому плечу, где от отдачи остался синяк. Он все еще сильно болел, но эта боль вызвала прилив гордости, когда Дафан вспомнил, что он сделал. Хотя он и не был даже подмастерьем, и, может быть, так никогда и не стал бы настоящим мастером, даже если бы его жизнь не была выбита из нормальной колеи, но теперь он был мужчиной. Он был воином.

- Ты наблюдал за девушкой, - сказал Гавалон. — Ты видел, как она вела грузовик.

- Я не помню! — возразил Дафан. У более тихим голосом признался, - Я не обращал внимания.

- Это неважно, - сказал Гавалон. — Девушка вела грузовик, а ты был рядом с ней. Сосуд коснулся вас обоих и ускорил процесс вашего взросления. С тобой я легко смогу вспомнить эхо того, что управляло

девушкой. И я обладаю достаточным
могуществом, чтобы разделить это
знание с моими слугами. Один грузовик
сумел уйти, у другого сломана ось, но
остальные четыре нужны армии. Ты --
ключ к ним.

Дафан был смущен этой речью, но
когда понял ее значимость, то спросил о
том, что волновало его больше всего.

- Где Гицилла? -- спросил он. -- Почему
она не может показать вам, что нужно
сделать?

- Ее здесь нет, - признался Гавалон,
слегка вздохнув. -- Она преследует солдат,
уехавших в грузовике, потому что она
единственная, кто может это сделать.
Возможно, я приказал бы ей остаться, если
бы смог сохранить сосредоточенность в
пылу боя, но она принадлежит мне не
больше, чем ты. Она слышит зов иной,
высшей силы, и я бы лишь привел ее в
замешательство, если бы попытался
воспрепятствовать этому, и поэтому я
позволил ей уйти. Но, думаю, все будет
хорошо -- потому что у меня есть ты.

Дафан был ошеломлен этими

словами - как признанием, что даже такой могущественный колдун как Гавалон может потерять сосредоточенность в пылу боя, так и тем, какое важное место он, Дафан, занимает в планах Гавалона. Чтобы скрыть свое ступение, Дафан присел и подобрал винтовку - его винтовку, боевой трофеей по праву. Как только он взял винтовку, нетерпеливый колдун потащил его к одному из грузовиков. Это был тот грузовик, чьи левые колеса соскользнули в канаву, но теперь его вытаскивали. Зверолюди Гавалона, должно быть, использовали рычаги, чтобы выпрямить и вытаскивать машину. Дафан вспомнил, как застрелил солдата, стрелявшего в него из большой пушки.

- Где Нитиан? - спросил Дафан.

- Он не вернулся, - ответил Гавалон, ускорая шаг и потянув Дафана за собой. - Я не могу больше ждать. Он легко найдет нас, когда захочет - если захочет. Я должен дать это оружие армии. Фүльбра скоро обрушится на нас, и я должен быть в состоянии достойно ответить на его удар.

Необходимо задействовать каждое ружье, независимо от того, какую роль намерены сыграть Саторазель. Изменяющий Пути, несомненно, даст мне знать, какова будет моя роль, когда придет время.

Колдун втолкнул Дафана в кабину грузовика и влез за ним, как только Дафан уселся на сиденье. Приставив свои уродливые пальцы к рваным губам, Гавалон оглушительно свистнул, подавая сигнал свите звероловцев. Через боковое окно кабины Дафан видел, что они собрали все трофеи до последнего и побежали к грузовикам.

- А почему вы не использовали свою магию, когда только увидели грузовики? -- спросил Дафан. -- Почему вы позволили им подойти так близко и причинить столько вреда?

Гавалон проницательно посмотрел на него. Если бы лицо колдуна было более человеческим, Дафан подумал бы, что на нем было то самое выражение, которое он видел на лице своей матери или патера Салтана, когда он задавал слишком много вопросов -- но в отличие от них, Гавалон не

прекнул его за любопытство.

- Если бы у тебя было хоть чуть-чуть способностей, парень, - сказал колдун, - мы бы сделали из тебя волшебника.

Очевидно, это был комплимент, но Дафан не улавливал его логики. Задавать вопросы означает пригодность к изучению магии? Разумеется, нет. Он открыл рот, чтобы снова заговорить, но Гавалон положил когтистую руку на его плечо, и массивные когти вцепились в его синяк достаточно болезненно, чтобы Дафан потрясенно затолчал.

- Попробайся вспомнить, Дафан, - резко сказал Гавалон. - Попробайся восстановить в памяти момент, когда ты впервые сел в машину. Вспомни, что делала Гицилла. Вспомни выражение ее лица.

Если бы сейчас рядом с ним был кто-то другой, Дафану было бы трудно собраться с мыслями -- но рядом с ним был колдун, и его слова, казалось, вливались в мозг Дафана, обретая грозную силу магического приказа.

... Как только Гицилла открыла

сверь, то сразу прыгнула на свободное место, потом обернулась и протянула Дафану руку. Он взял ее за руку и влез в кабину за ней. Когда он был внутри, Тицилла уже перебралась на другое сиденье, перед которым было большое колесо -- самая заметная деталь обстановки в кабине...

... Заткнутое пространство кабины казалось ему очень таинственным и абсолютно чужим -- но когда Тицилла повернулась к нему, чтобы приказать замолчать, ей даже не понадобились слова. Ее глаза были огромными и светящимися, зрачки жутко расширены. Губы искривились в свирепой ухмылке, из-за чего ее красивое лицо превратилось в страшную карикатуру...

... Из пола грузовика между сиденьями торчал большой рычаг, и Тицилла стала дергать его туда-сюда. Мотор грузовика взревел. Как только грузовик пришел в движение, она повернула рулевое колесо, резко развернув грузовик влево...

- Не так отстраненно, - прошептал Гавалон, - Вспоминай так, словно это

происходило сейчас.

... Тицилла снова резко повернула руль, направив грузовик в совершенно другую сторону. Она не пыталась найти более ровную дорогу, а сквозь стекло ничего не было видно кроме зарослей кустов и экзотических цветов -- настоящий поток растительности, казалось, бросающийся под колеса грузовика...

... Солдат нигде не было видно, но повсюду вокруг были заметны свидетельства их присутствия в виде облаков дыма и вспыхивающих лучей света, беспорядочно мечущихся на фоне звездного неба...

- Открой дверь! -- закричала Тицилла.
-- Подвинься!

... Его рука потянулась к двери и схватилась за ручку. Он никогда раньше не открывал такую дверь, поэтому ему понадобилось несколько секунд, но наконец он смог правильно нажать ручку и распахнул дверь -- и сразу же без малейшего промедления и дальнейших указаний передвинулся на узкое пространство между двукратными сиденьями...

...Человеческая фигура, выскочив из кустов, уверенно запрыгнула на грузовик, схватившись руками за дверной проем, и одним плавным движением уселась на место, которое освободил Дафан...

... Тицилла снова вывернула рулевое колесо, бросив грузовик в такой резкий поворот, что на секунду машина встала на два колеса. Дафан испугался, что грузовик перевернется, но страха было недостаточно, чтобы заглушить изумление...

Он растерялся, когда прошлое переплелось с настоящим, и его прежняя личность встретилась с личностью новой. Он ошеломленно обнаружил, что прежний Дафан смотрит на нового с ужасом и изумлением, но он сказал себе -- новому себе, конечно, - что прежде он был лишь мальчиком и не способен понять мужчину и воина, которым он стал, хотя это преобразование заняло меньше одного дня.

Гавалон убрал руку с его плеча, и Дафан словно неким странным прыжком вернулся в настоящее, как будто его выбросило из вихря, в котором часы и

минуты стеснивались с веками и тысячелетиями.

Дафан оглянулся на страшного колдuna и узнал то состояние транса, в котором пребывала Гицилла, когда ей требовалось делать что-то, чего она не знала.

«Это и есть магия», подумал Дафан -- и все же Империя не нужна была магия, чтобы управлять машинами. Солдаты просто были обучены водить их. Но если народу Дафана нужна магия, чтобы делать что-то, что враг считает настолько простым, какие шансы на победу у защитников Гүльзакандры в предстоящей битве?

- У нас есть Саторазель, - сказал Гавалон, словно отвечая на высказанный вопрос. -- Хотя он с нами ненадолго, и его поведение слишком изменчиво, он -- ключ ко всему.

Голос колдuna звучал странно механически, и Дафан подумал, в своем ли сознании сейчас пребывает Гавалон, хотя странные глаза волшебника смотрели на землю впереди машины -- землю, по

которой они ехали с неожиданно большой скоростью.

Дафан был удивлен, что не заметил, как включился мотор грузовика, не говоря уже о том, как машина пришла в движение, но его любопытство было еще больше возбуждено тем фактом, что Гавалон ответил на вопрос, который Дафан не задавал вслух.

«Но что же есть Саторазель?», подумал он, на этот раз четко сформулировав вопрос в разуме, но не сказав вслух ни слова.

- Хотел бы я знать точно, что есть Саторазель, - произнес Гавалон в той же механической манере. -- Я ожидал, что он будет Повелителем Перемен, но теперь подозреваю, что он может оказаться чем-то большим, хотя познания шабашей о том, что есть Повелитель Перемен, далеко не совершенны. Я надеялся, что он будет моим демоническим фамильяром, которые, по слухам, помогают лучшим из чемпионов Хаоса в их пути к демоничесству. Но даже Сосуд -- Нилуан -- не вел себя как фамильяр, когда ритуал

был завершен. Я надеялся, что мне будет позволено узнать больше о замыслах моего Божественного повелителя, когда я приведу его план в финальную фазу, но, кажется, я по-прежнему не знаю гораздо больше, чем знаю.

«Но он же поможет нам выиграть битву?», подумал Дафан. «Ведь так должно быть наверняка, разве нет? Ведь он заставит Имперium заплатить за вторжение в наши земли и спасет Гүльзакандру, правда?»

- Я надеялся, что Саторазель гарантирует нам победу, - сказал Гавалон, его голос стал несколько более отдаленным и словно бы странно горестным. -- Я думал, что знаю, какой стратегии следует мой Божественный владыка, но теперь я в этом больше не уверен. Многое открылось мне в видениях, но я все равно имел безрассудство думать, что происходящее в этом мире, с моим народом, имеет особую важность. Возможно, мне следовало понять, что это -- лишь крошечный участок громадной арены, и то, что происходит здесь, имеет

ничтожно малое значение, если никак не влияет на общую картину. Если действительно приближаются имперские корабли... значит, у Сатораэля может быть иная, высшая, цель, более важная, чем спасение Гүльзакангры.

Дафан пытался понять это, но не мог.

«Но мы герои», напомнил он себе, «У нас есть магия. У Империи есть пушки, ружья и грузовики, но я уже дважды видел, как -- с помощью магии -- мы наносили им поражение. Мы герои, мы сражаемся за нашу родину, и Гавалон Великий -- самый могущественный колдун. Разве противник может нас победить?»

- Может ли противник победить -- возможно, самая темная тайна из всех, -- сказал Гавалон, его звонкий голос сейчас звучал еще более отстраненно и задумчиво. -- Темнее, чем тайны, которые скрывает сам Золотой Трон. Все, что мы знаем и во что верим, говорит нам, что Империя в конце концов не сможет победить. В бесконечности времени единственная возможная победа -- победа

Хаоса. Единственная судьба, которая ждет человечество -- вытирание. И все же Империя продолжает сражаться -- и кто знает, сколько временных побед он сможет одержать до своего конца, или какова будет цена этих побед?

Мы, гордящиеся тем, что родились в Гүльзакангре и верно служим Изменяющему Пути, можем говорить и даже верить, что мы -- герои вечной битвы, но в глубине души мы знаем, что это не так, что монополия на героизм принадлежит Империи. Мы сражаемся по своему выбору, движимые гордостью, страстью, яростью, и все, что мы делаем, лишь приближает наш конец и конец нашей расы. Они же сражаются во имя долга, движимые лишь верой. Они знают, что не смогут победить, но все равно сражаются, полные решимости выжить еще час, еще год, еще век... хотя знают, что не смогут выживать вечно. Это благодаря им, а не нам, продолжается игра, и это благодаря им игра стоит свеч. Они и есть игра...

Окончательная победа Хаоса.

которая состоится в настолько далеком будущем, что для столь недолговечных существ как мы с тобой, не будет иметь никакого значения, абсолютно неминуета. И крах и гибель человечества -- лишь крошечная часть ее кульминации. Имперцы могут сражаться лишь за ее отсрочку, но все же они сражаются. Они сделали своего Императора богом -- и, несомненно, заслуженно, ибо кто из людей заслуживает быть богом больше, чем Он? Имперцы -- герои, потому что они могут выиграть лишь мгновение в вечности, и ради этого они принесли в жертву всю свою свободу, все мысли, все надежды и все радости. Они так и не узнают, как благодарен мой Божественный повелитель и Силы, подобные ему, за их жертвы, или какова истинная цена их маленьких побед.

И это, я убежден, самая темная тайна из всех.

Дафан мог бы почувствовать себя польщенным тем, что -- пусть, в общем, и случайно -- с ним поделились этой «самой темной тайной». Но увы, он не мог возникнуть в смысл того, что говорил

Гавалон. Даже самые элементарные тайны культов, известные матерям Салтане и Канаку, и, возможно, даже Тицилле, были закрыты для него. И, по словам Гавалона Великого, именно отсутствие врожденных способностей не позволяло ему стать учеником колдуна, и заслужить тем самым особую милость бога Гүльзакандры, чье имя было слишком зловещим, чтобы произносить его вслух.

Что за достижение это было бы для сына его матери!

- Что за достижение ... - тихо произнес Гавалон Великий, находившийся в трансе. - Я ни о чем не жалею, чего бы ни стоила мне моя карьера. И какова бы ни была моя судьба, я не променял бы ее ни на что иное. Я жил; я выбирал свой путь; я правил. Может ли любой из повелителей Империи -- даже истинного Империи -- сказать о себе больше? А любой демон? Я знаю, есть те, кто считают, будто боги, которых служат люди, подобные мне, созданы из человеческого зла, но я не верю в это. Хаос существовал задолго до человечества, и будет существовать после

того, как человечество сойдет со
вселенской сцены. Люди, считающие, что
они важны для Хаоса – тщеславнейшие из
тщеславных. Мы живем лишь мгновение, и
утрачивает, не в силах осознать вечность и
бесконечность, даже в воображении. Я
презил; я видел; я понял. Если я умру
завтра или послезавтра, что наиболее
вероятно, мне не о чем будет сожалеть.

ТОЛЬКО тогда Дафан запоздало
осознал, что Гавалон говорил вовсе не с
ним, но лишь с собой, и что его вопросы
служили Гавалону лишь подсказками к
исследованию его собственных вопросов и
мыслей. Дафан почувствовал себя
подслушивающим частный разговор,
который он не мог понять, даже если все
сказанное было верно. Возможно, оно и не
было верно. Каким бы великим колдуном
ни был Гавалон, прежде всего он был лишь
человеком. А человек более чем способен
искренне верить, что он знает и
понимает куда больше, чем на самом деле.

И все же, считал Дафан, он сможет
получить ценную информацию, если
только у него получится точно и в то же

время просто сформулировать вопрос.

«Что будет со мной?», мысленно спросил он.

- Все люди умирают, - прошептал Гавалон, все еще погруженный в свою странную задумчивость. -- Некоторые доживают до старости, другие умирают во младенчестве. В таком мире и в такое время никто не может быть уверен, что доживет до завтра, и вести себя стоит соответственно. Нет будущего -- только война. Нет надежды -- лишь отсрочка гибели. Человек ничего не может сделать, чтобы помочь себе -- только сражаться, сражаться без конца, до последнего, любыми средствами, которое у него есть.

И, сказав это, видя, что на горизонте уже показались тириады знамен его армии, Гавалон неожиданно вздрогнул и закашлялся. Потом, повернувшись к Дафану, он сказал:

- Просытайся, парень. Мы уже почти приехали. Хорошо, что ты спал -- надо было отдохнуть. Умойся и поешь. А потом пошлись. Фүльбра скоро атакует нас, и я должен сделать все возможное, чтобы

Саторазэль принял участие в бою, чтобы он обрушил на врага гнев Изменяющего Пути.

- Можно я оставляю себе ружье? -- робко спросил Дафан.

- Оно твое, парень, - сказал Гавалон хриплым грубым голосом, совсем непохожим на тот голос, которым он -- казалось, бессознательно -- говорил недавно. -- Твое по праву. Патроны мы тебе дадим. Используй их с толком.

ГЛАВА 20

КАК ТОЛЬКО Гицилла выбросила ослепленного солдата из грузовика, водитель нажал на тормоза.

Если бы он остановился минутой раньше, то, возможно, смог бы помочь своему товарищу, но он не знал, как сильно пострадал наводчик от звукового удара рога Гавалона. Хотя через зеркало заднего вида он видел, как Гицилла догоняет грузовик, видел он, и как его товарищ в кузове встает на ноги. Или он подумал, что наводчик справится сам, или решил, что резкая остановка причинит ему еще больше вреда. Сейчас, когда ослепленный солдат был выброшен из кузова, и Гицилла

ослабила бдительность, водитель, должно
быть, решил, что пришло время ему
принять участие в бою.

Внезапная остановка грузовика не
застала Тициллу врасплох, но все же она
потеряла равновесие. Если бы она была на
несколько дюймов ближе к стволу пушки,
то смогла бы схватиться за него и
удержаться на ногах, но ее рука не успела
схватиться за ствол, и силой инерции
Тициллу швырнуло в заднюю стенку
кабины.

Если бы кабина была выше, или если
бы Тицилла была такого же роста, как
еще несколько часов назад, она могла бы
отделаться лишь синяками, но сейчас ее
центр тяжести располагался слишком
высоко. Ее ноги оторвались от кузова, она
перекатилась через крышу кабины и
свалилась с другой стороны.

Она сильно ударилась спиной о капот
грузовика, попыталась ухватиться за
кабину еще раз, но опять не смогла, и снова
упала, прямо под колеса грузовика.

Если бы водитель подождал в кабине
и, увидев ее падение, снова поехал бы

Вперед, он мог бы просто переехать
Тициллу, сломав ей как минимум одну
конечность. Но он не стал ждать. Он
выскочил из кабины с большим ножом в
руках, готовый пронзить врага.

Если бы Тицилла по-прежнему была
обычным человеком, ей бы не хватило сил
отразить яростное нападение обученного
солдата, но теперь она была чем-то
большим, чем просто человек -- и
водителю следовало бы это понять, когда
он увидел, как она пешком догнала
мчавшийся грузовик и вскочила на него,
несмотря на все его усилия ускользнуть.

Но даже так бой был ожесточенным --
лишь в последний момент Тицилла успела
поднять свой клинок, чтобы заблокировать
удар ножа солдата.

Солдат выругался, явно удивленный,
что Тицилла смогла сохранить при себе
оружие, когда, перекувырнувшись,
вылетела из кузова, или тем, что при
падении она не получила никаких ран. Она
посмотрела в его бледно-голубые глаза,
полные ужаса и отчаяния, и увидела, что
он согнулся от ее взгляда, словно в ее

глазах таилась магическая сила, способная погубить его. Все ее конечности ужасно болели, позвоночник был словно охвачен огнем, но эта пылающая боль не ослабляла ее, а лишь придавала новых сил. Хотя она все еще лежала на земле, тогда как ее противник стоял, солдат не сумел воспользоваться своим преимуществом.

Он ударил еще раз, и еще раз, но Тицилла отразила оба удара с такой силой, что он сам пошатнулся на ногах.

Боясь упасть, солдат шагнул в сторону, чтобы восстановить равновесие, и это дало Тицилле секунду на то, чтобы изменить положение. Она привстала на одно колено, когда солдат атаковал снова, но, блокировав его четвертый удар, она использовала энергию его атаки, чтобы вскочить на ноги -- и теперь преимущество было у нее, потому что она была на несколько дюймов выше него, и гораздо более ловкой.

Должно быть, имперский солдат сначала был уверен в своих силах. В конце концов, он был обученным бойцом, а Тицилла всего лишь юной девушкой -- но

теперь его глаза говорили об ином. Он едва
мог смотреть на нее -- настолько
страшной она ему казалась. Но его пугал
вовсе не ее внешний вид; он знал, что ее
коснулась и изменила магия Хаоса. И все
же солдат был храбрым человеком.
Прощептав что-то, что было, вероятно,
молитвой, он снова бросился в атаку со
всей храбростью человека, сражавшегося за
нечто большее, чем жизнь.

Тицилла никогда не обучалась
владению каким-либо оружием, но она
играла в те же игры, что и Дафан и
другие ее ровесники, и ей повезло, что
мальчики всегда решали, во что играть.
Она играла в бой на мечах, фехтуя
палками, а теперь у нее было достаточно
силы, чтобы дополнить ловкость и
быстроту рук и хороший глазомер, ее
рефлексов было достаточно, чтобы
отражать удары ножа имперского
солдата.

Три или четыре минуты Тицилла
лишь отбивалась -- а потом, усвоив темп
боя, сама атаковала противника.

Его обучение дало ему достаточно

мастерства, чтобы отразить полдюжины ударов, но недостаточно, чтобы спасти жизнь. Хотя Гициллу терзала пылающая боль, она обладала скоростью, ловкостью и дьявольской силой, достаточной, чтобы прикончить его.

Сначала она рассекла ему руку, лишив его возможности атаковать дальше, а потом вонзила клинок ему в живот снизу вверх, разрубив внутренности и пробив диафрагму.

Он умер быстрее, чем она ожидала, и был уже трупом, когда чудовище, которое когда-то было Нимианом, беззаботно вышло из леса гигантских початков, схватило солдата огромными руками и откусило ему голову.

Те узоры, которые Гицилла раньше видела на коже Нимиана, сейчас превратились в разноцветную чешую и пышные перья. Теперь у чудовища были крылья; сейчас они были сложены, но Гицилла оценила их размах примерно в тридцать футов. Крылья тоже были яркими и разноцветными. Руки и ноги монстра оканчивались громадными

острыми когтями, но в его лице еще оставалось что-то человеческое -- что-то, в чем еще можно было узнать черты Нилуана -- хотя его нос и рот слились в огромный клюв.

Если бы Тицилла увидела такое зрелище два дня назад, она была бы поражена, возможно, парализована ужасом, но с самого начала наблюдая странные метаморфозы Нилуана, Тицилла чувствовала себя почти так, словно бы смотрела в лицо друга -- друга, которого она знала лучше, чем кто-либо еще, и который, вероятно, мог бы сказать то же самое о ней. Это странное существо коснулось ее, и это прикосновение не было обычным приветствием или лаской. Она была вовлечена в его изменения. Она была как будто в рабстве -- но не чувствовала себя рабыней или жертвой. Она чувствовала гордость, словно она теперь имела больше власти над своей судьбой, чем могла бы, будучи собой прежней.

- Ты мог бы мне помочь, - сказала она, пока монстр продолжал пожирать окровавленный труп.

- В том не было нужды, - ответил он. Его голос шел словно из ниоткуда. Ключевое существо явно не мог произносить звуки так же, как человеческие губы, но слова были четко слышны, и их произношение было безупречным. Нитиан никогда бы так не смог. И лишь Тицилла задумалась, откуда существо так хорошо владеет языком, как узнала ответ, словно он был ей подсказан. Это больше не был Нитиан; это был Повелитель Перемен, очень могущественный Повелитель Перемен. Он мог слышать мысли людей... точнее, не слышать, но улавливать эти мысли. От него невозможно было скрыть никакую тайну, тем более, знание языка.

Он усваивал язык тех, кого коснулся, и тех, кого не касался, не полностью, но по частям. Он улавливал аспекты разума и воображения каждого человека, надежды, тревоги, амбиции. Он полностью владел Тициллой, но Дафан не все разделил с ним, а разумы более отдаленные -- тем более. И все же, сумма всех этих частей, которой обладало существо, не была единым разумом, но чем-то гораздо большим. Это

был безумный калейдоскоп, невероятное множество, миллион разумов и один разум одновременно: разум, подобающий демону.

Глядя в бледные глаза чудища, Тицилла поняла, что демон рад обладать таким многомерным разумом, и восхищенно поражена количеством и сложностью бесчисленных мыслей и эмоций, украденных у других. Демон знал -- должен был -- что не пробудет здесь долго, но это лишь усилило остроту его переживаний, и особое чувство могущества, которое он получал от приобретенных знаний.

Она понимала, что в определенном смысле демон был настоящим чудовищем: существом невероятной мощи, разрушительный потенциал которого даже еще не раскрылся полностью. Но в некотором смысле демон был и ребенком: юное создание, охваченное живым наивным любопытством. Она знала это, потому что был и такой смысл, в котором она являлась продолжением демона: не еще одной конечностью, но еще одним разумом.

Тицилла оперлась о решетку радиатора грузовика, истощенная темнотой.

невероятными физическими и ментальными усилиями, которые ей пришлось предпринять. Решетка была очень горячей, но этот жар не причинял боли. Ее тело словно впитывало его, и огонь внутри нее горел еще ярче. Она чувствовала себя очень усталой, но была твердо настроена не упасть на землю без чувств, пока монстр смотрит на нее. Она не хотела допустить малейший риск, чтобы демон принял ее за очередную добычу, более полезную в качестве пищи, чем будучи живым существом.

- Как же теперь тебя называть? -- спросила она, надеясь, что вопрос послужит новым доказательством того факта, что она не еда. -- Господин или груг?

- Саторазэль, - ответил монстр.

- Саторазэль, - механически повторила она. -- Кто дал тебе имя? Гавалон?

Чудовище, казалось, тщательно обдумывало этот вопрос, словно его разум должен был усвоить его. Тицилла тем временем задумалась, стоит ли, думая об этом существе, называть его «оно», или

более уместным будет «он», но в конце концов решила, что едва ли это имеет особое значение.

- Повелителю Перемен подobaет истинное имя, - наконец произнес гигант. --
А я -- великий Повелитель Перемен. Очень, очень великий... Это имя мое, оно в каждой клетке моей сущности.

- Ну что ж, Саторазель, Повелитель Перемен, - сказал Гицилла, чувствуя странное веселье от собственной смелости, - ты, несомненно, изменил меня.

- Воистину, - сказал монстр, уловив ее веселье. -- Я изменяю все. В том цель моя и суть моей природы. Я изменяюсь сам. Я изменяю мир. Великую игру. Я сам есть перемены. Я -- сущность их. Спасибо, что спросила.

- Почему? -- изумленно спросила она.

- Что почему?

- Почему ты благодаришь меня за то, что спросила?

- В том сущность перемен. Как я смогу познать себя, если никто не задает вопросов? Я знаю все, что знаешь ты, и все, что знают остальные, но знаний много

так, в них столько беспорядка. Я знать себя хотел бы еще лучше. Но быть здесь долго не смогу, а еще столько надо сделать. Не хочешь ли со мною прогуляться?

- Прогуляться? -- повторила Гицилла, прыгая в замешательство от столь неожиданной смены темы разговора. -- На грузовике?

- О, нет, я слишком для него тяжел, и путь нам нужен более прямой, чем тот, которым может ехать грузовик. Ты сядешь на мое плечо. Устройся на крыле и отдохни. Другой возможности не будет.

- Куда пойдём? -- спросила Гицилла, еще не решаясь подняться по огромной лане, которую демон приглашающе протянул ей.

- Угем гореть, -- ответил гигант, -- со славою и блеском. Гореть и ярче и сильнее, чем ты могла когда-либо представить.

- А у меня есть выбор? -- поинтересовалась она.

- Да. У нас всегда есть выбор; в том сила наша и беда. И даже в смерти можем сделать выбор: со славою нам погибнуть

или нет. Сражаться может или убежать. Сражаться можно в небольшом бою или в великой битве. И можешь ты отправиться со мной или остаться. Подобный выбор выпадает лишь немногим. И лишь немногие хотели бы его. Но ты должна решить сейчас: ведь времени осталось очень мало. Когда я вырасту, чтобы гореть, придется мне использовать все силы, и для того я должен быть готов.

Саторазэль был уже в три раза выше Тициллы, а она сама сейчас была отнюдь не маленького роста. Она согрознулась, лишь едва представив себе, до каких размеров ему еще предстоит вырасти.

- Ты вернешься к Гавалону? -- спросила она. -- Ты поможешь ему против имперских захватчиков?

- Я сделаю что должен, - ответил гигант, и когда он это сказал, Тицилла вдруг подумала, что даже Саторазэль не знает, каково его предназначение, и не узнает, пока его личность полностью не раскроется.

Тицилла шагнула на протянутую руку и позволила Саторазэлю поднять ее к

себе на плечо. Когда демон выпрямился, Тицилла оказалась над пологом леса, образованным ветками и кисточками, росшими из крон деревьев, похожих на огромные початки. С высоты лес выглядел совсем по-другому, отсюда он был похож на поле клевера, раскрашенное черным, красным и фиолетовым, с вкраплениями странных растений, похожих на пучки изогнутых гвоздей или причудливые сосульки. Тицилла могла обозревать пространство на несколько миль вокруг -- или ей так казалось -- и видела раскинувшиеся за лесом равнины, похожие на полинявшее лоскутное одеяло, в котором желтые и зеленые оттенки смешивались с более яркими. Вокруг не было ни следа человеческого жилья или растений и животных, которых завезли сюда первые люди тысячи лет назад.

- Все изменилось, - произнесла она. -- За два дня весь мой мир был разорван на части и перевернут с ног на голову. Я уже не та, кем была раньше. Что же я сейчас, Саторазель? Чем я стала?

Демон секунду обдумывал этот

вопрос, прокладывая путь сквозь заросли, массивными руками раздвигая с дороги растения, расчищая путь для своих тяжело шагающих ног и неловко сложенных крыльев. Наконец, Саторазель сказал:

- Чем-то знакомым... знакомым мне.

- Ты и сам кажешься странно знакомым, - ответила Тицилла. - Но ведь ты итеешь в виду другое, так?

- Да, - сказал он, - это и кое-что еще. Возрадуйся же, ибо ты стала чем-то большим, чем была. Или могла бы стать когда-нибудь.

- Потому что ты съел бы меня, если бы я не была... чем-то знакомым?

- И это тоже. Но радуйся тому, что предстоит. Мгновенье лишь -- но это будет больше, чем просто человеческая жизнь.

Тицилле показалось, что демон пытается пробудить радость в самом себе -- чувство, которое он еще не научился испытывать. Видимо, даже демоны могут ощущать тревогу. Она задумалась, стоит ли ей помочь ему в этой попытке

приободриться, или напротив, подвергнуть ее сомнению. В конце концов, она сказала:

- Прости, что говорю это, но я не уверена, что ты можешь наилучшим образом судить о ценности человеческой жизни.

- А кто же может? -- спросил Саторазель.

Тицилла не была настолько уверена, чтобы что-то ответить на этот вопрос.

- Мы же выиграем этот бой, правда? -- спросила она, стенив телу. -- С тобой у Гавалона будет большое преимущество, не так ли? Мы называем врагов «Империятом», но они всего лишь забытые здесь поселенцы, ведь так? Они уже израсходовали почти все оружие, которое оставили им предки. Им не сравниться с той мощью, которой обладаешь ты.

Этот вопрос потребовал еще более долгих размышлений. Словно демон искал ответы на более сложные вопросы в каком-то ином источнике.

- Нельзя недооценивать врага, -- наконец, произнес гигант. -- Солдатам не чужда вовсе храбрость, хотя они не

тысят о себе как о героях, считая лишь
народней себя на истинных имперских
предков. В действительности они лучше,
чем сами могут думать о себе. Они
потратили столь много, и многому
учиться им пришлось. И в истинном
Империи люди — отличные бойцы, но
там им нет нужды импровизировать и
понимать свое оружие. А те, кто вторгся в
Гульзакандру, должны были столь многому
учиться, что не было иного им пути, как
заменить часть веры знанием. Их это в
чем-то сделало слабее, но в чем-то и
сильней. Они не знают меры той, в какой
открыты стали скверне, но, право, их не
должно презирать. Они достойной будут
жертвой.

- Достойной жертвой? — повторила
Тицилла. — Иными словами, ты все-таки
намерен убить и съесть их?

- Для этого нет времени уже, —
ответил монстр с долей сожаления. — У
войску Гавалона предстоит внести свой
вклад убийством и смертью. И каждый
должен роль свою сыграть.

- Истинный Империи придет сюда.

не так ли? -- сказала Тицилла. -- Это ты -- или Нумиан -- имел в виду, когда сказал, что приведешь корабли? А что будет с Гүльзакандрой, не имеет для тебя никакого значения. Ты здесь не для того, чтобы спасти нас, да?

- Кого ты называешь «ты», - сказал огромное существо, искоса глядя на нее огромным глазом, который сейчас казался еще более хищным, чем на дороге, - лишь масса мертвецов, и еще больший сонм, что скоро станут мертвецами. Сейчас есть только я и то, что мне знакомо.

Тицилле нелегко было принять смысл этих слов, но ее горе было меньше, чем она ожидала. Просто еще одна скорбная мысль, мелькнувшая на грани сознания.

- Дафан уже мертв? -- спросила она.

На этот раз демон ответил сразу же.

- Ужели ждешь ты, что я буду думать об этих пустяках? Еще есть время, но оно уж истекает.

Тицилла заметила, что демон шел так быстро, что на горизонте уже было видно что-то иное, далеко за лоскутным одеялом фиолетовых, розовых и

золотистых равнин, раскинувшихся за лесом. Это нечто было не менее ярким, чем лес или равнина, но куда более хрупким.

Это были развевавшиеся на ветру знамена армии Гавалона, с нетерпением ждавшей битвы с врагом.

Тицилла, протянув правую руку, коснулась огромного уха демона, так мягко, насколько позволяла ей ее тревога.

- Ты не боишься? -- спросила она. -- Тебя не ужасает мысль о смерти после столь недолгого существования?

Она ожидала отрицательного ответа, хотя и несколько неискреннего, и не знала, как ей принять это отрицание, пока не услышала настоящий ответ.

- Сейчас я неподвержен страху, -- сказал Саторазель, -- как и ты. Но когда час придет -- ведь избрана ты, чтобы объединить твои виденья мудрости с моими -- то он придет для нас обоих. Тогда воистину познаем мы значение страха, ужаса и смерти. А до тех пор мы можем лишь гадать. Но разве не прекрасно понимать, что скоро мы познаем это все --

и очень скоро?

ГЛАВА 21

ДАФААН, проснувшись, был ошеломлен, увидев, что палатку, в которой он спал, убирают прямо вокруг него.

- Что случилось? -- спросил он. Но люди, убравшие колья и брезент, были слишком заняты и не обратили на него внимания. Он подобрал свое ружье и вышел наружу, на яркое утреннее солнце, чтобы узнать, что происходит. И увидел, что вся армия готовится выступить в поход. Гавалона он не нашел, но поблизости оказался Абдалкури, навьючивавший своего разноцветного рогатого коня. Сейчас, когда Дафан был в некотором роде допущен во внутренний круг свиты Гавалона, Абдалкури испытывал к нему некоторое уважение.

- Что случилось? -- снова спросил Дафан.

- Изменение планов, - ответил раб колдун. -- Армия Фүльбры остановила свое наступление. Мы не знаем почему. Возможно, он решил дать своим солдатам отдых, но может быть и так, что он

ждет чего-то.

- Подкреплений? -- предположил Дафан.

- Ему придется ждать их несколько месяцев, если только его подкрепления не успеют летать, - сухо ответил Абдалкурри.

- Возможно, он ожидает, пока его разведчики выяснят расположение нашей армии.

- Поэтому мы собираемся атаковать?

- Это одна причина. А учитывая, что мы уже знаем, где находится его армия, Гавалон, вероятно, решил использовать эту возможность для внезапного нападения.

Дафан вспомнил, что Гавалон говорил ему в грузовике. Возможно, колдун получил какие-то новые указания от бога, которому служил, указания о том, какова должна быть его роль в разворачивающейся драме. С другой стороны, возможно, Гавалон просто пребывал в замешательстве. Возможно, он сомневался, что у него осталось еще время ждать, хотя Фүльбра, очевидно, располагал временем. Возможно, Фүльбра

становился потому, что узнал о
существовании демона, и решил
разработать какой-то план для
противодействия ему.

Дафан вдруг подумал, что в любом
случае планы Гавалона пошли прахом с
тех пор, как он потерял Нилуана. Колдун
в отчаянии, и, вероятно, сейчас его
положение ничуть не лучше.

- Сядешь на коня? - спросил
Абдалкури. - На этот раз прокатиться на
грузовике не получится.

Дафан был удивлен вопросом. Он и не
ожидал, что ему позволят ехать в бой на
грузовике, но он и не ожидал, что ему
вообще позволят на чем-то ехать.

- Лошадь, на которой я ездил, убили
тогда у фермы, - напомним он рабу-колдуну.

- Лошадь Малгайана сейчас ему не
понадобится, - ответил Абдалкури. - Его
понесут в бой на носилках, если он вообще
сможет принять участие в бою. Она вон
там. Не волнуйся - она чувствует
прикосновение демона так же, как и я, и
будет служить тебе столь же хорошо, как
и прежнему хозяину.

«Прикосновение демона!», подумал Дафан. «Так вот что я теперь? Некто, кого коснулся демон, отделив тем самым от всех остальных, кроме посвященных культа, в тайны которого я никогда не буду допущен?»

Однако он понимал, что в сложившейся ситуации это завидное положение. Чем ближе он был к Гавалону и его рабам-колдунам, тем ближе он находился к центру событий. Быть ближе к центру событий отнюдь не значило быть в большей безопасности — скорее наоборот — но он хотел этого, ведь у него не было отца, а теперь, возможно, и матери — и почти не было друзей.

Он рассудил, что если предстоит идти в бой, разве не лучше ехать на утлом и хитром скакуне, чем идти пешком, особенно учитывая, что он так глупо упустил еще одну возможность заполучить пару хороших ботинок из трофеев, взятых у фермы?

Ярко окрашенная лошадь стояла стойко, склонив свою рогатую голову, пока Дафан укладывал ей на спину чепрак и

сеглал ее. Стремя было расположено так же высоко, как и в прошлый раз, но Абдалкүри помог Дафану взобраться в седло, прежде чем сам сел на своего коня.

- Я поеду за тобой? -- спросил Дафан.

- Это было бы разумно, - ответил раб-колдун. -- Возможно, я еще буду рад, что твое ружье рядом.

Дафан только сейчас заметил, что у Абдалкүри не было никакого оружия, но когда раб-колдун уселся в седло, один из зверологов принес ему глинное копье со свертком ткани -- вероятно, свернутым флагом -- за наконечником.

- А ты, - добавил Абдалкүри, -- возможно, будешь рад, что рядом я.

- Это... твоя магия? -- с любопытством спросил Дафан.

- Это магия Гавалона, - ответил Абдалкүри, - которой я уполномочен владеть от его имени. Конечно, он оставил себе и Губительное Око, и Розагозии, и другие хитрые штуки. Моя магия проще, хотя и она достаточно сильна.

Дафан вспомнил знамя, которое

развевалось на ветру над палаткой Гавалона, когда зверолюди провели его в лагерь. Уже тогда оно показалось ему зловещим, хотя тогда он даже представить не мог, что это знамя магическое. Если имя, которым назвал его Абгалкүри, описывало его могущество, было бы очень интересно увидеть магию этого знамени в действии -- разумеется, если ее мощь направлена только на врага, а не подальше от союзников Гавалона.

- А твое знамя как действует? -- спросил Дафан.

- Это Штандарт Агского Пламени, -- сказал Абгалкүри. -- Его сила велика -- оно гораздо сильнее огнететов имперских солдат -- но быстро истощается. В быстрых схватках оно очень полезно, но в долгом бою от него меньше пользы.

- Но ты считаешь, что бой, который нам предстоит завтра, если не сегодня, будет долгим? -- спросил Дафан, чтобы убедиться, что он правильно понял колдүна.

- Да, -- трaчно произнес Абгалкүри. -- Но у меня есть в запасе несколько трюков --

я не позволю убить себя легко, даже когда
знатая превратится в простое копьё. Ты в
куда большей опасности, чем я, если
только демон, который коснулся тебя, не
соизволит тебя как-то защитить.

- А это возможно? -- спросил Дафан.

- Откуда я могу знать? -- сказал
Абгалкүри, и тахнул поводьями,
приказывая своему коню двигаться.

Дафану пришлось лишь коснуться шеи
своего скакуна; казалось, конь знает, что
надо делать, не хуже самого Дафана. Он
сразу же поскакал за конем Абгалкүри, и
вскоре к ним присоединились другие
всадники, скакавшие по двое или трое в
ряд.

Оказавшись в их рядах, Дафан теперь
имел гораздо лучшее представление о
размерах и характере армии Гавалона.
Раньше, видя так много звероловцев и
порабощенных колдунів в свите Гавалона,
Дафан думал, что большинство солдат
Гүльзакандры окажутся лишь наполовину
людьми -- в лучшем случае на три
четверти -- но теперь он видел, что первое
впечатление было неверным. Пока

большинство его новых товарищей по оружию были такими же обычными людьми, как он сам -- может быть, даже более обычными, если последствия прикосновения Нимиана были очевидны другим настолько же, насколько они были очевидны Абгалкүри и разноцветной лошади.

Ни у кого из этих воинов не было единой униформы, вроде той, что носили имперские солдаты -- если не считать за таковую яркие наряды рабов-колдунов из свиты Гавалона. Бойцы Гүльзакандры носили ту же одежду, в которую одевались в мирной жизни: одежду крестьян, работавших в полях или пасших скот; разнообразные одежды портных и кузнецов, ткачей и кровельщиков, сапожников и бродячих торговцев. Вероятно, лишь одному из десяти -- подобно Дафану -- повезло раздобыть ружье, и некоторые из этих ружей явно попали в Гүльзакандру задолго до имперского вторжения -- возможно, пятьдесят или даже сто лет назад. Те, у кого не было ни ружей, ни магии, вооружались мечами и пиками --

хорошее оружие, но теркат деревни Дафана, но едва ли оно могло сравниться с огневой мощью солдат Империи, если только бойцы с мечами и пиками не смогут подойти к врагу вплотную.

Он не видел грузовиков, которые помог захватить, но это было и не удивительно. Дафан знал, что даже если бойцы Гавалона смогли увести грузовики, оставшиеся после боя у пруда, во всей армии наберется едва ли больше десятка машин. И сколько бы их ни было, они наверняка уже уехали вперед.

Большинство пеших воинов, встретивших на проезжавших мимо всадников, явно старались не слишком задерживать взгляд на свернутых знаменах и ярко разогнутых колдунах, которые эти знамена несли, но несколько взглядов, упавших на Дафана, выражали явное любопытство. Дафан не видел таких же молодых воинов, как он сам, хотя возможно, в толпе и были такие. Более молодые, вероятно, считались еще детьми, не готовыми к роли защитников родины, хотя через год или два,

Несомненно, настанет и их очередь.

Казалось, все думали о предстоящем сражении, как о решающем, которое определит судьбу Гүльзакандры. Возможно, так и будет — но Дафан подумал, что, каков бы ни был исход сражения, все равно за ночью снова придет день, и снова, и снова, как было всегда. Кто бы ни победил в битве, выжившим придется сражаться в следующем бою, и снова, и снова... Пока в мире есть кто-то живой, война будет продолжаться, каждая деревня может стать прелюдией к новому мятежу или новому завоеванию. Империя никогда не сможет истребить последователей истинного бога, пока звезды кружатся в небе, а последователи истинного бога не смогут одержать окончательную победу, пока есть возможность, что прилетят новые имперские корабли и высажат новых колонистов.

В конечном итоге...

Дафан знал, что в конечном итоге этого не будет. Как не будет и никакого другого человека, переживет он предстоящий бой или нет. Как бы ни

повлияли его действия на события, это
будет лишь миг в вечности -- но какой
человек и на какой планете мог бы
утверждать о себе иное? Как смог бы
повлиять на конечный итог даже
могущественнейший колдун или
величайший полководец, хотя бы на одном
континенте одного-единственного мира?

Дафан согрознулся от этих мыслей --
но он знал, что эти были его собственные
мысли, порожденные его страхами и
расчетами. Его коснулся демон, но все же
он оставался хозяином своего разума. Если
раньше у него никогда не возникали такие
мысли, то это не потому, что он не был
способен сам их сформулировать, а лишь
потому, что не было необходимости
размышлять над этим.

А теперь необходимость была. Он
идет в бой и, возможно, погибнет. У него
не будет иного шанса обдумать значение
своей судьбы -- а ведь это тоже дело
тужчины. Он стал воином -- и храбрым --
но воин должен быть чем-то большим, чем
просто убийца. Он должен знать, что
будет значить, чему послужит его

храбрость -- и, возможно, его
самопожертвование.

Он не сомневался, что солдаты Церия
Фүльбры сейчас думают о том же самом,
но не знал, в каком свете они видят
ситуацию, и какими знаниями
располагают, чтобы попытаться
остыслить ее.

В конечном итоге -- как сказал
Тавалон Великий, хотя и сам едва ли
осознавал это тогда -- Хаос победит. И
истинные герои -- те, кто сражается,
чтобы отсрочить момент его победы,
какому богу они бы ни служили. Любой
человек сражается всего лишь за миг в
вечности -- за то, чтобы прожить немного
больше, будет ли выигранное время
измеряться годами, часами или
минутами -- но настоящий человек,
истинно человеческий и действительно
смелый, должен так же задавать себе
вопрос, как наилучшим образом
использовать это выигранное время.

- Ну что ж, - сказал Дафан, хотя его
никто не мог слышать, кроме лошади. --
Если так, мы все герои, независимо от

того, на чьей стороне сражается -- потому что сражается, вместо того, чтобы покорно принять свою участь. Если демон явится, чтобы спасти меня -- что ж, прекрасно. Если нет... у меня есть ружье. Я счастливее, чем мог когда-либо мечтать, будучи мальчишкой, которого даже никто не хотел брать в ученики. У меня есть ружье.

Колонна конницы уже вышла за пределы лагеря и двигалась по равнине. Красные кусты и фиолетовые кактусы, росшие по обеим сторонам дороги, хотя и были не слишком многочисленны, но выросли достаточно большими, чтобы возвышаться над всадниками, отбрасывая длинные, похожие на гигантские скелеты, тени, там, где они заслоняли все еще всходящее солнце -- но тени не были слишком темными или холодными.

Они уже два часа ехали на север, не переходя на рысь, когда Дафан заметил еще десяток всадников, приближавшихся с северо-востока. Во главе их он узнал Гавалона. Как и Абдалкюри, Гавалон был вооружен копьем, но его копье было больше,

чем чье-либо еще, и зная Губительного
Ока, обернутое вокруг него, было заметно
более массивным, чем любое из «обычных»
знамен. Дафан подумал, что колдун,
должно быть, невероятно силен, хотя его
сила явно не была следствием тяжелого
труда и здорового питания.

На секунду Дафан задумался, сколько
же лет Гавалону. Он знал, что мутации
колдуна, вероятно, скрыли обычные
признаки старения, но об этом человеке
невозможно было думать как об очень
молодом или очень старом. Задумался
Дафан и о том, были ли у Гавалона дети —
и если были, какой была их судьба. Это
вопрос вызвал в нем странное
замешательство, и Дафан вдруг подумал,
что не хочет знать ответ на него.

— Остановиться и спешиться, —
приказал Гавалон Абдалкури. — Мы должны
подождать подкреплений здесь, где заросли
достаточно густые, чтобы в них
укрыться. Сейчас имперцы расчищают
местность вокруг своего лагеря, чтобы к
нам было труднее подойти незаметно, и,
судя по этому, можно предположить, что

сегодня они не собираются двигаться дальше. Они выбрали хорошую позицию, но старательно придерживаются дороги и растянули по ней свои силы, и, вполне возможно, дорога послужит нам еще лучше, чем ит. Они расположились широкой дугой, чтобы мы не смогли обойти их, но благодаря этому их позиция стала более уязвимой для фронтального удара. Если мы быстро успеем подтянуть достаточно сил, то сможем застать их врасплох.

Абдалкури поклонился, но когда ответил, в его голосе слышалась тревога:

- Магистр, чтобы добраться до расположения противника и перестроиться для атаки, понадобится весь остаток дня. Люди устанут...

- И имперские солдаты заметят нас, - согласился Гавалон. -- Но они очень боятся нашей магии, и ночная атака может сработать в нашу пользу больше, чем они ожидают. Наши снайперы все еще беспокоят их с тыла, и они не могут знать наверняка, как мало у нас снайперов. Чем быстрее мы сможем атаковать, тем

больше у нас шансов на успех. Конечно, нам придется подождать, в зависимости от того, насколько быстро подтянутся все наши войска, но если мы не атакуем первыми этой же ночью, у противника будет возможность воспользоваться выигранным временем.

Абдалкүри снова поклонился.

Дафан слез с лошади, увидев, что остальные всадники тоже спешили, и огляделся вокруг в поисках места, куда можно было бы привязать коня. Окружающие растения были ему совершенно незнакомы, но раб-колдун и тут помог ему.

- Как ты себя чувствуешь, Дафан? -- спросил Гавалон, тоже сойдя с коня.

Дафан знал, что колдун интересуется вовсе не его здоровьем. Его приняли в свиту потому, что его коснулся дэмон, и Гавалон надеялся, что Дафан, возможно, сможет сообщить что-то о местонахождении и состоянии демона.

- Я ничего не чувствую, - неохотно признался Дафан. -- Если Нилуан и где-то поблизости, я не могу утверждать это

наверняка.

- Он больше не Нитиан, - сказал Гавалон. -- По крайней мере, я надеюсь на это. Как бы то ни было, мы должны атаковать -- ты это понимаешь?

На секунду Дафан был ошеломлен этим вопросом, но потом понял, что Гавалон, должно быть, надеялся, что хотя бы Дафан и не принес новостей о Нитиане, но возможно, он сможет как-то передать демону сообщение о готовящейся атаке. Подробное объяснение плана, которое Гавалон изволил дать Абдалкүри, было больше для Дафана, чем для самого раба-колдуна.

- Я понимаю, - ответил Дафан. -- Если Нитиан -- кем бы он ни был сейчас -- знает то, что знаю я, он знает, что мы очень нуждается в нем.

Гавалон кивнул своей страшной головой и отвернулся.

«Если Нитиан знает то, что знаю я», подумал Дафан, «то он знает обо мне куда больше, чем я осмелился бы рассказать. Надеюсь, сейчас он думает о войне, а не о своих сокровенных мечтах и страхах».

С этими мыслями он ушел в тени гигантского шипастого растения, похожего на свернувшегося дикобраза, который пустил корни. Дафан пытался очистить свой разум от тех мыслей, которые казались ему опасными. К несчастью, чем больше он думал над вопросом, какие мысли могут быть опасными, тем больше приходило в его голову мыслей потенциально опасного свойства.

- Я молюсь лишь о том, чтобы Тицилла была в безопасности, - сказал он себе, остановившись на мысли, которая была не только «безопасной», но и вполне искренней. Что бы ни случилось со мной, я утворю пощадить Тициллу. Окажи мне хотя бы эту милость, о таинственный бог Түльзакандры, чье истинное имя мне не позволено знать.

ГЛАВА 22

ОРЛОК Мелькарт был несколько разочарован, обнаружив, что Раган Баалберит чувствует себя на борту самолета куда лучше, чем стоя на балконе губернаторского дворца в Состенүто.

Впрочем, даже здесь Верховный Инквизитор отнюдь не натеревался смотреть вниз из окна. Как и псайкер, которого он привел с собой -- но псайкеры, похоже, всегда находятся на грани истерики, поэтому тот факт, что он оказался в самолете на большой высоте, не слишком повлиял на его поведение. Священник Карро Альпальяо производил впечатление, что чувствовал бы себя куда лучше, если бы рядом не было псайкера.

Трое членов команды Баалберита, усадившись вместе в кормовой части пассажирского салона, стараясь расположиться как можно дальше от свиты Мелькарта -- и это вполне устраивало обе группы.

Агьютантам и телохранителям Мелькарта тоже, казалось, было немного не по себе, хотя они спали постенно и чувствовали себя лучше, чем те, кому пришлось бодрствовать все время перелета. Мелькарт предположил, что телохранители больше нервничают из-за присутствия Дейра Ажао, чем из-за расстояния, отделяющего их от земли --

или, в данный момент, от океана.

Самолет не полетел кратчайшим курсом из Калазендры в Ёввелканы; необходимо было сначала сделать небольшой крюк, чтобы дозавратиться на аэродроме, расположенном на самом западном мысе Зенгаторы. К счастью, не было необходимости лететь дальше на север, в Булзавару; как только самолет достигнет северного берега Ёввелканы, можно будет пересечь центральную пустыню над самым узким ее участком, а не огибать ее, как пришлось Фүльбре. Когда самолет долетит до равнин Гүльзакандры, у него останется еще достаточно горючего, чтобы добраться до посадочной площадки, которую уже сейчас должны расчистить саперы Фүльбры. Возможно, предстоит лететь над тем самым местом, где потерпела неудачу операция «Зонг».

Генерал-майор Форх издал вздох облегчения, когда технотагистр Солдрон сообщил, что они пересекли берег Ёввелканы. Мелькарт же не думал, что это будет иметь какое-то значение, если

самолет все-таки подведет их -- в самолете, ведь вынужденная посадка на воду, вероятно, окажется мягче, чем на землю, а у Янтарной Пустоши была репутация исключительно негостеприимного места. Разнообразие страхов, которые испытывали другие люди, не переставало удивлять его.

Как только Форх, казалось бы, успокоился, тут же его глаза снова взволнованно забегали.

- Безопасно ли было брать на борт этого человека? -- прошептал он.

«Этот человек», конечно же, Дейр Ажао. Это опасение Мелькарт понимал куда лучше, чем боязнь высоты или полета. Псайкеры по природе своей были пугающими -- и если уж псайкер в камере подземной тюрьмы был достаточной причиной для тревоги, псайкер рядом с тобой на борту самолета -- совсем другое дело. И тот факт, что Альпальяо явно было не по себе, только усилил беспокойство спутников Мелькарта.

Мелькарту и самому не чуждо было это опасение, но он готов был

присоединиться с ним ради тех возможностей, которые открывались с присоединением к экспедиции Баалберита. Губернатор не собирался предпринимать ничего такого, пока самолет в воздухе, но он был убежден, что когда самолет приземлится, избавиться от Баалберита будет легче, чем предполагалось.

Пилот самолета Жел Моберг возражал против присутствия на борту пилота, и вокс-оператор, сидевший рядом с ним в кабине, разделял его опасения, но оба они всю жизнь провели в подготовке к такому полету, как этот, и их легко было убедить, что риск минимален. Они до того уже совершили десяток полетов, часто с Мелькартом на борту, но те полеты были лишь короткими тренировками. Этот полет был настоящим. Для этого и создали самолет таинственные и богоподобные техножрецы, управлявшие звездными кораблями Империи Человечества. Этому полету особенно ждал Моберг, с тех пор, как получил должность губернатора пилота.

- Сколько нам еще лететь? -- спросил

Мелькарт техномагистра Солдрона.

Техномагистр, сверившись со своим хронометром, некоторое время производил расчеты.

- Если все будет нормально, то около четырех часов, ваше превосходительство, -- ответил он. -- Если наши карты точны, то нам лететь над Янтарной Пустошью три часа, потом, когда пересечем границу Гүльзакандры, уменьшим скорость и высоту. Нам нужно будет еще дозавправиться, прежде чем мы сможем выполнять разведывательные полеты, но люди Фүльбры должны уже все для нас подготовить -- у них было много времени.

Его голос, казалось, звучал не слишком уверенно.

- А есть какая-то причина полагать, что что-то может быть ненормально? -- спросил Мелькарт.

- Ну... нет, сир. За исключением того, что Гүльзакандра -- страна колдунов.

- Все они, если верить данным разведки, присоединились к так называемому «Великому» Гавалону и

собирают силы для предстоящего боя с армией Фүльбры. Даже если в пустыне и осталось несколько этих мерзких колдунів, как они смогут сбить самолет? Это оригинальный образец имперской техники, не то, что эти ваши так называемые мастера клепают на этих ваших так называемых заводах.

Техномагистр поморщился.

Насколько было известно Мелькарту, у Агентус Механикус Устинного Императора не было такого звания как техномагистр, и что Агентус Механикус Устинного Императора превращали в заводы целые миры, и владели всеми знаниями и ритуалами, необходимыми для производства бесконечного количества той техники, которую ему и его подданным теперь приходилось называть «имперскими оригиналами». К несчастью, представителей Агентус Механикус среди невольных колонистов было настолько мало, и они располагали столь незначительными ресурсами, что последующие поколения были вынуждены создать целый класс импровизаторов с их

собственными заново придуманными
титүлами, и производимая ими техника
была печально известна своим низким
качеством. По мнению Мелькарта
техномагистр должен быть чрезвычайно
благодарен за возможность
путешествовать с высокой скоростью, с
комфортом и в безопасности на
настоящем образце оригинальной
имперской техники, а не ползти по
пустыне со скоростью улитки на одной из
скверно сделанных машин, которые
изготавливали ему подобные горе-мастера.

- Да, конечно, ваше
превосходительство, - робко произнес
Солдрон. - Но колдовство есть колдовство,
и кто знает, на что способны эти
колдүны?

- Мы знаем, что они не способны
противостоять имперской огневой мощи и
решиительности, - сказал Мелькарт. - Не
так ли, Форх?

- Да, ваше превосходительство, - сразу
же подтвердил Форх. - Слава Императору.
Но даже так, сир, это очень долгий полет,
и когда мы доберемся до расположения

артии Фүльбры, у нас останется мало топлива -- и еще остается вопрос с посадкой. Нам следует помнить, ваше превосходительство, что хотя это имперский оригинал, но очень старый оригинал. Прошло уже более двухсот лет с тех пор, как наши предки высадились здесь. И насколько опытным может быть пилот, учитывая, что при жизни каждого поколения самолет бывал в воздухе едва ли более часа? И потом...

- Хватит уже, Форх, - с отвлечением прервал его Мелькарт. -- Моберг, ты слышал это все?

- Да, ваше превосходительство, - ответил пилот.

- Эта машина способна на долгие перелеты? Ты можешь совершить безопасную посадку?

- Да, ваше превосходительство, - дисциплинированно ответил Моберг. -- Разумеется, если саперы генерала Фүльбры подготовили посадочную площадку должным образом, и еще...

- Ох, замолчи, - приказал Мелькарт. -- Что, здесь нет никого, кто имел бы веру в

Механикус?

- Есть, - раздался новый голос, в котором слышалась ирония. -- Я рад слышать этот вопрос из уст вашей светлости.

Конечно, это был Баалберит, подкрадывшийся со своего сиденья незаметно, в типичной для инквизитора манере. В первый раз -- и, как он надеялся, в последний. Мелькарт был почти рад видеть его.

- Верховный Инквизитор, - произнес Мелькарт, с трудом удерживаясь от неприкрыто саркастического тона. -- Как любезно с вашей стороны присоединиться к нам. Вашим людям так же не терпится, как и моим, скорее достигнуть поля боя, на котором решится судьба мира?

- Несомненно, ваше превосходительство, - ответил Баалберит, и Мелькарту показалось, что он говорит вполне искренне. -- Мы столь же исполнены желания увидеть, как будет одержана победа, и внести свой вклад. Дейр Ажао готов, и я чувствую, что присутствие такого множества злых

колдунунов -- именно то, что ему нужно, чтобы подстегнуть его силы для последнего прорыва. Я убежден, что прежде чем закончится этот день, контакт с Имперским Флотом будет установлен. Они узнают о нашем положении и пришлют помощь.

- Вы же не позволите ему ничего сделать, пока мы еще в воздухе, Верховный Инквизитор? -- спросил Форх, который, казалось, был готов впасть в панику, если не получит утешительного ответа.

- Конечно, нет, - ответил Баалберит. - Как и колдуны еретиков, он накапливает силу. Но когда мы будем на земле, и начнется бой, момент будет самый благоприятный. Не бойтесь, генерал-майор. Мы вас не подведем. Это был долгий день, но когда наступит вечер, нам стоит ожидать столь же долгую ночь.

Строго говоря, это было не так. Причина, по которой день казался столь необычно долгим, была в том, что самолет летел на запад, по направлению от восходящего солнца. А так как они находились в воздухе уже более восьми

часов, и лететь оставалось еще менее трех часов, предстоящая ночь никак не могла быть такой же долгой, какими был день.

- Момент действительно будет благоприятный, - прошептал Мелькарт. -- Но я думаю, не стоит ли лучше использовать вашего псайкера для помощи генералу Фүльбре в противодействии вражеским колдунам. Конечно, вы уже назначили ему в помощь псайкеров и инквизиторов, но я думаю, было ли мудрым -- и должным -- решением оставить самого сильного псайкера для ваших целей?

- Моих целей! -- повторил Баалберит, изображая возмущение. -- Какие цели могут быть более важными, чем восстановление контакта с Имперским флотом?

- Никакие, если бы это было осуществимо, - сказал Мелькарт. -- Но можем ли мы позволить себе столь необоснованные надежды, когда перед нами настоящий враг? Разве не является нашим первым долгом уничтожить этого Гавалона и культы, которые он

возглавляет, очистить Гүльзакандру от
этого ужасного зла? Простит ли нас
божественный Император, если мы не
сможем полностью очистить от скверны
наш дом, лишь потому, что нам очень
хотелось скорее воссоединиться с нашими
далекими братьями?

- Простит ли мы сами себя, - возразил
Баалберит, - если пожертвуем шансом
восстановить контакт с Истинным
Императором, шансом, выпавшим раз в
жизни? Кроме того...

Баалберита прервал вокс-оператор:

- Пришло несколько сообщений, сир, -
доложил он Мелькарту. - Мы только что
вошли в радиус действия полевого вокс-
передатчика генерала Фүльбры. Он в
нескольких часах марша от главных сил
противника, но ждет прибытия самолета,
прежде чем продолжать наступление.
Армия Фүльбры располагается лагерем
для ночевки. Воздушная разведка,
проведенная утром, даст ему гораздо более
точные сведения о положении противника,
чем мотоциклисты-разведчики - но,
похоже, уже сейчас очевидно, что Фүльбра

имеет подавляющее превосходство в
оружии и технике.

- Превосходно, - сказал Мелькарт.

- Какие новости об операции «Зонд»? --
вмешался Баалберит. -- Он выяснил,
почему она не удалась?

Вокс-оператор на несколько минут
вернулся к своему аппарату, пока
Мелькарт с нетерпением ждал.

- Разведчики, направленные из
Огуенн, столкнулись со значительными
силами противника, - наконец доложил
вокс-оператор. -- Они быстро обнаружили,
что первая группа разведчиков была
атакована у пруда в пустошах, и вероятно,
противник использовал нечестивое
колдовство, но некоторым грузовикам,
похоже, удалось сбежать с места боя.
Разведчики шли по следам уцелевших,
когда тоже были атакованы, и
единственное сообщение, которое они
успели передать, прежде чем связь
прервалась, было искаженным -- что-то о
всадниках в ярких костюмах на
разноцветных рогатых лошадях. Если мы
хотим удержать этот маршрут

снабжения, в Огуенн следует срочно
направить подкрепления.

После того, как он закончил говорить,
на секунду наступила тишина, которую
прервал Форх.

- Мне кажется, - сказал генерал-
майор, - что генерал Фүльбра допустил
серьезную тактическую ошибку, направив
столь незначительные силы прямо через
Янтарную Пустошь, да потом еще и
разделив их.

Если Фүльбру сочтут халатно
относящимся к своим обязанностям, Форх
будет следующим по старшинству, кто
может занять место
главнокомандующего, поэтому Мелькарт
не считал его мнение беспристрастным.

- Настоящая проблема в том, - сразу
же заявил Баалберит, - что мой псайкер,
очевидно, был прав, сообщив, что в
пустошах к западу от Огуенн находится
что-то важное. Что бы там ни
происходило, культисты очень хотят
скрыть это от нас. Они не настолько
безрассудны, чтобы тратить сильную
магию против разведывательных групп.

если там не было чего-то очень важного, и они не хотели, чтобы наши разведчики это обнаружили.

- Это был бы верный вывод, если бы подонки, которые нам противостоят, придерживались разумной стратегии, как вы бы хотели, - задумчиво сказал Мелькарт. - Но они не являются рабы Губительных Сил, и безумны настолько же, насколько злы и осквернены. Мы не можем быть уверены, что их мотивы и их тактика имеют хоть какой-то смысл.

- Даже если бы они мыслили стратегически, - вмешался Форх, - это могла бы быть уловка, чтобы отвлечь наше внимание от основной угрозы.

- Или от лучшей возможности, - добавил Баалберит. - Если Гавалон знает, что Имперский флот поблизости, он может рискнуть всем - даже пожертвовать всем - чтобы не позволить нам установить контакт с Истинным Императором. Он должен понимать, что ему подобные нечестивцы могут иметь шанс на выживание, даже если бой против партии Фүльбры будет проигран, лишь в

том случае, если нам на помощь не придут силы Великого Императора.

- Мы здесь Император, - сурово произнес Мелькарт. -- Мы должны сделать все возможное, чтобы выиграть эту войну своими силами и очистить от скверны этот континент. Это наш мир, и мы должны править им и защищать его.

Баалберит, очевидно, не хотел продолжать этот спор.

- Мне нужно немного поспать, - сказал он. -- С вашей стороны было весьма разумно позволить телохранителям отдохнуть, ваше превосходительство -- мы бодрствовали слишком долго. Другого шанса может и не быть.

Это было разумное замечание, но оно немедленно возбудило подозрения Мелькарта. «Он попытается что-то предпринять?», подумал губернатор. «Это было бы безумием с его стороны, ведь моих людей намного больше. Но он отправился снами явно по какой-то причине, и уж точно не для того, чтобы совершить самоубийство».

- Возможно, нам всем стоит

вздрызнуть, ведь наступает ночь, - сказал Мелькарт вслух. -- Мы принесем больше пользы генералу, если прибудем отдохнувшими.

Форх, казалось, был благодарен за возможность отдохнуть, и Солгрон тоже -- но Мелькарт лишь притворялся, что отдыхает. Он откинулся в кресле, склонив голову набок -- из этого положения он, слегка приоткрыв глаза, мог наблюдать не только за Баалберитом, но и за его спутниками.

Ажао и Альпальяо, казалось, воспользовались советом Баалберита -- но тот факт, что отдохнуть предложил сам Баалберит, вызвал у Мелькарта глубокие подозрения.

«Он хочет, чтобы псайкер попытался что-то сделать», подумал Мелькарт. «Независимо от риска, техножрец вколет безумцу дозу того еретического наркотика, пока Баалберит отвлекает наше внимание. Но почему сейчас? Или он думает, что связаться с флотом будет легче на большой высоте?»

Сквозь едва открытые веки

Мелькарт очень внимательно смотрел на Дейра Ажао. Он не верил, что псайкер спал сейчас, но если он и спал, то определенно видел сны, и явно беспокойные... Так же, как и телохранитель, сидящий рядом с Мелькартом -- он вздрагивал во сне и еле слышно что-то шептал.

«Что-то здесь не так...», подумал Мелькарт. «Что-то...»

Он потерял нить своей мысли. Вопреки всем своим усилиям он все-таки задремал -- и когда внезапно проснулся, то понял, что совершил ошибку. Он знал, что потерял значительный промежуток времени -- возможно, не меньше трех часов. Все вокруг было, казалось, так же как и раньше -- за исключением того, что Форх и Солгрон действительно крепко спали -- но Мелькарт знал, что время ушло, словно украдено каким-то...

... колдовством.

На секунду чудовищность того, о чем он подумал, ошеломила разум Мелькарта. Он всегда был убежден, что усиливать способности имперских нечистокровных псайкеров местными наркотиками,

которые использовали «сновидцы
мудрости» мучителей -- опасная идея,
потому что он всегда был уверен, что эти
наркотики -- не нейтральные средства,
что в действительности они осквернены
злом колдовских шабашей. Сейчас
Мелькарт был полностью в этом убежден.
Что бы ни пытался сделать Баалберит, и
что бы ни пытался сделать его псайкер,
результатом может быть только
катастрофа... И время, которое он
потерял, подвело его к самому краю этой
пропасти.

Внезапно он встал, хотя от усилия у
него закружилась голова. Одной рукой он
начал трясти телохранителя, сидевшего
рядом, а другой потянулся, чтобы
разбудить генерал-майора Форха, но глаза
Мелькарта неотрывно смотрели на
Баалберита и псайкера. Псайкер по-
прежнему притворялся спящим, и,
казалось, его мучили кошмары, но глаза
Баалберита были широко открыты.

- Что ты сделал, Раган? -- спросил
Мелькарт. -- Что ты сделал?

Баалберит не отвечал. Верховный

Инквизитор лишь улыбнулся -- но эта улыбка сказала больше, чем тысяча слов. Она говорила о том, что Баалберит не собирался быть всего лишь пассажиром в этой экспедиции, не собирался покорно подчиниться той участи, которую приготовил ему Мелькарт в конце пути. Она говорила о том, что отчаянная решимость Баалберита простиралась куда дальше, чем предполагал Мелькарт, возможно, куда дальше, чем Мелькарт даже мог предположить.

Как только на лице инквизитора появилась эта злобещая улыбка, самолет вдруг резко дернулся влево и вниз. Мелькарт ощутил, как у него скрутился желудок, и понял, что если уж он испытывает страх, то его спутники, должно быть, парализованы ужасом -- но большинство его спутников, казалось, по-прежнему крепко спали.

- Моберг? -- в тревоге позвал Мелькарт.

- Это лишь турбулентность, ваше превосходительство, - ответил пилот. -- Мы миновали Янтарную Пустошь и вошли

в более умеренный климат. Это просто воздушные потоки. Нечего бо...

Он не договорил -- самолет снова встряхнуло, на этот раз сильнее.

Форх проснулся и, немедленно вскочив на ноги, визгливым голосом завопил:

- Что происходит?!

- Сядьте! -- приказал Мелькарт, но Форх был не в том состоянии, чтобы его слушать.

- Я знал, что эта проклятая штука небезопасна! -- взвыл он. -- Ей двести лет! Мы разобьемся!

Техномагистр Солдрон тоже проснулся. По крайней мере, ему хватило самообладания, чтобы не поддаваться панике, а вместо этого начать читать молитву, но Мелькарт знал, что это скорее от ужаса, а не от веры в то, что молитва поможет.

Мелькарт бросился в кабину, в узкое пространство за сиденьем пилота. Самолет продолжало сильно трясти, его нос опустился еще ниже.

- Что происходит? -- спросил он у Моберга.

- Я... я не знаю, сир, - только и смог ответить пилот.

Мелькарт только сейчас понял, что уже не имеет значения, стал ли самолет жертвой какого-то безумного плана Баалберита, или заклинания вражеского колдuna, или это просто техническая неисправность. Главный вопрос сейчас -- сможет ли Моберг что-то с этим сделать?

Внезапно Мелькарт осознал, что опасения, которые он так презрительно высмеивал, были небезосновательны. Самолет был имперским оригиналом, созданным настоящими Agentus Механикус, но ему было уже двести лет. Вера в имперскую технику -- это одно, но вера в способность содержать эту технику в исправном состоянии -- совсем другое. Предшественники Солдрона, несомненно, крайне тщательно и аккуратно обслуживали технику, сохраняя дух и букву всех необходимых ритуалов, но двести лет -- очень долгий срок, чтобы защитить детали самолета от коррозии и усталости металла. Джел Моберг был

хорошо обученным пилотом, но насколько хорош может быть пилот, если его опыт настоящих полетов ограничивается лишь несколькими часами, и он никогда не удалялся от Состенуто больше чем на сотню миль?

«Я был слишком доверчив», подумал Мелькарт, удивляясь тому факту, что даже он мог совершить такую ошибку. «Я был слишком импульсивен, слишком безрассуден - и теперь, когда власть над целым миром так близка, я могу потерять все».

- Ты должен совершить посадку благополучно, - напряженно сказал он Мобергу. -- Что бы это ни было, ты должен посадить самолет в целости и сохранности.

- А как вы думаете, что я пытаюсь сделать? -- огрызнулся Моберг без всякого почтения. -- Я ведь тоже тут с вами сижу.

Самолет все еще трясло, но, казалось, потеря высоты не становилась более резкой. Мелькарт взглянул в узкое окно кабины, пытаясь рассмотреть, что внизу. Ночь уже давно наступила, и местность

внизу с такой высоты выглядела очень странно. Было видно очень мало огней -- ничего, что могло бы означать наличие более-менее значительного населенного пункта, хотя мелькнула пара-другая огоньков, которые могли быть освещенными окнами отдельных ферм. Мелькарт знал, что земли между фермами здесь были дикими, густо заросшими разнообразной местной растительностью.

Знал Мелькарт и то, что местные растения Гүльзакандры были мутировавшими, затронутыми варпом, тысячи или миллионы лет подвергавшимися влиянию скверны, присутствовавшей в свете солнца, лун и звезд, в самом воздухе. Раньше он никогда не видел больших зарослей этой растительности -- земля Калазендры была почти полностью занята местными жителями под сельскохозяйственные культуры задолго до того, как туда прибыла имперская экспедиция -- но он достаточно хорошо знал, что скрывалось в необозримом сумраке, расстилавшемся под

самолетом.

- Ты должен найти ровную местность, - сказал он Мобергу. -- Где-то, где ты можешь приземлиться.

- Я знаю, - ответил Моберг сквозь зубы. -- Но я ее не вижу.

- Я сообщил генералу Фүльбре сложившейся ситуации, ваше превосходительство, - доложил вокс-оператор. Его голос был более спокойным, хотя усилие, которое он прилагал, чтобы сохранять это спокойствие, было очевидным.

Внезапно Мелькарт услышал вопли из пассажирского салона. Сначала он подумал, что это, наверное, Форх окончательно потерял самообладание, но вскоре понял, что это голос Дейра Ажао.

- Огромное чудовище! -- вопил Ажао. -- Демон! Демон! Он разрывает небо!

Звездное небо над ними, на взгляд Мелькарта, казалось необычно тихим, и ничего его не разрывало -- но воздух, в котором летел самолет, становился все более беспокойным. Самолет швыряло вверх и вниз, ужасно трясло. Моберг,

казалось, боролся с управлением -- и проигрывал.

Теперь кричал и Солгрон, словно пытаясь заглушить Ажао. Он кричал что-то о парашютах, но Мелькарт не имел представления, что такое парашют. Техномагистры были хранителями различных таинственных устройств, предназначение которых, к сожалению, было забыто.

- Ты стожешь, Джел, - сказал Мелькарт, отбросив формальности. -- Ты стожешь сесть благополучно. Никто из нас не погибнет.

«За исключением этой гадюки Баалберита и безумца-псайкера», мысленно добавил он.

Мелькарт уже настолько отчаялся, что сам начал читать молитву, но Разана Баалберита он в ней не упоминал, хотя прекрасно знал, что под всевидящим оком Божественного Императора Баалберит мог казаться более благочестивым человеком.

Самолет больше не пикировал так резко, но продолжал терять высоту.

Сеперь можно было разглядеть злобеще
силуэты самых высоких из местных
растений, пугающие заросли которых
простирались во тьме, казалось, до
бесконечности.

- Да поможет тебе Император, Джел,
прошептал Мелькарт более искренне,
чем он сам мог предположить еще час
назад. - Да направит Он тебя на
безопасную посадку. Ты сможешь, Джел. Ты
пилот. Ты сможешь!

Но глядя, как темная бездна
оскверненной Хаосом пустоши
стремительно приближается, словно
чтобы поглотить их, Орлок Мелькарт все
более убеждался, что даже хорошо
обученный, но неопытный пилот не сможет
совершить посадку здесь.

«Будь ты проклят, Баалберит»,
подумал он. «Ты погубил нас всех».

ГЛАВА 23

ДАФААН успел еще раз поговорить с
Гавалоном, прежде чем колдун отдал
приказ атаковать противника. Сейчас
Дафан почти перестал бояться Гавалона,
хотя, когда колдун стоял рядом с ним,

иногда его присутствие казалось еще более пугающим, чем раньше.

Хотя зная Гавалона по-прежнему было свернуто, его глаза создавали впечатление, что они тоже могут испепелять взглядом, и мутации его плоти стали еще более заметными. Он был сейчас более страшным, чем Дафан мог даже вообразить, его кожа, словно плоскотное одеяло, была покрыта струнками проказы, пучками шерсти и змеиными чешуями.

- Ты чувствуешь присутствие Сатораэля? -- спросил Гавалон. -- Хотя бы представляешь, где сейчас может быть дэмон? Я должен выполнять приказы, которые были мне отданы, но они приведут нас всех к гибели, если Сатораэль не поможет нам.

Дафан уже несколько часов не думал почти ни о чем ином. Он пытался заставить себя впасть в транс, в котором была Гицилла, когда Нилуан впервые вступил с ней в ментальный контакт, но Дафан не обладал ее способностями, и не смог сделать это. Было некое ступенное,

едва уловимое чувство, которое он раньше никогда не испытывал, нечто где-то на грани разума, но любая попытка прояснить его, сосредоточиться на нем, давала противоположный результат.

- Я не знаю, - ответил Дафан. - Я хотел бы помочь, но не могу.

Гавалон нахмурился, его ужасное лицо стало еще более пугающим. Дафан согрознулся, решив, что вызвал недовольство колдуня, но глаза Гавалона не смотрели на него. Казалось, они искали какую-то другую цель, где-то далеко в бесконечности.

- Тогда мы должны найти другой способ использовать твой дар, - сказал колдун. - Может быть немного больно, но это недолго, и после ты станешь сильнее. Подожди.

Последнее, чего хотел бы Дафан -- подходить ближе к колдуну, особенно когда он в таком настроении. Но выбора не было. Дафан повиновался, стараясь не слишком угрожать от страха.

Гавалон положил свои страшные руки на плечи Дафана. Он делал так и раньше,

но не обе руки сразу и не тогда, когда Дафан стоял прямо напротив него. На этот раз Дафан знал, что колдун намерен заглянуть в него -- в его разум и душу -- и чувствовал, глядя в эти огромные, страшные, неестественные глаза, что взгляд волшебника не оставит его разум и душу прежними.

«Это может быть хуже, чем боль», подумал он. Тем не менее, он добровольно встретил ужасный взор Гавалона и добровольно впустил чемпиона Хаоса в свой разум и душу.

Дафан за пятнадцать лет своей жизни никогда не задумывался, насколько похож или не похож его разум на другие. Он не всегда был доволен самим собой, но всегда признавал, что он -- то, что он есть, и вопрос о том, что же именно он есть -- и что он есть по сравнению с тем, чем были другие -- даже не возникал, не говоря уже о том, чтобы над ним долго размышлять.

Теперь Дафан вдруг ощутил себя совсем иначе.

Внезапно он понял, что он -- очень хрупкое, уязвимое существо, которое

может быть просто стерто из бытия или
превращено в нечто совсем иное по
секундному капризу более сильного
создания. Он понял, что Гавалон Великий
может уничтожать существ, подобных
ему, одним лишь взглядом -- не совсем без
усилий, но достаточно легко -- и
единственная причина, по которой Гавалон
терпит его дальнейшее существование в
этом мире, лишь в том, что он может
быть полезен -- ненадолго, возможно на
день или два.

После этого он будет ничем, или
даже чем-то меньшим, чем ничто. Он
станет величиной не просто
незначительной или отрицательной, но
иррациональной или лживой. И полезен он
был не потому, что мог что-то сделать
сам по своей воле, но лишь потому, что
что-то было вписано в память его плоти
таинственным языком, которого он не
понимал -- что-то, что лишь использовало
его, словно он был песком, на котором
можно схематично что-то нарисовать, а
потом рисунок будет стерт временем или
ветром, или чем-то подобным -- легко и

беззвучно.

Было больно, и не только физически -- но Гавалон не солгал ему. Хотя колдовской взгляд вызвал удушье и тошноту, когда Гавалон отвел свой тучительный взор. Дафан ощутил, что в некотором смысле он действительно стал сильнее. Он в любом случае был близок к смерти -- он уже знал это -- и, увы, все еще не мог спокойно и равнодушно принять свою участь, но теперь он подошел на шаг ближе к тому равнодушию, которое позволяло принять проклятие с таким же спокойствием, как и смерть.

Теперь он начал понимать, что имел в виду дедон, когда в облике Сосуды говорил ему, что важно лишь то, как ярко может гореть жизнь, а не как долго.

Когда Дафан снова поднял взгляд, глаза Гавалона показались ему куда менее страшными. Казалось, волшебник был озадачен.

- Что там? -- остелился спросить Дафан. -- Что вы узнали?

- Я не понял, куда ушел Саторазель, или почему, -- признался колдун. -- Я не

знаю, почему демон не пришел ко мне раньше, или почему он хочет, чтобы я атаковал войска Императора до его прибытия -- но одно несомненно. Саторазель придет. Моя победа станет победой Перелен; мой успех -- успехом Великой Метаморфозы.

Это был не самый понятный ответ, но Дафан был рад, что получил его.

- Садись на коня, - тихо сказал ему Гавалон. - Время пришло.

Потом он повторил тот же приказ для остальных, несколько более громко. Приказ передавался по всему отряду без криков, почти шепотом -- не только всадникам, но и различным группам пехотинцев, которые успели подойти к ним.

Солнце уже приблизилось к западному горизонту. Дафан знал, что сумерки настанут быстро. Две луны уже взошли, и, судя по тому, что их свет нечасто был таким ровным, ночное небо будет необычайно тихим -- несомненно, тише, чем Дафан видел раньше, и, возможно, тише, чем когда-либо.

- Ну что ж, - сказал Абдалкүри, когда они с Дафаном сели на коней и поехали дальше вместе. -- Это будет необычная ночь, чтобы умереть, и еще более необычное утро, если кто-то из нас доживет до него. Ты готов?

- Да, готов, - ответил Дафан. -- Я не думал, что когда-то буду готов, но теперь я готов. Я мужчина и воин, уже не мальчик.

- Сколько себя помню, я был более чем просто человеком, - мрачно сказал раб-колдун. -- И уже не помню, был ли я когда-то мальчиком, но хотел бы я быть менее готовым, чем сейчас. Я бы пожелал тебе счастья, мальчик-ставший-мужчиной, если бы мог.

- А я бы поблагодарил тебя, - серьезно ответил Дафан, хотя и сам не был уверен, что он этим хотел сказать.

Конница двинулась вперед, все как обычно, хотя Дафан не видел сигнала. Его скакун быстро перешел с шага на рысь, потом на галоп.

Скачка, казалось, продолжалась необычно долго, сүтерки сгущались, и на

небе стали видны звезды. Они были неподвижными, безмолвными и прекрасными. Дафану, все еще ощущавшему последствия колдовского взгляда Гавалона, казалось, что он словно выскользнул из времени, и, хотя массивные копыта его разноцветного скакуна громко стучали по твердой сухой земле, Дафан чувствовал, что он как будто летит, становясь ближе к звездам, чем к земле.

Он взял винтовку с седла, держа ее в правой руке и подняв высоко над головой, словно чтобы показать ее своим спутникам -- но они сейчас скакали слишком быстро, чтобы оглядываться на него, и он сам мог бросить на них лишь быстрый взгляд, на секунду увидев, как они начали поднимать копыта и разворачивать знамена.

Он подумал, что развернутые знамена, должно быть, окажутся удивительным зрелищем, хотя в свете звезд, даже таком необычно ярком, невозможно будет оценить все многообразие их цветов -- красных и пурпурных, синих и розовых, золотых и

фиолетовых; но сам он не увидит этого зрелища во всем великолении, потому что скачет впереди него.

И наконец, Дафан увидел врага, и осознал, насколько близок к смерти.

Неподвижные звезды, которые не могли осветить всего великоления воинства Гавалона, были лишь эхом того ослепительно сияющего света, который направил на них противник -- но вражеские прожекторы включились не для того, чтобы разноцветные знамена были видны во всей красоте -- а для того, чтобы найти цели.

Дафан уже видел имперских солдат раньше, и стычки с теми двукратными маленькими отрядами подсознательно создали у него представление о том, насколько будет похожа бой. Теперь он понял, насколько ошибался. Фары грузовиков и пруда казались тусклыми, как свечи, по сравнению с этим множеством прожекторов, а сами грузовики выглядели лишь игрушками по сравнению с оружием и техникой, оказавшимися перед ним сейчас.

Здесь тоже были грузовики -- и

казалось, их было столько, что они заполняли весь горизонт -- но были и другие машины, гораздо более крупные и страшные. И были пушки. Даже до того, как они открыли огонь, Дафан понял, как много здесь пушек, и какой ураган огня они обрушат на атакующего врага.

«Это безумие!», внезапно подумал он, и его сердце содрогнулось. «Мы всего лишь люди на лошадях, и у многих из нас нет ничего кроме копий. А они... они -- Умперу!»

В первый раз он начал по-настоящему понимать, что такое Умперу, и что это значит в действительности, и почему это столь страшный враг даже для таких могущественных людей, как Гавалон Великий, которые с детства были более чем просто людьми, и владели таким ужасным оружием, как Знатя Губительного Ока и Роз Азони.

А потом пушки начали стрелять -- все сразу, и их грохот ударил по его ушам. К ослепительному свету прожекторов добавились многочисленные вспышки выстрелов, и воздух разорвали взрывные

волны и жар от бесчисленных разрывов. Казалось, просто невозможно, чтобы хоть кто-нибудь смог прорваться сквозь эту огненную бурю невредимым, и Дафан не сомневался, что очень многие из его спутников были убиты мгновенно, но он все еще мчался вперед, и продолжал скакать сквозь огонь, хотя на него хлынул ослепляющий свет прожекторов, и пылающий шторм угрожал поглотить его.

Когда Дафан в первый раз выстрелил с седла, отдача едва не сбила его с коня, но он, качнувшись, выправился и продолжал стрелять снова и снова.

Он не мог разглядеть людей во траке за прожекторами, но все равно стрелял, опрометчиво предполагая, будто врагов так много, что даже случайные выстрелы могут найти цель.

Он не видел знамени Абдалкури, но знал, где был раб-колдун — точнее, где он должен быть, если ужасный первый залп не разорвал его — и ощутил жар адского пламени, которое извергло его магическое знамя. Глаза Дафана, хоть и ослепленные светом, заметили неожиданно

изменившийся цвет белого сияния, а его оглушенные уши все же смогли услышать громкий треск огня в воздухе и вопли жертв волшебного оружия.

Дафан продолжал стрелять из своей трофейной винтовки, то туда, то сюда, а его лошадь, повернув, стала скакать по дуге. Животное больше не тчалося вперед галопом, но и не останавливалось, оно плясало и прыгало, и ритм его копыт был подобен танцу. Это создание обладало обманчивой внешностью, но чтобы создать оптическую иллюзию у врагов, оно должно было двигаться. Оно не могло стоять неподвижно — и Дафан был рад этому, ибо, когда вокруг повсюду бушевала смерть, сама мысль о неподвижности была невыносима.

Стоять неподвижно в таком аду означало ждать смерти, напрашиваться на смерть, смириться со смертью. А Дафан еще не был готов смириться со смертью, ибо его целью было убивать врагов, заставить их заплатить за его смерть как можно дороже.

И если Дафан еще раньше, по его

собственными оцущениям, словно
выскользнул из времени, то теперь он как
будто вырвался из пространства. Он
потерял чувство места, утратил связь с
ним, и казалось, мог быть где угодно в
безбрежном кипящем смятении боя, хотя
едва ли он мог проникнуть глубоко в
расположение позиций противника. Он
больше не был уверен, был ли он
крошечным карликом, или, может быть,
чужовищным великаном, или сияющие
огни, создавшие словно бесконечную клетку
света вокруг него — были они светлячками
или солнцатами? Было изумительно легко
мысленно представить себя крылатым
гигантом, воспарившим высоко над
битвой, упокаясь всем ее чудесным
пламенем и всею яростью, поглощая души
убитых, словно они были хмельным
напитком, опьяняющим вином
жертвоприношения.

Теперь, когда звезды стояли в небе
неподвижно, было потрясающе просто
забыть, что он был ничем, отрицательной
или мнимой величиной; и увидеть не-себя
несравненно более великим, чем он мог

когда-либо стать; не-себя, в чьем одном
лишь оторванном пальце было больше
разума, чем в любом глупом человекишке;
не-себя, которому было достаточно лишь
приложить ухо к его плечу, чтобы
заразить его скверной, которая пожрет его
душу; не-себя, который был все еще лишь на
полпути к Великой Метаморфозе;
который, словно эмбрион, лежал в сердце
мира, не две сотни лет, но две тысячи, и
теперь вырос, чтобы сгореть -- сгореть
всего за одну секунду, но так ярко, так
ярко...

Он разрядил винтовку и снова
перезарядил, и вдруг обнаружил, что
может разглядеть силуэты людей во
траке: людей, которые не видели его, или
хотя бы то расплывчатое цветное пятно,
которое маскировало его, и не могли
прицелиться в существо, подобное ему.

Он выстрелил и попал одному в рот,
разорвав его челюсть в клочья.

Он выстрелил еще и увидел, как его
пуля попала человеку в бедро, пробившись
сквозь жир и мышцы и разорвав бедренную
артерию.

Он выстрелил еще и убил, как его пуля срикошетила от пластины стальной брони и попала снайперу в глаз, которым он смотрел в прицел.

Он выстрелил еще и убил, как человек выронил лазерный пистолет и вцепился в живот, словно, пытаясь удержать внутренности, он мог удержать вытекавшую из него жизнь.

Он выстрелил еще и убил...

Он убил, как тень невероятно огромных крыльев упала на поле битвы, и понял, что Сатораэль действительно пришел, но не для того, чтобы помочь армии Гавалона, а чтобы насытиться ее безумным жертвоприношением, чтобы пиროвать душами убитых, и поглощать, и поглощать...

И Дафан понял, что имел в виду Гавалон -- хотя он не мог этого знать -- когда сказал, что одно несомненно: Сатораэль придет, и победа Гавалона станет победой демона.

А потом его конь рухнул под ним, и Дафан упал -- на этот раз куда более болезненно, чем во время стычки у фермы.

Он упал в тень этих ужасных крыльев, во тьму, которая почти позволяла ему снова видеть, в воздух, настолько тихий, что он снова почти мог слышать...

Он хотел бы полежать немного, секунду или две, чтобы собраться, но времени не было. Повсюду вокруг мелькали маленькие тени: враги, которые, несомненно, убьют его, если он первый не убьет их. Ему пришлось использовать свою винтовку как посох, чтобы парировать удар меча, а потом -- как дубинку, чтобы нанести ответный удар, и он знал, что бой будет продолжаться, пока он не погибнет, и, когда он упадет, то уже не поднимется.

Он подумал, что стало с Гавалоном и всей той магией, которую колдун так старательно берег для этого ужасного дня. Зная Губительного Ока, Роз Агонии и столько всего еще.

Он парировал еще один выпад мечом и снова ударил в ответ. Он ощутил силу удара и понял, что, должно быть, покалечил кого-то, но убийственная мощь, которой он владел так недолго, теперь ушла; он остался один, без коня.

потрясенный и ошеломленный. Вокруг было так много врагов, а у него осталось так мало сил...

Он ударил еще и еще, но ни во что не попал.

Потом он получил удар в спину и свалился.

Секунду он еще стоял на коленях, его руки были все еще протянуты вверх, словно они были крыльями, которые могли поднять его в небо, спасти из этой бездны смерти — но они не были крыльями, и Дафан рухнул на землю.

Он свалился лицом в грязную лужу. Он знал, что грязь смешана не с водой, а с кровью, потому что дождя здесь не было уже много дней.

«Интересно, что сейчас делает Тицилла?», подумал он. «Я молюсь всем богам, чтобы она была жива и невредима».

ГЛАВА 24

ТИЦИЛЛА осторожно подкралась к обломкам летающей машины.

Самолет снижался под таким углом, что мог бы совершить безопасную посадку, если бы земля была более подходящей для

посадки. Тот, кто ил управлял -- или не совсем управлял -- смог избежать наиболее густых зарослей, но как только колеса шасси коснулись земли, их шины лопнули. Одно колесо оторвалось, и левое крыло пропахало землю. Корпус машины резко развернуло, и крыло разломилось. После этого от удара раскололся сам корпус, и начал разваливаться, его части посыпались в разные стороны.

Сначала Тицилла сомневалась, что кто-то внутри летающей машины мог остаться в живых после такого крушения -- но когда шум и грохот затих, она услышала несколько приглушенных голосов. Кто-то только кашлял -- падение самолета подняло тучи пыли -- но другие жаловались или звали на помощь.

Тицилла не сомневалась, что Саторазель не зря сказал ей следить за небом -- и вот перед ней была причина этого -- но учитывая, что демон был необычно разговорчив, пока она сидела на его плече, она удивилась, что он не сказал ей, что следует предпринять, когда ожидается событие произойдет.

Летающая машина была, несомненно, имперского производства, значит, люди в ней, раненые при крушении, были, скорее всего, солдатами. Таким образом, едва ли она здесь для того, чтобы оказать им помощь. Значит она здесь затем, чтобы пережившие крушение пережили его ненадолго?

Это казалось наиболее вероятным предположением -- и вполне соответствовало ее собственным намерениям, поэтому она взяла нож наизготовку, подкрадываясь к первому из фрагментов разломившейся машины.

Это была средняя часть фюзеляжа самолета, от которой отлопились и носовая часть и хвост. Гицилла слышала голос лишь одного человека, раздававшийся откуда, и этот голос прерывисто звал на помощь -- прерывисто, потому что постоянно прерывался приступами мучительного кашля.

Когда Гицилла заглянула за разорванный край борта корпуса, металл которого разограло ударом с такой легкостью, словно это была плохая

сделанная ткань, она убила не одного, а двух человек, распростертых на бортовой части отсека, которая теперь стала полом. Оба они были еще живы, но ни один из них не мог подняться; они переломали конечности или получили сильные ушибы.

Тицилла двигалась быстро, едва обратив внимание, что только один из этих двух одет в военную форму, а другой носил что-то вроде одеяния священника. Она мгновенно с легкостью перерезала и глотки, надеясь, что никто не обратит внимания на то, что призывы о помощи внезапно прекратились, если кто-то вообще их слышал.

Она затаилась в похожей на трубу секции корпуса, пытаясь предположить, где могут быть остальные выжившие. Вероятно, управление летающей машиной размещалось в носовой части, и там должен был находиться как минимум один человек. Когда машина начала падать, другие, вероятно, побежали в носовую часть, чтобы узнать, что происходит. Вполне возможно, их всех раздавило, но кто-то мог и выжить. Тицилле показалось

более разумным обыскать сначала хвостовую часть.

И, приняв это решение, она быстро начала действовать.

Пригнувшись, она бросилась к хвостовой секции корпуса, обежав по пути несколько более мелких обломков. Она слышала голос, доносившийся оттуда, еще прежде чем войти в среднюю часть, но сейчас голос затолчал, и Тицилла приближалась к хвосту самолета очень осторожно.

Так как открытый конец хвостовой части был развернут в сторону от лунного света, внутри было темно, а вокруг еще клубились облака пыли, поднявшейся после падения самолета. Но даже так Тицилле понадобилось лишь несколько секунд, чтобы понять, что внутри остался только один живой; тело второго, плотного человека, молодого в гражданское, лежало в такой искривленной позе, что было очевидно — его позвоночник сломан.

С другой стороны, выживший, казалось, был почти невредим. Вероятно, он получил ушибы, но его конечности были

достаточно целы, судя по тому, что он
смог подойти к своему мертвому спутнику
и склонился над ним.

Гицилла из всех сил старалась
двигаться бесшумно, но все же, вероятно,
произвела какой-то шум, и выживший
повернулся в ее сторону, когда она была
еще в пяти или шести шагах. Он был
безоружен, и если бы Гицилла двигалась
достаточно быстро, она, вероятно, успела
бы ударить его ножом в горло или грудь,
прежде чем он смог бы что-то
предпринять -- но что-то заставило ее
остановиться.

Она не знала, что именно заставило
ее остановиться, пока не увидела
выражение его глаз: что-то вроде
узнавания, знания не только того, чем она
была, но и кем была -- и не только того,
кем она стала недавно, но и того, кем
была всегда.

Этот человек был Сновидцем
Мудрости. Он видел ее раньше, в своих
видениях.

И она вдруг поняла, что тоже видела
его. Этот факт уже ускользнул из ее

памяти, но когда она увидела этого человека, то вспомнила.

До сих пор Гицилла не подозревала, что у Империи могут быть свои Сновидцы Мудрости, и даже сейчас она с трудом могла поверить в это. Ей говорили, что калазенгранцы ненавидят все в жителях Гүльзакангры, особенно их связь с тирами за пределами этого мира.

Поэтому ее первым предположением было, что это, вероятно, пленник, которого везли против его воли.

И она подумала, не за этим ли послал ее сюда Сатораэль? Неужели она здесь для того, чтобы спасти, а не чтобы убивать?

- Кто ты? -- спросила она тихим и напряженным голосом.

В ответ человек уставился на нее с нарастающим ужасом.

- Ведьма! -- произнес он наконец, голосом куда более напряженным, чем у нее. -- Адское отродье! Чудовище!

Гицилла поняла, что ее первое предположение было ошибочным. Очевидно, у Империи все же были свои Сновидцы Мудрости, которые, вероятно, считали

своих «коллег» из Гүльзакандры злом -- но еще оставалась крупница сомнения. Он узнал ее, и она узнала его. Они видели друг друга в своих видениях, и их судьбы были связаны. Разумеется, он понимал это так же, как и она. Или...?

Гицилла знала, насколько она изменилась с тех пор, как к ней впервые прикоснулся Сосуд Сатораэля, и знала, что даже ее земляки, деревенские жители, среди которых она выросла, пришли бы в ужас, увидев, как жутко она мутировалась. Они бы тоже могли назвать ее чудовищем, хотя не ведьмой и не адским отродьем -- вероятно, это были калазенгранские оскорбления. И поэтому она еще не знала, что делать дальше. Ей все еще казалось, что этот Сновидец -- именно этот -- может быть зачет-то нужен Сатораэлю, и поэтому его стоит оставить в живых.

В любом случае, он был безоружен и не пытался схватить оружие с трупа человека со сломанной спиной.

- Как тебя зовут? -- спросила Гицилла. Она знала, что имена заключали в себе власть. Если он скажет ей свое имя,

возможно, она сможет обладать какой-то властью над ним, как Гавалон над порабощенными колдунями. Возможно, именно так их судьбы связаны?

Но он не собирался говорить ей -- и она медлила слишком долго.

Она ощутила, как что-то холодное и металлическое прикоснулось к ее шее. Голос совсем рядом с ее ухом прошептал:

- Брось нож!

Она подумала о том, чтобы резко повернувшись, попытаться выбить оружие из руки противника и вонзить нож ему в живот, но знала, что он разнесет ей голову, если она не подчинится.

Она бросила нож, но осталась настороже, готовясь схватить его снова, как только представится возможность.

Повернувшись, она увидела человека, поймавшего ее. Как и Сновидец Мудрости и его мертвый спутник, он не был одет в военную форму. Как и еще один человек, стоявший позади него, вытирая кровь с пореза на лице.

Человек, направивший на нее пистолет, был одет, как показалось

Тицилле, в необычно строгом стиле, вероятно, он был поборником дисциплины и истинным защитником порядка. Но был, однако, в его глазах странный блеск, в котором Тицилла узнала что-то вроде родственного духа. Возможно, этот человек тоже был затронут, если не Саторазелом, то чем-то подобным. В его духовной броне была трещина: некая неукрепленность, оставлявшая пространство для замыслов и уловок ее бога, словно червь в бутоне.

Но Тицилла понимала, что это ни в каком случае не делало его менее опасным. В действительности, скорее наоборот.

- Застрели это чудище! -- потребовал человек с раной на лице. -- Я не знаю, что оно такое, но ради Императора, Раган, убей эту тварь! Мои охранники все мертвы или искалечены, Моберг и вокс-связист тоже. Мы не можем рисковать. Убей тварь!

- Это она, - задумчиво произнес человек с пистолетом. -- Она мутант, но еще очень молода, несмотря на то, что такая высокая -- она почти ребенок.

- Чем бы это существо ни было, оно опасно. Если это не из-за тебя и твоего безумного псайкера упал самолет, то, наверное, из-за нее. Убей ее!

- Мы не знаем, из-за нее или нет, ответил человек по имени Раган, с неким подобием призрачной улыбки. -- Даже если и так, она может быть полезной. Ты можешь говорить, отродье? Ты понимаешь мой язык?

- Конечно, я могу говорить, презрительно ответила Гицилла. -- Какой еще язык я могла бы знать?

- Губернатор Мелькарт прав? -- и желая глубинность спросить человек с пистолетом. -- Это ты сбила самолет? Тебя стоит застрелить, прежде чем ты уничтожишь нас своей магией?

Гицилле на секунду хотелось сказать, что это она сбила самолет, но все же она решила, что разумнее было бы не казаться слишком опасной, вопреки ее пугающему внешнему виду. Человек с пистолетом еще два дня назад был бы выше ее более чем на фут, но теперь она была выше на фут. Она была очень тонкой и худой, но и он тоже.

Он не стал убивать ее по какой-то причине. Похоже, он действительно думал, что она может принести пользу. А так как падение летающей машины вызвала неона, значит, это мог сделать он, как, вероятно, подозревал его спутник? Если так, может быть, он тоже пешка Саторазля, хотя, возможно, и не подозревает об этом?

- Я пришла посмотреть, не смогу ли чем-то помочь, - сказала она, надеясь, что они не видели, как она добила раненых в средней части корпуса.

- Чувствуй, - сказал человек, которого Раган называл губернатором. -- Ты же видишь, что она мутант. Раган. Это работа инквизитора -- очищать мир от таких как она.

Но крайней мере, как подумала Тицилла, он перестал называть ее «оно».

- Зачем ты спрашивала его имя? -- спросил инквизитор.

- Она ведьма, - сказал Сновидец Мудрости, стоявший теперь позади нее. -- Губернатор прав, сэр. Она опасна. Она псайкер, куда более сильный, чем я.

- Псайкер, - повторил человек с
пистолетом, словно в этом было все дело.
- Так я и думал.

Тицилла поняла, что он боится ее не
меньше, чем оба его охваченных ужасом
спутника -- возможно, даже больше -- но его
страху противостояло что-то еще.

И это что-то было не храбростью,
если суждение Тициллы о столь чуждом
существе могло быть верным, но
отчаянием.

- Пристрели ее, - снова потребовал
губернатор. -- Почему ты ее не убьешь?

- Посмотри на небо, Орлок Мелькарт,
- сказал инквизитор. -- Две луны светят
ярко, как всегда, но звезды видны во
множестве. Скажите, ваше
превосходительство, что вы видите?

Человек, к которому он обращался, не
ответил, но другой прошел мимо нее на
открытое пространство и, запрокинув
голову, посмотрел в зенит.

- Они стоят неподвижно! -- воскликнул
илперский Сновидец. -- Варп-шторм
прекратился! Я стогу сейчас... наверняка
стогу! Я устанавливаю контакт с Илперским

Флотом!

- Думаю, ты стожешь, - сказал человек с пистолетом. -- Несомненно, мы должны попытаться -- и, может быть, они ответят на наш призыв о помощи. Однако я думаю, не обратят ли они на нас больше внимания, и не отнесутся ли к нашему призыву более серьезно, если услышат больше, чем один мысленный голос?

- Не будь идиотом, Раган, - сказал губернатор. -- Эта тварь тебе не поможет. Она же мутант, и скорее вызовет сюда колдунов и демонов.

- Они не придут - сейчас, когда перед нами армия Фүльбры, и не до того. Конечно, она не поможет, сир -- по крайней мере, добровольно. Но насколько она стожет контролировать свои силы, когда окажется под действием наркотика? И насколько она стожет или управлять, если ввести ей усиленную дозу? Псайкеры, действующие вместе, обычно теряются, даже если они близкие души в том, что касается верности Инквизиции и Императору -- но даже растерянность и смятение могут принести пользу. Если мы

стожем послать зов о помощи флоту, это прекрасно -- но если вместе с ним будет звучать крик ярости и агонии, разве это не подчеркнет наилучшим образом всю срочность и серьезность нашей ситуации?

- Ты с ума сошел, - сказал Орлок Мелькарт.

Тицилла не ожидала, что будет в чем-то согласна с имперским губернатором, но тут он был прав.

- Нет, - сказал имперский Сновидец. -- Пожалуйста, сэр, нет! Вы не понимаете. Это уничтожит меня. Сэр, она разорвет той разут так же легко, как разрушился этот самолет. Не надо. Убейте ее, сэр! Пожалуйста, убейте ее!

Тицилла внезапно поняла, словно с запозданием вспомнив некий обычный факт, каким-то образом ускользнувший из ее памяти, почему Саторазель говорил ей следить за небом, и что именно она должна была сделать.

Человек, которого губернатор называл Раган, сейчас достаточно расслабился, чтобы Тицилла могла увернуться от него, если он попытается

стрелять -- и она не сомневалась, что успеет схватить нож и выпотрошить его прежде чем он сделает второй выстрел. Инквизитор или нет, он явно не представлял, с чем имеет дело. Страх и ужас, который должен был подсказать ему, что делать, теперь сменился растерянностью. Сейчас не он, а Тицилла контролировала ситуацию -- или, точнее, ее контролировал Саторазель, управляя посредством плоти, несшей его метку.

- Он прав, - тихо сказала Тицилла. -- Если ты хочешь, чтобы я и он вошли в видение вместе, мне не нужно знать его имя, чтобы войти в его кошмары и разорвать его на части. Не имеет значения, услышат его предсмертный вопль на костических кораблях или нет: они все равно не придут. Но если вы позволите мне уйти, у вас будет шанс дожить до старости -- в Калазендре, если сможете найти путь обратно.

- Мы легко можем вернуться обратно, - заявил губернатор. -- Войска Фүльбры недалеко, и когда бой начнется по-настоящему, они выиграют его за пару

часов. Мы вернемся вместе с победоносной партией, хотя и не так быстро, как я рассчитывал. Пристрели ее, Раган. Просто пристрели ее.

- Пожалуйста, - прошептал псайкер.

- Все, чего ты хотел, Орлок Мелькарт, - сказал человек по имени Раган, - лишь быть правителем Сигматуса. Тебе было плевать, как идет война против Хаоса, и ты бы предпочел, чтобы мы никогда не установили контакт с Имперским флотом, ведь тогда бы тебе пришлось разделить свою власть с теми, кто достоин облагать ею. Но час Империи грядет - не той тусклой тени, которую ты называешь Империей, но Истинного Империи; Империи всего человечества. Великий Империи узнает о том, что происходит здесь, и что происходило последние два столетия. Командиры кораблей будут знать, что было сделано, и что нет, и что должно быть сделано. Я никогда не был более уверен в своей правоте, чем сейчас. Слава Императору Великолепному!

Эта речь, хотя по-своему волнующая,

гала Мелькарту время привести в
исполнение свой план. Он присел, как будто
для того, чтобы проверить кожу на своих
сапогах, но к его ноге была пристегнута
кобура, и в ней был пистолет, далеко не
такой большой, как оружие инквизитора,
но на таком расстоянии это не имело
значения.

Но едва Мелькарт выхватил свой
стаб-пистолет, инквизитор повернулся и
выстрелил в него.

Теперь Гицилле точно хватило бы
времени подбросить нож, и она вполне
могла убить и Сновидца и инквизитора, но
она не двигалась.

Орлок Мелькарт успел лишь
ошеломленно посмотреть вниз, на рану в
своем животе, прежде чем упасть. Он
тяжело опустился в сидячее положение, и
секунду или две казалось, что он сможет
выстрелить из своего оружия — но ранение,
хотя и не убило его сразу, было слишком
болезненным.

Хотя стабган был легким, рука
губернатора опустилась под его
тяжестью, и Мелькарт упал на бок.

Какой-то рефлекс заставил его подтянуть колени к груди, и он лежал почти в позе зародыша. Его левая рука вцепилась в рану, словно пытаясь остановить кровотечение, а правая упрямо сжимала в кулаке маленький пистолет.

- А теперь, - сказал инквизитор, несомненно, гутая, что облагает мой властью, которую только что пытался продемонстрировать, - посмотрим, что можно сделать для того, чтобы исправить катастрофическую ситуацию в этом мире, охваченном скверной и безумием. Даже если это будет означать Экстерминатус, мы все равно исполним наш долг перед Императором и человечеством!

ГЛАВА 25

ДАФАН, к своему удивлению, обнаружил, что больше не лежит лицом в грязь. На секунду он даже подумал, что утонул.

Когда-то, когда он был совсем маленьким, его мать посадила его в бочонок с водой, чтобы помыть. Целая бочка воды была редкостью в деревне, где

даже зимой дожди шли достаточно редко, чтобы наполнить водокачку и бочки для сбора воды хотя бы наполовину, но таковы были капризы погоды, что каждое пятое или шестое лето разражалась сильная буря, и за несколько часов выпадала месячная норма осадков, создавая тем самым временный избыток воды. Хотя такие бури были губительны для растений на полях -- особенно если волна попала в соломенную крышу водокачки -- в деревне существовали древние обычаи на предмет использования лишней воды, и одним из этих обычаев было купание детей.

Сначала маленький Дафан очень возмущался неудобствами, причиняемыми этим ритуалом, но когда он устал плакать, то обнаружил, что в этом положении есть забавные и интересные особенности. Так как он был маленький, а бочонок большой, Дафан мог поднять ноги от дна на секунду или две, и размахивал руками, чтобы удержать голову над поверхностью -- и в таком положении он ощущал себя невесомым. Это было странно приятное ощущение, но он увлекся и

пытаясь снова встать на ноги, потерял опору. Его ноги поскользнулись, голова ушла под воду, и он совсем потерял равновесие. Он отчаянно размахивал руками, но эти движения, казалось, загоняли его еще глубже -- и когда он открыл рот, чтобы закричать, рот мгновенно наполнился мыльной пеной водой.

Конечно, его мать вытащила его, и держала его вниз головой, пока он не откашлял всю воду из легких -- а когда возможность искупаться представилась в следующий раз, Дафан уже так вырос, что едва влезал в бочонок. Но этот момент между падением и спасением, когда время словно остановилось, и кажущаяся невесомость его тела трансформировалась в нечто более глубокое: плавучесть, невесомость не только тела, но и души. Когда его мать потом сказала ему, что он едва не утонул, он мгновенно соединил это до сих пор незнакомое ему слово с тем удивительным моментом вне времени и всеохватывающим чувством невесомости

и плавучести, не только в бочонке, но и в великом море жизни.

Сейчас, когда кровавая грязь набилась ему в рот и затекала в легкие, Дафан чувствовал, что снова тонет, но теперь, когда он был не ребенком, а уже мужчиной, он знал, что утонуть значит умереть.

Он не боялся умереть. Однажды он уже пал на поле боя, считая себя мертвым, и знал -- или думал, что знал -- что утирать далеко не так мучительно, как утверждают некоторые. Но его первые опыты почти-утопления и столь недавний опыт почти-смерти имели больше отношения к текущей ситуации, чем он думал. После того, как прошло еще десять или двадцать секунд, он понял, что не утонул и не умер, потому что нечто иное сыграло роль его матери, спасшей его, когда он был маленьким -- что-то выдернуло его из удручающей грязи и стало вытряхивать липкую жидкость из его легких.

Это нечто держало его в громадной когтистой лапе, когти которой сжали его плечи и ноги. Слово он был мышью,

схватенной когтями совы или орла -- но не как добыча.

Но крайней мере, не как обычная добыча.

Дышать было куда больнее, чем тонуть, а жить -- куда мучительнее, чем умирать, но все равно он был благодарен. Но, как бы то ни было, он не ожидал, что сможет летать, и тот факт, что он сейчас действительно летел, казался неким чудом жизни, благословением, дарованным, прежде чем тонор судьбы, наконец, опустится на его мощную шею.

Он не видел, что схватило его и унесло с поля боя, потому что тень этого существа на фоне звезд была невероятно громадной, но Дафан все же знал, что это было, и единственный вопрос, который у него возник: «Почему?»

«А почему бы и нет?» - единственный ответ, который он получил -- или думал, что получил. Он не обладал даром Сновидца Мудрости и не мог связать свое сознание с разумом Сатораэля, но демон коснулся его, и некая часть его души была связана с Сатораэлем сильнее, чем Дафан

мог представить.

Без Гавалона, который мог бы направить могучий, но слишком юный разум демона в речь, Дафан не мог слышать слова Сатораэля, но некая часть чувств демона, которая была за пределами любых слов, текла прямо в ту часть сущности Дафана, что состояла из инстинктов и эмоций.

Благодаря этому Дафан достаточно хорошо понимал, где он был и чем он стал, хотя сознательная часть его личности — часть, которую он считал своей истинной сущностью — оставалась при этом лишь отстраненным наблюдателем.

И этот наблюдатель видел бой с высоты. Хотя он был окутан мраком, он все же мог видеть многое из того, что происходило на земле, хотя и отрывочно. Он видел происходившее в свете все еще включенных прожекторов, в пламени вспышек выстрелов имперского оружия, и в странном лирическом сиянии волшебных знамен и штандартов, которые были самым сильным оружием его стороны. Он видел многое из того, что не мог видеть,

когда тчался в битву на своем
разноцветном скакуне. Он видел, что
трофейные грузовики действовали как
тараны, в самоубийственных атаках
врезаясь в имперские танки. Он видел, как
ассасины в маскировочных плащах
прокрадывались в темные ряды имперских
машин, избегая обнаружения имперскими
солдатами. Он видел, как подбирали
оружие убитых имперцев, чтобы
вооружить им резервы Гавалона. Он видел,
как выжившие лошади своими рогами
пронзали лица вражеских солдат или
потрошили упавших.

Он видел безутное стяжение —
чудовищный лихорадочный вихрь насилия и
ненависти, который был бы чистым,
безраздельным хаосом, если бы не
дисциплина и порядок имперской армии,
которая не только обладала машинами,
но, казалось, и сама была машиной.
мегамашиной с механизмами внутри
механизмов внутри механизмов, чьи
невидимые шестеренки и рычаги были
результатом четкой организации и
строгого разделения труда и полномочий.

Маги, против которых действовала эта мегамашина, были бесконечно более разноцветными, но с высоты, с которой видел их сейчас Дафан, они были похожи на червей, пожирающих труп, безумно и беспорядочно, движимых лишь слепым инстинктом выживания: крошечные частицы алчности.

Теперь Дафан видел Гавалона Великого во всем его колдовском могуществе. Он видел смертоносные лучи Губительного Ока, иссушавшие плоть на костях тех, кто пытался атаковать Гавалона. Он видел, как действовал Рог Агонии — хотя и не слышал его звука — куда более ясно, чем тогда на ферме. Он видел, как звуки рога превращали людей в таранеток, управляемых болью, перехватывая нервные импульсы от мозга к конечностям и затопляя нервы вспышками адской боли.

С таким оружием в своем распоряжении Гавалон мог считаться непобедимым, но Дафан видел, что отнюдь не все так просто. Он не сомневался, что большинство людей

окаменели бы от ужаса при одной лишь мысли о том, чтобы столкнуться с подобными вещами. Целые армии от такой угрозы разбежались бы в панике -- но Имперская армия, хотя люди, ее составлявшие, были в течение многих поколений изолированы от настоящего. Империя -- эта армия была наследницей традиций, воодушевлявших ее солдат и внушавших убеждение, что разрушительной силе Хаоса должно противостоять любой ценой, сокрушить ее и уничтожить.

Имперские солдаты были хорошо обучены, но было нечто большее, чем просто обучение в их упорной решимости не поддаться страху и панике. Это были люди, которые знали, каким слабым и уязвимым делает человека паника, и были решительно намерены не покоряться ей. Солдаты погибали во множестве, пытаясь добраться до Гавалона, который казался как будто неуязвимым для их огня, но новые бойцы, встававшие на место убитых, не прекращали своих попыток и не прекращали стрелять.

И, глядя, как имперские войска
штурмуют позиции Гавалона, Дафан
понял, что имел в виду колдун — или,
точнее, демон, использовавший его голос —
когда говорил, что имперские солдаты
настоящие герои. Они герои потому, что
способны сохранять дисциплину даже перед
лицом грозных сил Хаоса; они герои,
потому что готовы пойти на любые
жертвы, чтобы победить этого врага. Они
не выбирали этого, потому что у них не
было выбора; они делали то, что было
необходимо. И в конечном счете их
упорства хватило, чтобы истощить всю
силу, хитрость и магию Гавалона.

Дафан видел, что в Гавалона
попадали пули, снова и снова. Он видел, как
колдун скакал по полю боя, срубая врагов
своим огромным клинком и используя всю
свою магическую силу иллюзий, чтобы
избежать ответных ударов. Дафан не мог
сосчитать, сколько солдат убил Гавалон
магией и грубой силой, но видел и ощущал,
что силы Гавалона постепенно тают, и
резервы его магии подходят к концу.

А враги продолжали атаковать его.

Дафан наконец понял причину, по которой мог видеть все это так ясно — потому что демону был интересно, и он разделял с Дафаном это частично-магическое восприятие, хотя их мысли и сознательные реакции не были связаны. Демону был интересен Гавалон — но демон не собирался помогать ему. Демон и его создатель с самого начала считали, что Гавалон должен умереть. Саторазель и его творец не хотели, чтобы имперцы убили защитника Гүльзакандры с легкостью, но и спасти его вовсе не собирались.

Единственным, кого Саторазель унес с поля боя, был Дафан. И, как предполагал Дафан, демон сделал это не для того, чтобы спасти его, а лишь в результате рефлекса, из-за их подсознательной общности. Несомненно, было в этом что-то подобное тому, как мать Дафана вытащила его из бочонка, но мать вытащила Дафана, чтобы спасти его, потому что она его любила.

Для Саторазеля такого чувства как любовь не существовало.

Дафан достаточно общался с

Гавалон и его порабощенными колдунями, чтобы понять, чего Гавалон ожидал от демона, пришествие которого он так тщательно подготавливал. Гавалон ожидал, что демон спасет Гүльзакангү от имперской угрозы, спасет почитателей бога Гүльзакангры от истребления имперцами. Гавалон ожидал помощи в своей войне, спасения от своей беды. Возможно, Гавалон всегда знал, что бог, чьей милости он искал, не был любящим богом, возможно даже, не был и честным богом — но все равно Гавалон верил, что имеет право молить его о помощи в трудный час, и имеет право надеяться, что эта помощь придет.

Дафан понимал сейчас, что эти надежды и ожидания были абсолютно иллюзорны. Саторазель был здесь по своим делам. Он пришел, бросив свою огромную тень на поле битвы, не для того, чтобы дать помощь, но чтобы получить ее. Война на земле давала новые силы Саторазелю и приближала его окончательную метаморфозу куда больше, чем та странная пища, которую пожирал

Нилуиан.

С точки зрения Сатораэля -- точки зрения, которую знал теперь и Дафан, хотя никогда не спрашивал об этом -- все смерти там, внизу, были жертвоприношениями, и для божественного замысла, частью которого являлся Сатораэль, не имело ни малейшего значения, на чьей стороне были утиравшие там люди.

- ... и будут жертвы, - говорил Нилуиан, когда он был еще лишь Сосудом. -- Будут жертвы. И я доставлю корабли...

Гавалон хотел быть Гавалоном Великим. Он стремился получить в награду демоничество. Он решил стать чемпионом Хаоса -- но бог, которому он поклонялся, хотел лишь жертвоприношений: жертвы его плоти; и жертвы его жизни; и, вместе с ним, жертвы тысяч других жизней.

То, что бог Гавалона оказался столь вероломен, не должно было удивить Гавалона, как не удивило это и Дафана. Но что удивило Дафана -- невероятная страсть бога Гавалона к смерти и

разрушению.

Дафан понял, что этим и был Саторазель: орудием разрушения. Любое различие между теми, кто поклонялся его создателю, и их беспощадными врагами было для демона лишь чисто тактическим вопросом. Бог Гавалона испытывал такую неуголимую страсть к разрушению, что даже миры имели для него лишь тактическое значение. Голод этого бога нельзя было утолить, даже пожрав всю вселенную.

И единственное, что мешало ему пожрать вселенную -- Империя Человечества.

Дафан видел, как умер Гавалон, и понял значение его смерти. Он видел и понимал это потому, что демон, частью которого он случайно стал, испытывал интерес и к самому факту смерти Гавалона и к его значимости -- не потому, что именно эта смерть была особенно важна, но лишь потому, что демон, воплотившись в материальном мире, получил при этом способность испытывать интерес, и ему было приятно

уделить крошечную часть своего
бесконечного разума этой способности.

Умирая, Гавалон Великий стал всего
лишь Гавалоном Отвратительным. Когда
вся его магическая сила истощилась, нули-
рвавшие его мутировавшую плоть, начали
обратъ свое. Он истекал кровью и от
внутренних кровотечений и снаружи из
десятка ран, однако продолжал держаться
в сегда прямо и рубил направо и налево
своим страшным клинком. Но теперь его
удары рассекали лишь пустой воздух, не в
силах найти цели, которые словно украли
у него способность к уклонению.

Его ужасные глаза горели яростью и
ненавистью, но в его взгляде больше не
было колдовской губительной силы. Скорее
напротив: зрелище его чудовищного лица,
теперь искаженного болью и страданием,
ободрило атакующих врагов, добавив им
больше решимости застрелить или
зарезать колдуна.

В конце концов, его зарезали.
Циперский солдат, убивший его,
израсходовал все патроны к винтовке, но
это не заставило его отступить или

испытаться очевидно превосходящей силой чемпиона Хаоса — и крик триумфа, сорвавшийся с его уст, когда он всадил свой нож в грудь Гавалона, пронзив сердце колдуна, был свидетельством, что солдат точно знал, кого именно он убил.

Но тень демона, подсчитывающего жертвы, простиралась над ними, и это сделало победу солдата менее чем незначительной.

Дафан уже стирился со своей судьбой, со знанием того, что едва ли он переживет битву имперцев с защитниками Гүльзакандры. Его мать, скорее всего, уже мертва, его деревня полностью разрушена, вся его жизнь обращена в руины. Тому, что он сейчас еще жив, он обязан лишь капризу судьбы, которая свела его с Сосудом Сатораэля. Он знал, что Гицилла была права, считая, что выигрывает каждую секунду жизни с тех пор, как они освободились из имперского плена у пруда. Но теперь Дафан начал сомневаться в том, такой ли уж это выигрыш.

«Если мир — только то, что я вижу».

думал Дафан, «то он умрет вместе со мной. И мне не стоит думать о том, что будет с миром после того, как я умру. Если в нем уже сейчас не осталось ничего из того, что было мне дорого, тем больше оснований не слишком задумываться о его дальнейшей судьбе. Даже Гицилла уже не та, которую я когда-то любил; она стала частью демона, и связана с ним сильнее, чем я. Но человек не просто живое существо само по себе. Он есть результат жизни своей семьи, своей деревни, своего мира и всей истории человеческой расы. Он — хозяин всего этого наследия, и если он считает себя истинным человеком, то должен принять на себя ответственность перед всеми наследниками, которые будут после него. Если человек — действительно человек, он не может считать, что после его смерти уже ничто не будет иметь значения. Он не должен быть равнодушным лишь потому, что его ждет смерть».

Я внутри демона, и демон внутри меня, и если бы не это, я был бы уже мертв. Но если я человек, то я должен думать о человечестве, а не о демоне — а я

человек. Я уже не ребенок, которому грозит опасность утонуть, уже не мальчик, от которого взрослые скрывают тайны его народа. Я человек. И все люди, которые умирают там, внизу, наследники того, что делает меня человеком, и их жертва -- моя жертва, независимо от того, какой бессознательный импульс заставил демона взять меня в свой тракт. Голод демона -- не мой голод, и никогда не будет, потому что этот голод хочет пожрать само человечество, и каждый человек -- настоящий человек -- должен ему противостоять»

Дафан подумал, что это была прекрасная речь, хотя и произнесенная лишь мысленно, и ни одно человеческое ухо не слышало ее. Но какое она имеет значение, если никак не повлияет на последующие события?

Что это как не зря потраченная мысль, напрасно испытанная боль?

Что в сложившейся ситуации он может сделать, даже со своей парадоксальной природой?

ХОТЯ со стороны противника было бы ужасной ошибкой атаковать позиции, на которых остановилась армия в ожидании прибытия самолета Мелькарта, Церий Фүльбра предпринял все необходимые предосторожности, чтобы его не застали врасплох. И когда противник все-таки атаковал, солдаты Фүльбры были своевременно предупреждены и быстро заняли оборону. Вражеские войска, устремившись вперед, попали в настоящий ураган огня: огня куда более опустошительного, чем могли вообразить эти дикари из сбродной армии Гавалона, не говоря уже о том, чтобы такое видеть.

Сначала, когда Фүльбра занял свой пост в командном танке с высокой башней, он подумал, что эта атака -- не что иное, как страшная тактическая ошибка, порожденная абсолютно неверным представлением. Он наблюдал за атакой в перископ, который достаточно было повернуть на тридцать градусов в любую сторону, чтобы получить панорамный обзор всех позиций. В свете прожекторов

бронемашин, стоявших на первой линии обороны, Фүльбра видел, какое действие произвели на противника первые залпы, и был весьма доволен.

Нелено разноцветная вражеская кавалерия оказалась неожиданно подвижной целью, удивительно удачно промчавшись сквозь град снарядов, не следовавшие за ней пехотинцы в полной мере приняли на себя ураган взрывов и осколков. Они умирали как мухи, и первые известия яров, которые они преодолели с того момента, как пушки открыли огонь, стоили им таких потерь, что Фүльбра уже почти был уверен, что одержит победу через несколько минут. Лишь когда поле зрения генерала заслонили его же тяжелые танки, а уцелевшие атакующие подошли настолько близко, что их не стало видно за рядами бронетехники, выстроившимися впереди, как стены — тогда равновесие боя начало колебаться.

Три оператора, обслуживавшие вокс-аппараты в передней части узкой кабины, сначала молчали — пока не было ни новых приказов от командующего, ни срочных

донесений ему. Но когда действия по
заранее разработанному плану обороны
достигли предельного напряжения, начали
поступать первые сообщения о потерях -- и
вскоре эти сообщения хлынули сплошным
потокот.

Два полковника -- заместителя
фүльбры смотрели на кое-как сделанную
импровизированную карту имперских
оборонительных позиций. Составление
карты было чисто рутинной обязанностью,
но сам факт начавшейся атаки явился
неопровержимым доказательством того,
что неукоснительное выполнение
рутинных обязанностей -- очень важная
вещь.

Фүльбра, трижды постучав карте,
сказал:

- Их кавалерия, судя по всему,
разделена на три основных группировки.
Если им продолжит так же везти,
наибольшее напряжение возникнет в этих
пунктах. Усилить вторую линию обороны
на всех трех участках. И убедитесь, что у
нас хватит сил закрыть разрыв хотя бы
на двух участках, если он образуется.

Галера и Дуамбор не имели опыта маневра крупными силами в обороне; весь их довольно большой опыт состоял из наступлений, осад и преследований, которым не противостояло ничего серьезнее спешно организованных неэффективных засад. Однако они участвовали во множестве полевых учений и штабных игр, и знали, как применить полученные теоретические знания на практике. Вокс-связисты начали передавать приказы командирам частей, имперские войска стали сосредотачиваться, укрепляя пункты обороны, которые казались наиболее уязвимыми. Теперь с переговой начала поступать информация о потерях, причиняемых вражеской магией.

- У них есть какие-то магические устройства, стреляющие огнем, - доложил связист Дуамбора. - И что-то, что высушивает плоть прямо на костях, забирая из тела всю жидкость.

- Как они производят такое действие? - спросил Фүльбра.

- Это как-то связано с их цветными

знаменами, - ответил связист Гатера. --
Может быть, эти флаги - просто сигналы
или маркеры, но похоже, именно они
связаны с источниками разрушительной
силы.

- Надо приказать снайперам выбивать
их знаменосцев, - мгновенно предложил
Гатера. -- А сами знамена уничтожать
огнемётами. Я видел такие штуки в
Зенгаторе, хотя лишь пару раз. Дальность
их действия невелика.

Фүльбра знал о магических знаменах
не только от своих людей, но и от
псайкеров Баалберита. Он знал, что с
этими знаменами можно успешно бороться
-- но последнее сообщение от отряда,
направленного на поиск каких-либо следов
операции «Зонг», не упоминало никаких
знамен.

- У них есть и другие колдовские
орудия, - сказал он. -- Пусть стрелки не
слишком долго целятся -- нам нужно быть
в состоянии отреагировать на
неожиданные действия противника, если
они будут предприняты.

- Самые тяжелые потери, похоже,

здесь, в центре, - сообщил связист
Дуамбора.

Фүльбра немедленно вернулся к
перископу, повернув его в том направлении,
куда показывал Дуамбор. На секунду он сам
увидел два знамени, на одном было
изображение огромной когтистой руки с
глазом на ладони, на другом - только один
огромный страшный глаз. Яркое
раскрашенная ткань знамен сияла
сверхъестественным светом, и из глаз на
них исходили лучи, казавшиеся ярче любого
прожектора.

Линзы перископа, над которыми при
их полировке было прочитано много
молитв, должны были защитить Фүльбру
от действия этой магии, к тому же он
увидел эти страшные знамена лишь на
мгновение, и все же он ощутил, как словно
некая взрывная волна прошла сквозь его
разум, угрожая разорвать саму ткань его
сущности. Но на помощь Фүльбре пришла
дисциплина: дисциплина и вера в
справедность и необходимость его дела.
Фүльбра хорошо видел, что солдаты,
смотревшие на знамя - особенно те, что

оказались близко к нему -- не могли столько же упорно сопротивляться колдовству.

Некоторые из них стояли неподвижно, как будто парализованные ужасом, некоторые падали на землю, бормоча что-то, словно охваченные неодолимым страхом. Никто из них, как показалось генералу, не был поражен насмерть, но он сомневался, что они смогут прийти в себя достаточно быстро, чтобы успеть снова взяться за оружие -- а тем временем разукрашенная с шутовской разноцветностью кавалерия колдунов обрушилась на них, и беспомощные жертвы были изрублены или заколоты.

Огонь в этом секторе фронта велся самый интенсивный, и казалось невероятным, что знамена врага все еще развеваются и странные рогатые лошади все еще скачут по полю боя, но фюльбравигел, что их ряды наполнились пехотинцами, которые все-таки смогли преодолеть поле смерти. Лишь у немногих было огнестрельное оружие, и большинство его составляли простые ружья, но даже те, кто был вооружен только клинками,

теперь подошли достаточно близко, чтобы причинить урон, и они уже обходили ряды бронетехники, составлявшей первую линию имперской обороны.

- Усилить центр, - приказал Фүльбра. -- Едва ли им хватит сил, чтобы попытаться обойти нас, но держите наготове резервы на обоих флангах, на случай если они все-таки что-то готовят.

Ему пришлось отойти от перископа, он был слегка ошеломлен этой своей первой встречей с магией Гүльзакандры. Как и Гатера, он служил в Зендагоре, и там сталкивался с магией, но лишь в небольших стычках, и никогда в таком бою, от которого столько зависело.

- Вы смотрели на небо, сэр? -- спросил Дуамбор.

Единственное, куда не позволял смотреть перископ -- на небо, и Фүльбра так и собирался раздраженно ответить полковнику -- но Дуамбор -- не Гатера, и если он хотел привлечь к чему-то внимание генерала, значит, для этого была причина.

Люк в башне был открыт, чтобы в
машину проникал свежий воздух, и в него
был виден маленький круглый кусок неба.
Невооруженным глазом можно было
разглядеть не больше десятка звезд, но
этого было достаточно, чтобы Фүльбра
понял, что хотел сказать Дуамбор.

Звезды не двигались, и их свет был
чисто белым.

- Баалберит был прав, - прошептал
он. -- Варп-шторм прекратился. Но надолго
ли?

- Возможно, поэтому они и
атаковали, сэр, - сказал Дуамбор. --
Должно быть, они боятся неподвижности
неба так же, как нас пугает его движение.
Даже если они ничего не знают о варп-
штормах, вероятно, они знают, что звезды
были неподвижны, когда Улпериум впервые
пришел на Сигматус. Для них это должно
быть страшное знамение.

В этот момент десяток звезд вдруг
исчез во тьме. Что-то заслонило их на
несколько секунд. Было трудно из узкого
люка разглядеть форму и величину
закрывшего их объекта, но Фүльбра сразу

понял, что объект этот, должно быть, огромных размеров, и поэтому не может быть, что это самолет Мелькарта, прибытия которого Фүльбра ожидал -- и который, похоже, уже давно не выходил на связь. Но если это не самолет, то что это может быть?

- Что-то в небе над полем боя, - сказал он своему связисту. -- Пусть солдаты на тыловой позиции попытаются рассмотреть, что это, и доложат мне.

Вокс-оператор передал приказ и стал ждать.

- Они не могут сказать точно, сэр, - сообщил он наконец. -- Некоторые говорят, что это что-то похожее на птицу, другие говорят, что оно похоже на летающего паука -- но оно чертовски громадное. Даже если оно лишь в нескольких сотнях футов над землей, оно больше, чем что угодно на планете способное летать. А если оно еще выше... некоторые говорят, что оно очень высоко, почти среди звезд, но это просто неправдоподобно.

- Может быть, это корабль? -- взволнованно спросил Фүльбра.

Имперский костический корабль?

Но он понимал, что едва ли это корабль, подобный тем, чьи пустые корпуса были выставлены на обозрение в Состенуто. Если это корабль, то совсем непохожий на них. Но кто здесь, на Сигматусе, может знать, сколько разных кораблей есть в Имперском флоте?

Радость от этой мысли вскоре сменилась сомнением, порожденным иной мыслью: кто на Сигматусе может знать, сколько разных кораблей есть во флотах, враждебных Империи? В информации, сохранившейся от первых колонистов задва столетия, упоминалось об эльдарах и флотах-ульях тиранидов, но никто из ныне живущих на Сигматусе не знал, что в точности означают эти названия, или сколько еще подобных сведений было утрачено.

В любом случае, была вероятность, что гигантская тень над полем боя — тень врага.

— Оно стреляет в нас? — спросил Фүльбра. — Или его присутствие оказывает какой-то магический эффект?

Ему вдруг пришла в голову мысль, что эта тень может быть громадным знаменем, самым мощным из всех колдовских знамен, которому достаточно только попасть в свет имперских прожекторов, чтобы его ужасная магия пришла в действие.

- Пока нет, сэр, - ответил вокс-связист. -- Оно просто кружит над полем боя, словно проявляет любопытство. Только...

- Что только?

- Техножрецы докладывают, что псайкеры пришли в сильнейшее возбуждение.

- Разумеется -- мы сражаемся в величайшем бою с еретиками Хаоса, который только видел этот мир. За последние полчаса против нас применено больше магии, чем за последние полвека. Я бы удивился, если бы у них не было припасов.

- О, у них есть припасы, сэр. Но техножрецы не понимают ничего из того, что они пытаются сказать. Полная бессмыслица. Техножрецы считают, что

тут что-то не так.

- Это же техножрецы! - вмешался Гатера. - Конечно, они считают, что что-то не так. Но мы все равно побеждаем. Слава Императору Великолепному, мы побеждаем!

Фүльбра вернулся к перискону, а Дуамбор поддержал мнение Гатеры, хотя и более рассудительно. Больше не было видно двух магических знамен с изображениями глаза, исчезла и экзотическая кавалерия, столь успешно атаковавшая имперские позиции в начале боя. Фүльбра видел все еще сражавшихся врагов, но каждого из них уже окружали имперские солдаты. И убивали одного за другим.

Конечно, враги еще сопротивлялись -- Фүльбра видел, как падали его солдаты, некоторые раненные, а некоторые мертвые. Но имперцы больше не отступали, и на место каждого убитого солдата становился другой. Оборона держалась и была по-прежнему прочной. Вражеская армия вложила всю свою силу в эту атаку, подобную урагану, но теперь

ураган рассеялся, и от него не осталось ничего кроме нескольких еще не затихших порывов.

- Бой почти закончен, сэр, - сказал Дуамбор. -- Они совершили самоубийство.

В устах Гамеры это была бы фигура речи, но Фүльбра знал, что слова Дуамбора имели буквальный смысл. Атака была самоубийственной: атаковать такое количество бронетехники, расположенной на так тщательно подготовленных позициях было абсолютным безумием. Противнику было бы куда более разумно вести партизанскую войну, заманивать в засады небольшие отряды имперских войск, выбирая подходящее поле боя, быстро наносить удары и исчезать среди этих странных лесов.

Если бы так называемый Гавалон «Великий» решил вести партизанскую войну, завоевание и умирение Гүльзакандры могло бы растянуться на годы. Конечно, даже так он не смог бы одержать победу -- как только были бы установлены надежные маршруты снабжения, имперские войска могли бы

получать подкрепления и усиливаться, пока не стали бы совершенно неодолимой для тугецев силой — но, по крайней мере, тогда Гавалон сильно затруднил бы их задачу.

Вместо этого он совершил самоубийство.

Почему?

На секунду Фүльбра задумался, стоит ли вообще задаваться такими вопросами, когда имеешь дело с колдунами, но это был слишком легкий ответ. Должен быть какой-то смысл, пусть и извращенный, в том, что совершил Гавалон. Почему он действовал столь безрассудно — словно завтра уже не наступит, и думать о будущем не имеет смысла?

Фүльбре оставалось лишь вернуться к предположению, что это из-за того, что варп-шторм прекратился и звезды в небе неподвижны. Чем бы ни была та странная тишина над полем боя, для Имперского флота теперь путь свободен, чтобы прийти на помощь маленькому «Империяту» Сигматуса — и если путь свободен, псайкер Баалберита, должно

быть, уже связанся с флотом.

«Как доволен будет имперский командующий, когда узнает, что я совершил сегодня», подумал Фүльбра. «Этот тщеславный глупец Мелькарт воображает себя будущим правителем мира, но когда Империя вернется, Мелькарт будет ему не нужен. Несомненно, я стану тем, кто больше всего выиграет от восстановления контакта. Даже Баалберит сумел проявить свою верность Империи довольно жалким образом. Но я одержал победу -- победу именно такого рода, какие больше всего ценятся в Империи! Возможно, я буду служить генералом в масштабах звездного Империи!»

Звук выстрелов постепенно затихали, и, наконец, настала тишина.

- Самоубийство, - повторил Дуалбор. - И этим они нам сильно помогли, несмотря на все наши потери. Если бы они настолько не упростили нам задачу их уничтожения, мы могли бы потерять в три или даже в пять раз больше людей.

- Их глупость всегда была нашим

преимуществом, - заметил Гатера. -- У них нет нашей дисциплины, нашей веры, нашей чистоты и целеустремленности...

- Тень в небе все еще видна? -- спросил Фүльбра вокс-оператора. Он смотрел на круглый кусок звездного неба, видный в люк, но небо было куда больше.

- Нет, сэр, - ответил связист. -- Она исчезла.

- Хорошо, - сказал Фүльбра.

И вдруг десяток звезд, видный из люка, снова что-то заслонило. Фүльбра едва успел подумать, что тень вернулась, или что наблюдатели, утверждавшие, что она исчезла, ошиблись, но его тренированные рефлексy уже реагировали на опасность, прежде чем сознание успело зафиксировать ее.

Когда гүльзакангранский ассасин прыгнул в башню, держа клинок, готовый ударить, правая рука Фүльбры выхватила пистолет из кобуры на поясе.

Как только ассасин приземлился, Фүльбра выстрелил.

Человекоподобная тень рухнула, словно это действительно был всего лишь

сгусток мрака, появившийся из бесконечной
тьмы за пределами солнца. Нож безвредно
лязгнул о пол башни.

«Я герой!», подумал Фүльбра.

Конечно, в определенном смысле он и
раньше был героем, которому
принадлежит заслуга эпохальной победы,
но в убийстве врага своими руками было
что-то, требовавшее особого героизма -- и
Фүльбра не сомневался, что даже люди,
командующие звездными кораблями и
покоряющие целые миры, поймут это.

- Ну что ж, - сказал он с напускным
спокойствием. -- До рассвета у нас еще
много работы. И лучше нам покинуть эту
позицию, как только прибьет чертов
самолет, прежде чем тут станет
невыносимо находиться из-за вони трупов.
Скоро искоренение зла начнется по-
настоящему.

ГЛАВА 27

КОГДА бой закончился, и войска
Гүльзакандры были истреблены, тень,
кружившаяся над полем боя, улетела, и
Дафан по-прежнему был зажат в ее
когтистой лапе. Крылья Сатораэля были

теперь так огромны, что одного их взмаха было достаточно, чтобы взлететь высоко в небо. Дафан почувствовал, что замерзает. Воздух, который он втягивал в легкие, казался разреженным и обжигающе горячим — но звезды не становились больше; они были слишком далеко.

Взмыв высоко в небо над полем боя, Саторазель развернулся и начал долгое снижение.

Дафан слышал шум воздуха в огромных пернатых крыльях демона и знал, что испытываемое им чувство невесомости было лишь иллюзией. Саторазель был далек от невесомости; он был чудовищно тяжел. Если бы он упал с той высоты, на которую ненадолго поднялся, то врезался бы в поверхность планеты как метеорит, оставив огромный кратер. Несмотря на свою страшную тяжесть, он был грациозным и элегантным существом, и глаза Дафана, привыкнув к звездному свету, могли разглядеть бронзовый блеск оперения демона и сияние его желтых глаз.

Саторазель мог быть красивым.

несмотря на свою громадную лысую голову и чудовищный клюв, но особый блеск в его глазах придал ему выражение беспредельной жестокости и бесконечного высокомерия. Ничего более в нем не оставалось от Сосуда; и тело и душа Нилуана были пожраны окончательно.

Его снижение стало более крутым. Внизу не было видно огней, по которым можно было различить, где находится земля, и Дафану казалось, что они спускаются в необъятную бездну тьмы. Но когда Саторазель снова выровнял полет, Дафан заметил проблеск света на горизонте, слабый и мигающий, но, несомненно, дело рук человека.

Это были костры на земле, и когда Саторазель полетел к ним, почти скользя над поверхностью, Дафан смог их сосчитать: их было пять.

Дафан не сразу догадался, что Саторазель хочет опустить его на землю, чтобы он выполнил какое-то мелкое поручение демона. Он не мешал себе иллюзией, что именно по этой причине Саторазель унес его с поля боя. Демон

определенно не нуждался в нем для исполнения этой части своего плана, но раз уж Дафан оказался у него, демон снизошел до того, чтобы его использовать, лишь потому, что так было проще.

«Ты ее любишь», прошептал демон, не нуждаясь в том, чтобы произносить слова вслух. «Я на мгновение дарю ее тебе. Она твоя, спаси ее и наслаждайся ею».

Но демон прекрасно знал то, что знал и Дафан — Гицилла уже совсем не та, которую он когда-то любил, и что бы он ни сделал, он сделает это по другим причинам.

Дафан понимал это потому, что лишь подсознательная часть его разума слилась с разумом демона, а сознание осталось свободным. И поэтому у него была власть не подчиниться демону, если бы он так решил. Он все еще сам управлял своим телом, своими движениями — но сейчас он не натеревался проявлять свою индивидуальность. Пусть Гицилла была уже не та, которую он любил, это все же была Гицилла. Если она нуждалась в его помощи, он должен помочь ей. Если ее

нужно спасти, и у него есть такой шанс, он спасет ее.

Он даже был признателен демону за эту возможность, зная, что Саторазэль с легкостью мог бы сделать это и сам.

«Я все еще человек», напомнил себе Дафан. «Я все еще Дафан, сын Оры, ученик патера Салтаны и друг Гициллы. Я человек, я мужчина, и мне есть чем гордиться».

Он даже не споткнулся, когда Саторазэль опустил его на землю, хотя Дафану пришлось пробежать еще почти десяток шагов, чтобы замедлить скорость. Он едва не врезался в колючие заросли, и догадался очень осторожно срезать с них ветки, чтобы замаскироваться, прежде чем приблизиться к некоему подобию арены, вокруг которой горели эти пять костров.

Когда он отдышался и подполз ближе, то смог найти другое укрытие — за обломками какой-то огромной машины, которые были рассыпаны вокруг.

Внутри пентаграммы, образованной пятью кострами, находились четыре

человека, один из них был тяжело ранен. У него было огнестрельное ранение в живот.

Дафану не приходилось видеть смертельных ранений до столкновения с солдатами в деревне, но он слышал жуткие истории, утверждавшие, что самые страшные раны -- в живот, потому что смерть от них была медленной и очень мучительной. Этот раненый, похоже, был того же мнения; хотя он находился в сидячем положении, опираясь спиной о толстый кактус, он, казалось, не обращал никакого внимания на трех других людей. Его глаза были закрыты и, казалось, он полностью погрузился в глубины собственного страдания. Дафан видел, что человек с бледным лицом не хотел утирать и отчаянно цеплялся за эту недолгую, полную боли жизнь, что ему еще оставалась, но Дафан понимал -- возможно, потому что понимал Самораэль -- что утирающий вполне осознает, какова будет цена его упорства.

Не удивительно, что раненый не заметил тени Самораэля и не почувствовал ветра, поднятого его

крыльями, но Дафан был изумлен, увидев, что другие двое, кажется, тоже не заметили, что пролетело мимо них.

Один из этих двоих явно был руководителем происходившего мунритыала. Он был высокий и худой, и держал пистолет так, что было ясно — он более чем готов им воспользоваться. Он нетерпеливо шагнул туда-сюда, внимательно глядя на остальных троих. Вероятно, он посмотрел вверх, когда Саторазель пролетал над ним, и, возможно, почувствовал движение воздуха от толкающих крыльев, но, похоже, он не позволял себе испытывать удивление, полностью сосредоточившись на более важном деле, которому он посвятил все свои намерения, все амбиции, всю фанатическую одержимость.

Дафану показалось, что Тицилла и третий человек не требуют большей бдительности для наблюдения за ними, чем раненый. Они тоже сидели, спиной к спине, казалось, вполне спирно. С виду они не были ранены, но казались слабыми и отстраненными. Их руки вяло висели

голова туловища, а глаза были полужакрыты и не обращали никакого внимания на происходящее. Если они находились под действием наркотиков -- а Дафан был уверен в этом, потому что в этом был уверен Саторазель -- то вполне могли справиться со своим состоянием. Оба они знали о появлении Саторазеля, но никто из них не отреагировал на это зримо или слышимо -- один был парализован ужасом, а другая исполнена чувства радостного облегчения.

Они тоже ждали -- и Дафан едва успел спрятаться в дюжине шагов от них, как стали очевидны первые признаки того, что их ожидание подходит к концу.

Пять костров горели ровно, их пламя было уютно желтым, но сейчас оно начало изменять цвет. Один костер, оставшийся желтым, стал более ярким и насыщенным; другие начали гореть красным, синим, зеленым и фиолетовым. Их пламя трещало и плясало, словно раздуваемое невидимыми течениями.

Ночь была довольно теплой, но внезапно, словно покрывало, стал

опускаться холод; как будто все это место
оказалось перенесено в тот разреженный
холодный воздух, в котором летел
Саторазель, прежде чем принести Дафана
сюда. Вдруг раздался звук бьющегося
стекла, хотя Дафан не видел, что могло
разбиться.

- Сейчас! - сказал человек с
пистолетом. - Момент настал. Возьми
ее силу, Дейр. Забери ее себе. Доза,
которую я ей дал, парализует ее мозг и
убьет ее через час, но пока она жива, ее
сила будет твоей. Возьми ее! Используй ее!
Заставь силы зла служить делу добра!
Флот там; тебе нужно только закричать,
чтобы быть услышанным. Кричи, Дейр!
Пошли крик о помощи, который услышат
сквозь световые годы. Приведи корабли,
Дейр! Приведи их сюда как можно быстрее!
Скажи им, что нам очень нужна их
разрушительная мощь: что здесь скверна,
которую надо искоренить!

Закончив свою речь, высокий человек
присел рядом с раненым и ударил его по
лицу. Этот удар должен был привлечь
внимание раненого, но тот лишь еще

сильнее зажалурил глаза. Человек с пистолетом настойчиво ударил его еще раз.

- Не бойся, Орлок, - прошипел он. -- Все будет как должно. Все. Фүльбра одержит победу, а Дейр Ажао вызовет сюда флот, чтобы закрепить ее результаты. Верховный Инквизитор Сигматүса никогда больше не подвергнется риску быть сраженным пулей наемного убийцы. Все прекрасно -- слава Императору Великолепному! Все на своих местах -- в том числе и кусок свинца в твоих кишках. Я знаю, почему ты так внезапно решил лететь сюда, Орлок. Ты хотел забрать всю славу победы себе, чтобы утвердиться в глазах своих сторонников как настоящий правитель мира, избранник судьбы. И я знаю, почему ты позволил мне занять место на борту самолета: потому что ты хотел убить меня, пока я далеко от моих грузей в Калазендре. И Дейра ты тоже хотел убить, чтобы тебе не пришлось отдать власть тем, кто обладает большими полномочиями. Но теперь все будет должным образом. Все. Можешь

закрывать глаза, если хочешь, Орлок Мелькарт, но ты не сможешь спрятаться от знания того, что происходит здесь. Ты чувствуешь это в воздухе? Чувствуешь мощь, разрывающую громадные бездны пространства и времени? Слышишь плач тира-младенца, зовущего своего могущественного родителя? Разве не видишь ты, даже во тьме своего ограниченного разума, как рушатся все твои мечты и амбиции, отмеченные скверной? Я знаю, ты видишь, Орлок. Я знаю, ты чувствуешь.

Пока высокий человек с пистолетом неистово ораторствовал, Дафан внимательно смотрел на двух Сновидцев Мудрости — ибо ему не нужна была подсказка разума Сатораэля, чтобы понять, что человек, с которым Тицилла сидела спиной к спине, был одним из имперских Сновидцев Мудрости.

Тицилла, находясь под действием наркотика, казалась расслабленной и спокойной. Имперский Сновидец, напротив, теперь очень напрягся, и его руки больше не висели расслабленно вдоль туловища.

Ох словно свело болезненной сугорогой -- и эта болезненная напряженность, схватившая его тело, очевидно, была не только внешней, но и внутренней, потому что из его носа хлынула кровь, а его лицо начало светиться фиолетовым светом, почти невидимым для человеческого глаза. Его глаза, светившиеся ярче всего, начали закатываться, они стали полностью белыми, не было видно ни зрачка, ни радужки. Дафан предположил, что имперский Сновидец -- Дейр Ажао, как называл его высокий человек с пистолетом -- должен быть, ослеп и, наверное, больше никогда не сможет видеть.

Когда слепой Сновидец начал что-то бормотать, высокий человек прервал свою речь и, бросившись к Сновидцу, приложил ухо к его губам.

- Путь свободен, - бормотал слепой. -- Путь свободен, и очень нужна помощь. Здесь мир, который вопиет об искуплении. Здесь мир, который молит о воссоединении с Человечеством. Здесь мир, который нуждается в имперском оружии и имперской дисциплине. Здесь мир, полный

дущ, ждущих спасения, мир, полный дущ,
жаждущих служить Императору всеми
своими силами, мир, утешающий о помощи
перед лицом страшной угрозы, мир,
который кричит -- помогите, помогите,
помогите...

Возможно, мир, от имени которого
говорил Дейр Ажао, продолжал бы кричать
о помощи еще больше, если бы что-то
незримое не схватило имперского
Сновидца за горло. От удущья он не мог
говорить, его глаза вылезли на лоб, изо
рта хлынула пена.

Высокий человек приставил
пистолет к голове Гициллы, закричав:

- Не трогай его, ведьма! Он вершит
дело, угодное Императору. Не мешай ему
забрать твою силу и даже не пытайся
заглушить его крик о помощи, или я
вышибу тебе мозги. Ты уже ничего не
сможешь сделать. Сообщение прошло, и
корабли придут. Ты ничего не сможешь
сделать.

Но Дафан видел, что высокий человек
очень ошибается. Дафан знал, что в
действительности происходило здесь.

Сейчас он видел больше, чем кто-либо -- больше даже, чем Саторазэль, несмотря на способность демона знать мысли каждого человека в мире.

Дафан видел больше потому, что он жил, а Саторазэль -- нет. Умение мыслить не было для Дафана недолгим и чудесным даром свыше; он владел им естественно. Не имело значения, каким могущественным разумом обладал Саторазэль, демон мог управлять им, лишь повинувшись своим секундным капризам и рефлексам. Дафан знал, насколько невежественным он был по сравнению с этим имперским безумцем, и насколько ограниченной была его способность мыслить и рассуждать, но все же он был человеком и поэтому понимал неизменную реальность разума -- надежды, терпения, желания, ответственности, ярости, спокойствия, самоутверждения и самосовершенствования -- гораздо лучше любого демона.

И поэтому сам Дафан, а не примитивная часть его подсознания, понимал, как теперь шла Узра -- и каковы

были ставки в ней.

Дафан также понимал, что высокий человек вполне способен выполнить свою угрозу и застрелить Гициллу прежде чем она сможет собраться и воспользоваться даром, который он, хоть и непреднамеренно, дал ей. Дафан был готов предположить, что Гицилла, возможно, больше не настолько человек, чтобы ее убил передозировка наркотиков, но он точно знал, что Гицилла все еще достаточно человек, чтобы пуля в мозг убил ее наверняка.

У Дафана не было оружия, но он обладал преимуществом внезапности.

Когда Дафан бросился вперед, человек с пистолетом не увидел и не услышал его. Внезапно его увидел раненый — он все-таки открыл глаза, словно кто-то подсказал ему, и сосредоточил взгляд на бегущем silhouette — но Орлок Мелькарт и не думал о том, чтобы предупредить своего убийцу. Он был вполне доволен тем, что видел.

Дафан врезался в высокого человека со всей силой, толкнув его плечом. Противник был заметно выше и тяжелее,

несмотря на свою мощную фигуру, но главным фактором было то, что он совсем не ожидал нападения и потерял равновесие. От удара он упал на землю; пистолет вылетел из его руки, отскочив в пыль, и отлетел на пять или шесть ярдов, оказавшись ближе к ноге раненого, чем к его конвульсивно сжатому кулаку.

Высокому человеку стоило бы попытаться снова схватить пистолет, пока Дафан еще не пришел в себя от столкновения. Он не добрался бы до пистолета без помех, но он мог дотянуться дальше и, отбиваясь от Дафана, выиграть несколько драгоценных секунд, чтобы схватить оружие. Но его подвели рефлексy, или просто он принял ошибочное решение -- он бросился на Дафана, уверенный, что сможет справиться с этим мальчишкой.

Он ошибался, думая о Дафане как о всего лишь мальчишке, не зная, что Дафан пережил за последние два дня. Умперец не мог знать, какой силой обладал теперь Дафан -- и Дафану понадобился лишь еще один шаг назад и полуборот, чтобы

восстановить равновесие и приготовиться к рукопашному бою. Когда высокий попытался свалить его ударом в голову, Дафан присел и ударил кулаком в живот имперца со всей силой, которую придал ему гнев.

Рука Дафана не обладала достаточной тяжестью удара, чтобы свалить противника, но удар, несомненно, был болезненным и заставил врага потерять хладнокровие. Высокий быстро ударил снова, но беспорядочно, и Дафан с легкостью уклонился. Зато когда Дафан пнул противника в пах, его удар полностью достиг своей цели.

Дафан сожалел о дважды упущенной возможности стеснить свои грубые баштаки на трофейные имперские ботинки высокого качества, но ему не пришлось сожалеть о прочности работы деревенского сапожника, когда противник скорчился на земле от боли. Не разочаровался Дафан в мастерстве давно уже мертвого несчастного сапожника, и когда впечатал баштак в лицо высокому, сломав ему нос и подбив глаза.

После этого у Дафана было достаточно времени, чтобы подойти к пистолету и подобрать его.

Раненый в живот по-прежнему смотрел на него.

- Ты кто? -- спросил его Дафан.

- Я Орлок Мелькарт, - ответил тот прерывающимся голосом. -- Планетарный губернатор. Император этого мира.

Должно быть, ему стоило огромных усилий произнести последнюю фразу, но он все же произнес ее. Он сделал это с выражением человека, решившего во что бы то ни стало произнести эти слова, пусть даже они оказались бы последними словами в его жизни -- и даже если они были абсолютной ложью.

- Значит, это ты отдавал приказы, - бесцветным голосом произнес Дафан. -- Ты приказал уничтожить деревню.

Он мог читать мысли этого человека, возможно, потому, что их мог читать Саторазель, и сразу же понял, что ответ одновременно «да» и «нет».

Нет, Орлок Мелькарт не отдавал приказ Церию Фүльбре послать солдат

через Янтарную Пустошь, чтобы они
уничтожили деревню, которая называлась
Огуенн. Если кто-то и должен нести
ответственность конкретно за это
решение, то вина лежит на Рагане
Баалберите -- высоком человеке, с
которым игрался Дафан, или на Дейре
Ажао -- немудром Сновидце Мудрости, и
оба они были здесь.

Но да, Орлок Мелькарта
действительно был губернатором этого
крошечного осколка Умперуэма,
затерявшегося во тьме и сбившегося с
пути, не осознавая даже насколько; и в
определенном смысле все приказы в этом
«Умперуэме» были приказами Орлока
Мелькарта.

Дафан застрелил Мелькарта, всадив
ему пулю между глаз, и зная, что кто-то
угодно мог бы считать это убийством из
милосердия -- кто угодно, кроме самого
Орлока Мелькарта.

Потом он выстрелил в голову Дейру
Ажао, зная, что слепой Сновидец
Мудрости вполне мог бы считать это
убийством из милосердия, если бы он был в

состоянии осмыслить это.

Потом он обернулся, чтобы застрелить Баалберита.

- Слишком поздно, - прошипел высокий человек, хотя говорить ему было едва ли легче, чем Мелькарту. -- Сообщение прошло... и звезды в небе неподвижны. Корабли придут, и они очистят... очистят эту планету от тебе подобных, еретическая лрась... Ты проиграл... а я выиграл...

Он не спрашивал имени Дафана, потому что ему было все равно, кем был Дафан. Ему не было интересно ничье имя в Түльзакандре; для него все, кто не разделял его убеждений, были лишь паразитами, которые недостойны иметь имя. Но совсем по-иному он думал о своем имени -- имени Рагана Баалберита.

Выстрел, убивший Рагана Баалберита, был таким же, как и остальные: быстрым и четким завершением необходимого дела - убийства. Но сначала Дафан сказал ему:

- Несчастный дурак, это был обман. Это был обман с самого начала. Ловушка

была расставлена задолго до того, как ты
родился, задолго до того, как твои предки
высадились в Калазендре. А теперь
ловушка сработала, и это ты привел ее в
действие. Демон ждет, твои корабли
обречены, и это сделал ты, Раган
Баалберит. Ты совершил все это.

Он хотел бы, чтобы Баалберит умел
читать мысли -- тогда инквизитор
убедился бы без твоего сомнения, что это
все правда, но инквизитор не мог читать
твои мысли так же, как не хотел знать его
имя.

Наконец, Дафан повернулся, чтобы
потомить Гицилле. В конце концов, именно
для этого он был здесь.

ГЛАВА 28

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, когда Сновидение
Мудрости развернулось, подобно
светлолюбивому цветку внутри ее
сущности, Гицилла сосредоточилась на
том, чтобы постараться казаться
маленькой.

Конечно, она знала, что ей придется
отдать часть своей силы не слишком
мудрому Сновидцу Баалберита, чтобы он

умел донести свое сообщение до Имперского флота, но она не хотела рисковать тем, что псайкеры, получившие сообщение, могли понять, что пославший его не управляет своим разумом. Она знала, что они могли обнаружить влияние тупезного наркотика, который дал Сновидцу его повелитель, но Тицилла надеялась, что этот факт может сработать в ее пользу и замаскировать некую необычность ментального крика о помощи Дейра Ажао.

Поэтому она должна была казаться маленькой и незаметной. В своей внутренней сущности она так же выросла, как и в физической, с тех пор, как прикосновение Сатораэля наградило ее этим даром, но она могла казаться маленькой, и обладала мастерством, чтобы использовать этот талант.

И когда Ажао установил телепатическую связь с псайкератом флота, Тицилле пришлось приложить искусные усилия, чтобы казаться абсолютно пассивной, позволяя сознанию псайкера, слившемуся с ней, течь сквозь

нее, не вызывая никакой реакции. Это было нелезко, ибо в основном ей пришлось учиться этому прямо в процессе.

Хотя Раган Баалберит считал себя настоящим имперским инквизитором, а своих помощников-священников по настоящему учеными людьми, и более того, очень хотел, чтобы его псайкеры могли стать настоящими астронатами, двести лет изоляции на Сигматусе не позволяли даже должным образом завершить обучение Дейра Ажао, не говоря уже о том, чтобы связать его душу с душой Императора. Дейр Ажао был негодным инструментом, его способности приходилось усиливать местными наркотиками, чтобы позволить ему уловить хотя бы слабейшие проблески теленативных сигналов с имперских кораблей. Сам он даже с помощью наркотиков никогда не смог бы добиться, чтобы астронаты флота услышали его, потому что действие наркотиков было слишком изменчивым и непостоянным, слишком хаотическим, но Дейр Ажао этого не знал.

Не знал этого и Раган Баалберит.

Скорее всего, не знали этого и астронавты, которым адресовался его крик о помощи.

Единственный способ, которым Дейр Ажао мог передать сообщение Имперскому флоту -- позаимствовать силу того, чья душа уже была крепко связана -- но не обязательно связана с Императором. Сейчас Раган Баалберит думал, что сумеет организовать своему псайкеру это преимущество, но он сильно ошибался. Даже роль Гавалона Великого была совсем незначительной. Но то, что происходило сейчас, являлось кульминацией игры, первые ходы в которой были сделаны еще столетия назад.

Это был ее блистательный финал, ее ключевая ловка. И похоже, она сработала. Корабли приближались. Они ответили на призыв Рагана Баалберита.

Или...?

Дейр Ажао связывался с астронавтами, а не с командирами кораблей или командующим флотом. Тицилла видела ситуацию так, как

видели ее имперские псайкеры -- но они тоже были только пассивными орудиями, всего лишь инструментами связи.

Возможно, корабли приближались, чтобы оказать помощь Калазенгре: чтобы укрепить слабое эхо Умперу́та, уцелевшее здесь вопреки всему, и снова принять потерянных братьев в великий Умперу́т. А возможно и нет...

Возможно, их командир ни в малейшей степени не хотел рисковать быть отрезанным от Умперу́та варп-штормом, как его неудачливые предшественники, и считал, что их выжившие потомки -- глупцы, не заслуживающие спасения. Возможно, священники и должностные лица на кораблях решили, что какие бы остатки имперских колонистов ни уцелели здесь, вероятно, они уже слишком деградировали, чтобы их спасти.

Возможно, корабли приближались, чтобы очистить планету от всякой жизни.

Тицилла поняла, что Саторазлю в любом случае было все равно.

Единственное, что было важно для демона -- чтобы корабли пришли, потому что главной и единственной задачей демона было уничтожить имперские корабли.

Совсем скоро демона здесь не будет -- «здесь» означает в данном случае не только этот мир, но и вообще вселенную во времени и пространства -- и, конечно, демону все равно, что будет с миром, или всей вселенной. Да, он проявлял интерес к таким вопросам, возможно, даже они завораживали его, но этот интерес был всего лишь эстетическим капризом, чьи цели могли служить как уничтожению, так и спасению, и, возможно, уничтожению они служили лучше, потому что сам Саторазель был создан для уничтожения, а не для спасения.

Тицилла задумалась, какую же судьбу уготовил бог Түльзакандры ее миру? Входит ли этот мир вообще в его дальнейшие расчеты?

Она не знала.

Как прочно бы ни была ее душа связана с ее богом, она не знала.

И вот почему, когда Дафан

застрелил Де́йра А́жао, внезапно прервав
ее связь с Имперским Флотом, Гицилла не
знала, радоваться ей или горевать. Она
чувствовала жар гнева Дафана -- и
чувствовала, хотя и слабо, последнее
оставшееся тепло его любви -- но не знала,
благодарить его за это внезапное и
яростное появление или нет. Когда Дафан
завершил свою месть, Гицилла знала, что,
явившись спасти ее, он действовал так,
как должен был действовать истинный
герой, во имя Гүльзакандры и во имя мира,
частью которого была Гүльзакандра. Но
она не знала, принесут ли его действия
спасение или гибель. И если бы Гицилла
могла сейчас связно говорить, то она не
знала бы, что ему сказать. Если бы у нее
было время рассказать, что она узнала, она
не знала, рассказывать ли это как эпос,
трагедию или фарс.

Она молчала, потому что не хотела
кричать, но чувствовала себя абсолютно,
ужасно одинокой под бременем своего
нового знания -- и под бременем того
незнания, которое еще оставалось.

Будучи связанной с Саторазелом

Разрушителем, она могла лишь разделить с ним его предназначение и его судьбу, но все же в Тицилле оставалось еще достаточно человеческого, чтобы задуматься над тем, что же будет, когда он исполнит свое предназначение и встретит свою судьбу -- и не только задуматься, но и тревожиться об этом.

ГЛАВА 29

КОГДА Дафан повернулся к Тицилле, она все еще сидела, напряженно выпрямившись, спиной к спине со столь же напряженно застывшим трупом Дейра Ажао. Дафан стоял перед ней, но она, казалось, была просто не в состоянии отреагировать на его присутствие. Хотя ее глаза сохранили свои яркие зеленые радужки и зрачки, Дафан боялся, что они стали так же незрячи, как глаза Ажао. Он опустился на колени рядом с ней и взял ее руки в свои, надеясь, что это успокоит Тициллу.

Но эффект был прямо противоположный. Вместо того, чтобы успокоить Тициллу, этот контакт вселил страх в него, вызвав в душе Дафана

глубокое стяжение.

Застрелив трех имперцев, он действовал как автомат, его разум -- казалось -- был чист, и мысли -- казалось -- полностью упорядочены, но это была лишь недолгая иллюзия. Когда он коснулся мумифицированного тела Гициллы, сила его связи с демоном вновь стала очевидной. Она по-прежнему касалась лишь чувств, а не разума, но мощь пробужденных ею эмоций заставила сознание Дафана ощутить себя воистину ничтожно слабым.

Если бы захлестнувшие его чувства были его собственными, Дафан, вероятно, сумел бы вскоре восстановить равновесие, но он -- как и Гицилла -- был слишком связан с Саторазелом, чтобы быть способным сдерживать не-его чувства. Его самые глубокие побуждения и желания слились с чувствами Гициллы -- и видение, в котором затерялась Гицилла, хлынуло в его разум, как водонапор.

Дафан знал, что его тело по-прежнему на поверхности его мира, выпущенное из когтистой лапы, в которой нес его в небе Саторазель, но видение,

которое он разделял с Тициллой и демоном, унесло некую менее материальную часть его несравненно выше, чем раньше.

Саторазель летел вверх с невероятной, ошеломляющей скоростью. Дафан видел, как мир, на поверхности которого он жил, все уменьшался, превращаясь в крошечный полумесяц, не больше, чем казались луны в ночном небе, видимые с его поверхности.

Он знал, что остальную часть планеты покрывает ночная тьма. Знал он и то, что физически он сейчас где-то там, в этой ночной части, скрытый от своего собственного сверхъестественного взора.

Он видел, как солнце превратилось в маленькую звезду и затерялось на фоне тысяч -- возможно, сотен тысяч -- других звезд, которых было куда больше, чем он мог видеть с поверхности.

Дафан раньше и не представлял, что небо может быть таким прекрасным, столь исполненным возвышенного света.

Секунду видение было ясным, но потом оно начало расплываться, словно

размазываться. Чистый и строгий белый свет звезд начал расцветиваться другими цветами, течь и переливаться — точно так же, подумал Дафан, как текли и переливались сейчас внутренние сущности его и Гициллы.

Он, она и оно должны были быть сейчас отдельными светящимися точками разума, белыми и яркими, но они стали чем-то совсем другим: чем-то туманным и расплывчатым, многоцветным и нечетким... и причина этого была та же, по которой таковыми становились звезды.

Два измерения реальности, которые всегда должны были существовать отдельно, сейчас сливались и накладывались одно на другое...

И это стяжение, всколыхнувшее саму реальность, было поднято ударом крыльев демона.

Саторазель был сейчас слишком огромным, чтобы быть видимым, и, вероятно, уже слишком нематериальным, чтобы быть осязаемым, но он был здесь. То, что зародилось как семя внутри человека-Сосуда, теперь достигло высшей

точки своего краткого существования, и
результат его последней метаморфозы
был сейчас очевиден.

Личинка, начинавшаяся как Нилуан,
пожирая все, трансформировалась в
Повелителя Перемён, который сейчас
превращался в варп-шторм: варп-шторм,
создающий чудовищную ловушку, в которую
попадетя флот имперских кораблей.

Дафан все еще сохранил достаточное
сознания, чтобы сосчитать корабли;
Тицилла этого сделать уже не могла.

Кораблей было двенадцать.

Дафан не мог сосчитать звезды,
среди которых затерялось солнце,
освещавшее его мир, но он знал, что звезд,
должно быть, сотни миллионов, возможно
даже сотни тысяч миллионов.

«Если Империя Человечества
владеет всеми этими звездами», подумал
он, «Сколько же у него может быть
кораблей? И что из этого числа могут
значить всего лишь двенадцать кораблей?»

Однажды, когда Дафан был еще
маленьким, мать упрекнула его за то, что
он сломал один из гвоздей, которые она

гала елү, чтобы починить ограду курятника.

- Это же только один гвоздь, - сказал он тогда, - у кузнеца их еще целая корзина.

- Да, - сказала Ора, - но теперь нам нужен будет еще один гвоздь. А у кузнеца останется на один гвоздь меньше. Один лишний гвоздь мог бы пригодиться для подковки лошади, потому что если не хватит даже одного гвоздя, лошадь может потерять подкову, захромать, и погибнет в пустыне вместе со своим всадником. И если в пустыне погибнет отец, его дети могут умереть от голода, а их дети, которые могли бы родиться, уже никогда не родятся -- а ведь кто-то из их потомков мог бы стать мудрейшим Сновидцем Мудрости в Гүльзакандре, спасителем своего народа и карателем Калазендры.

Его мать пыталась так объяснить, что все великое и важное в мире зависит от множества предшествовавших событий, каждое из которых является частью сложной системы причин и следствий, и невозможно знать, не вызовет ли крошечная потеря чего-то

незначительного здесь и сейчас
несравненно большей потери чего-то
важного где-либо и когда-либо потом.

Куда направлялись эти двенадцать
кораблей, когда они услышали
теленатический крик о помощи Дейра
Ажао? Какая будет разница, если они уже
никогда не придут к месту назначения?
Возможно, никакой или очень малая — а
возможно и напротив. Из-за нехватки даже
одного корабля может быть проигран бой,
потеряна целая планета. А если не будет
двенадцати... Кто знает, что поставлено
здесь на карту? Этого не знает ни Дафан,
ни Гицилла, ни даже Саторазель — но,
возможно, это знает таинственный бог
Хаоса, создавший Саторазеля — и этому
богу не все равно...

Двенадцать кораблей направились
сквозь варп-пространство к миру Дафана.
Их навигаторов вел священный
Астрономикон. Дафан знал это потому,
что это знала Гицилла, и понимал это
настолько, насколько понимала она.

И когда корабли выйдут туда, где их
командиры ожидают найти нормальное

пространство, они окажутся в варп-шторме. Таким образом, их последний переход будет осложнен настолько, что восстановить нормальное отношение с пространством и временем и пространством станет невозможным. Корабли будут уничтожены -- не просто разорваны на части, как самолет, доставивший Дейра Ажао к Сатораэлю -- они будут вывернуты наизнанку и повергнуты еще более необычным изменением.

Дафан знал это не столько потому, что это знал Сатораэль -- способность Сатораэля к знанию сейчас быстро испарялась -- сколько потому, что Сатораэль и был варп-штормом, который причинит эти разрушения, и еще потому, что часть души Дафана тоже стала варп-штормом, как и еще большая часть души Тициллы.

Дафан, Тицилла и Сатораэль будут разорваны вместе с кораблями -- но из них троих лишь Дафан сохранил свою сущность достаточно, чтобы подумать о том, что станет с ними. Тицилла, как и Сатораэль, не знала, а лишь чувствовала

это, и этого было ей довольно.

Но Дафан понимал, что «довольно» — неподходящее слово. Она и демон просто кипели от восторга, ликовали, были в экстазе. Для них это чувство было всемирным, не просто кульминацией их существования, но его смыслом и моментом величайшего торжества. Огонь их жизни вспыхнет жарче и ярче, чем огонь любой другой жизни — человека или демона — и они действительно ощущали эту вспышку как наивысшее блаженство, словно для любой жизни ничто иное не имеет значения — лишь то, как эта жизнь будет гореть.

«Но я человек», подумал Дафан, «и не могу так думать. Я человек, и должен задать себе вопрос: что будет после меня? Я человек, и не должен быть равнодушен к ответу на этот вопрос. Я человек, и должен служить делу человечества, неважно, сколько представителей человечества были моими врагами и желали моей смерти. Империя — враг мне, и всегда был врагом, но я человек, и должен задать себе более сложный вопрос,

не является ли Империям врагом другого, еще более страшного врага -- и если так, какого из врагов я должен ненавидеть больше?»

Империя уничтожил все, что было дорого Дафану -- все, кроме Тициллы. Империя заслужил его ненависть. Но Дафан -- человек, и должен спросить себя, почему? Если бы он был только человеком, то никогда не нашел бы ответа, но сейчас он был чем-то большим, и решил, что понимает, почему. Он решил, что понимает необходимость Империи. Это была горькая, жестокая необходимость, но все же необходимость.

Во вселенной, где мир был невозможен, ценой существования была война, и именно этим был Империями машиной войны, охватывающей звезды, постелившейся повернуть оружие варна против чудовищных обитателей варна.

Двенадцать кораблей пытались выйти из варна, восстановить нормальный контакт с нормальным пространством и временем.

Но вместо этого они были поглощены

варн-штортом, который был демонам
Саторазелю.

Саторазель считал разум и
воображение увлекаемыми,
захватывающими вещами, а сам процесс
мысли поистине восхитительным, но
сейчас он больше не был способен к мысли,
расчету и предвидению.

Как и Тицлла, подсознательная
часть сущности которой была
высвобождена силой наркотика, делавшего
возможным Сновидение Мудрости.

Но Дафан понимал, что «мудрость» —
неподходящее слово. Наркотик помогал
Сновидцам, имеющим дар, видеть то, что
иначе они никогда не смогли бы увидеть, и
знать то, что иначе они никогда не
смогли бы узнать, но было бы неверно
называть это магическое провидение
мудростью. Мудрость — это иной вид
разума, и в ней не только интуиция и
знания, но много больше.

«Я здесь настоящий Сновидец
Мудрости», вдруг подумал Дафан,
«потому что лишь я сохранил способность
мыслить. Они — огонь, и могут лишь

гореть. Я — человек, и могу мыслить»

Тем временем имперские корабли разрывало на части. Один за другим, они попадали в ловушку, которая была Саторазелом, и выворачивались наизнанку. Этот процесс был неожиданно медленным — но Дафан помнил, что в варпе не бывает времени, и, вторгаясь в реальную вселенную времени и пространства, варп будет искажать время так же, как и пространство.

Людей внутри этих кораблей тоже выворачивало наизнанку так, что их внутренности оказывались снаружи, а кожа внутри. Кровь оставалась в их венах удивительно надолго, но их причудливые очертания оказались запачканы зловонной грязью из съеденной пищи в различных стадиях переваривания.

Странно, но люди, казалось, едва ли заметили эти перемены. Сами себе они казались абсолютно нормальными — возможно, лишь чуть более сосредоточенными, чем обычно. Но так было лишь до тех пор, пока они были тесно связаны со своими кораблями и

крошечными обитаемыми тирати, существовавшими внутри этих кораблей. Один за другим, вывернувшись наизнанку, корабли выбрасывали свой экипаж в алчную пустоту глубокого космоса; жестокий вакуум высасывал кровь из хрупких сосудов, створаживал мозг и выдавливал глаза как виноградины.

Если бы солдаты на кораблях не носили свою тяжелую и неудобную броню, им было бы легче выполнять ежедневную работу, но Дафану они показались не теми людьми, которые особо ценят удобства. Их разумы были полностью сосредоточены на дисциплине и расчетах, на почитании и вере, на цели и долге. Солдаты едва ли понимали, что происходило с ними, когда их разрывало на куски и превращало в фарш. Они умирали столь же храбро и благочестиво, как и жили, вознося хвалу своему Богу-Императору.

Их навигаторы же быстро осознали, что случилось, потому что затронувшее их искажение нарушило их связь с Астрономиком. Они мгновенно поняли, что оказались на новом курсе, и пунктом

назначения было вечное проклятие -- но сказать это уже не могли. Любые слова, которые они могли сказать, как и любые вопли, которые они могли испустить, были раздавлены внутри них.

И это искажение, конечно же, было только началом.

Дафан видел, что люди, подвергшиеся метаморфозу, стали снова изменяться, терять те последние остатки целостности, что еще уцелели в них. Эта смерть не была быстрой, ибо варп-шторм играл с временем, и это была жестокая игра. Шторм, который был Сатораэлем, поглощал их и переваривал, питаясь своими новыми жертвами, так же, как питался он более обычными смертями, проложившими ему путь к звездам.

Дафан не знал, можно ли остановить это, но понимал, что должен по крайней мере попытаться. Он не обязан был прощать своего врага -- Империи Человечества, но он должен сражаться с ним как человек, а не как тварь из варпа, для которой мысль была роскошью, а ненасытная алчность -- всем.

«Я -- единственный разум в этом шторме», подумал Дафан. «Я не отдал свое сознание Саторазэлю, и не позволил демону украсть его у меня, хоть оно и было тусклым, и не могло так гореть. Я -- единственный разум здесь, и мне нужно лишь проявить свое сознание, чтобы захватить контроль над тем, что у этого шторма вместо тела».

Увы, это было нелегко.

Дафан напряг всю свою силу воли и обнаружил, что действительно может влиять на шторм -- но он был всего лишь человеком, а варп-шторм был больше не только одной планеты -- он был больше всей солнечной системы.

Секунду или две Дафан чувствовал себя ничтожным крошечным червем, почти невидимым, который прогрыз путь в мозг гиганта, меша себя тщеславной манерой величия, что он сможет заменить гиганту разум. Хотя в действительности он был отнюдь не только микроскопическим паразитом. Демон использовал его и сделал его частью своей быстро развивающейся сущности. У него

есть власть влиять на шторм, если только ему хватит воли, чтобы использовать ее, и стойкости, чтобы перенести последствия ее использования.

Когда он попытался остановить шторм, он ощутил его ярость, и она была подобна огню.

Ему показалось, что, вероятно, даже быть вывернутым наизнанку было бы менее мучительно. Он чувствовал, как огонь течет сквозь него, сжигая его заживо — только этот огонь не мог сжечь его до конца, обратив в дым и пепел. Огонь сжигал и сжигал его, и продолжал его сжигать, наверное, целую вечность.

Он чувствовал, как его кожа обгорает, как его сердце и легкие зажариваются; он чувствовал, как кровь в его венах вскипает; чувствовал, как его мозг плавится — но все это были не более чем ощущения, и этого не могло произойти по-настоящему, если только он не позволил бы этому произойти. Все, что он должен делать, чтобы защитить свое тело от сгорания в реальности — упорно продолжать цепляться за свое сознание.

отчаянно отказываясь превратиться всего лишь в сгусток эмоций.

Об этом было куда легче думать, чем сделать, но сам факт, что об этом еще можно думать, был доказательством, что это можно и сделать.

И Дафан горел, сражаясь с штормом, и продолжал жить, несмотря на страшные муки. Он не уступит свое право быть мыслящим существом. Никакая угроза и никакой соблазн не заставят его сделать это. Он был человеком, и у него была возможность выбора, и он знал, какой выбор обязывает его сделать долг.

Теперь Дафан понимал, каким смешным глупцом он был, считая себя героем лишь за то, что застрелил человека из украденного ружья. Теперь он понимал, что значит по-настоящему быть героем, и почему настоящие герои были только у Империи, а на стороне его врагов — всего лишь жертвы случайного каприза и губительного соблазна.

Конечно, он не мог остановить шторм или превратить его во что-то иное, но он мог нарушить процесс, в

которым штурм разрывал имперские корабли и все, что внутри них. Даже этого Дафан мог добиться лишь ненадолго -- но больше и не требовалось.

Он должен выиграть время, чтобы немногие уцелевшие корабли смогли спастись.

Выиграть время у безвременья было нелегко, но отнимать время -- с этой задачей человеческий разум всегда справлялся хорошо.

Дафан протянул руки, все еще сжимавшие руки Тициллы... и выиграл время.

Люди, вывернутые наизнанку, вернулись в нормальное состояние, очнувшись от своего оцепенения, подобно снам. И сразу же принялись за работу, зная, что находятся на грани гибели -- но зная так же, что следует делать.

Они действовали теми методами, которыми были обучены. Они молились. Они боролись за порядок перед лицом Хаоса.

Три корабля вырвались из смертельной ловушки. Не все на их борту выжили, но потери были относительно

невелики.

Выжившие, разумеется, не знали, что они спасены, не говоря уже о том, что они спасены Дафаном. И если бы кто-то сказал им об этом, они бы не поверили -- но даже если бы поверили, это никак не повлияло бы на то, что они сделали после.

Три уцелевших корабля атаковали мир, который они знали как Сигматус, обрушив на его поверхность смерть и разрушение.

Сначала они усыпали бомбами ярко освещенную дневную половину, разрушив все города в Калазендре. Они превратили Состенуто в обугленные руины и расплавили пустые корпуса кораблей, которые когда-то доставили их братьев на Сигматус. Потом они направились опустошать Гүльзакангру, все еще скрытую в ночной тьме -- и глинные линии взрывов прорезали яркие полосы света в ее пустынных пустынях и скудных полях.

Время, которое Дафан выиграл для трех кораблей, их командиры использовали до конца -- и могли бы использовать еще лучше, если бы варп-шторм не последовал

за нити к поверхности.

Если бы жизнь Сатораэля не была так коротка, он, возможно, сумел бы исправить то, что сделал с его планом Дафан, но шторм уже становился все более разреженным с каждой проходящей секундой. Его остатки могли лишь создать иллюзию движения звезд в многоцветном небе Сигматуса, и не позволить кораблям выйти из атмосферы, но остаткам шторма уже не хватало силы вывернуть корабли наизнанку или разорвать на множество обломков.

И корабли приземлились.

Уничтожив потерянный осколок Империи, они сами стали потерянным осколком Империи. Поставив точку в одной странной истории, они стали прологом к другой.

И мир продолжал жить: избитый, измученный, обожженный, но не ставший непригодным для жизни людей, пусть и относительно примитивных, но по-своему удивительно изобретательных.

И мир продолжал жить.

До следующего раза.

ЭТО ЗАКЛИНАНИЕ было не только самым сложным из тех, что когда-либо пытался совершить Гавалон, оно было самым сложным из всех заклинаний, которые когда-либо предпринимали колдуньи с тех пор, как люди впервые заселили мир, обозначенный на имперских картах как Сигматус.

Зверолюди заняли свои места. Гавалон держал кинжал с волнистым лезвием в правой руке, и горящий факел — в левой, и то и другое в определенные моменты ритуала должно было истязать его плоть. Он не боялся наносить себе увечья ради пользы дела, и не в первый раз ему приходилось жертвовать глазом или отрезать себе какую-нибудь конечность.

И поэтому, когда наступило время выполнить соответствующие элементы ритуала, Гавалон Великий не дрогнул и не заколебался. Не роптал он и на бога, которому был горд отдать эту последнюю и наименьшую из многих жертв, принесенных им для достижения этой цели.

«О, стать Повелителем Перемен!».

подумал он. «О, стать мастером метаморфоз, неподвластным дряхлости смертных! Какое счастье служить истинному богу и быть свободным!»

РАСТУТЕЛЬНОСТЬ в пустоши была тратной и уродливой и до того, как сюда упал самолет, пробороздив заросли, вызвав пожары и рассыпав раскаленные обломки. Кусты были сухими и колючими, их искривленные ветви -- очень твердыми. Толстые кактусы казались еще более сухими и шипастыми. Листья каждого растения, попадавшего на глаза, были либо тонкими и колючими, либо толстыми и бугорчатыми. Здесь во множестве виднелись фиолетовые и серые оттенки, коричневато-желтые и нежно-розовые, но лишь изредка попадались изумрудно-зеленые. Почва, на которой они росли, была иссушенной, тусклой и пыльной.

Теперь все изменилось.

Пока Дафан спал, вся местность вокруг удивительным образом преобразилась. Земля стала черной, вязкой и плодородной, зараставшей в больших

количествах плесенью. Повсюду были цветы, и все они пышно цвели. Они были лимонно-желтыми и кремово-белыми, ярко-алыми и бледно-голубыми. Листья на каждом кусте были большими и широкими, самых причудливых форм и видов. Сами кусты стали в два раза больше, чем раньше, превратившись в настоящие взрывы прямых и гибких ветвей, колыхавшихся на теплом ветру. На круглых стволах кактусов появились, как бутоны, десятки маленьких сферических отростков, многих из которых были покрыты еще меньшими отростками, и большинство из них вместо сухих белых колючек было покрыто мягкой разноцветной шерстью.

Ускореженные обломки самолета были все еще рассыпаны вокруг, но они уже заросли вьющимися растениями, покрылись пурпурными лишайниками.

Мертвые тела Орлока Мелькарта, Рагана Баалберита и Дейра Ажас лишились плоти, остались только пожелтевшие кости. Их черепа и грудные клетки стали домом для маленьких лиан,

чьи бледные цветы росли из пустых
глазниц и пробивались между ребрами.

Тицилла тоже была здесь, и тоже
мертвая, но ее еще не коснулось
разложение. Она была последним
физическим напоминанием о варп-шторме:
последним вместилищем его силы и
энергии. Ее тело еще сохранялось, но все
же она была мертва, и со временем ее
плоть тоже рассыплется и уйдет в землю,
ее тело и душа растворятся в пустоши.

Дафан посмотрел в мертвые глаза
Тициллы, ожидая увидеть хотя бы призрак
ее взгляда. Он все еще не отпустил ее
холодные руки.

Она была мертва, но все-таки
заговорила с ним.

- Спасибо, Дафан, - сказала она.

- За что? - спросил он.

Было бы нелегко встретить
обвиняющий взгляд этих мертвых глаз, но
Дафан не собирался отворачиваться. Он
ничуть не был испуган.

- За то, что предал меня.

- Кого «тебя»? И как можно
благодарить за предательство. Это не

имеет смысла.

- Ты знаешь, кто я, Дафан, -
ответила Гицилла, хотя ее губы не
сдвигались. -- Кто еще мог бы быть за это
благодарен? Кто еще мог бы наслаждаться
таким чудесным парадоксом?

- Я не делал ничего для тебя, -
ответил Дафан, полагая, что уже не
имеет значения, кто подразумевался под
словом «тебя». -- Я сделал то, что сделал,
по своим причинам, потому что я человек.

- Ты был им, - произнесла Гицилла, не
слишком подчеркивая слово «был». -- Но
спроси себя, Дафан: что ты чувствуешь? И
еще: чем ты станешь?

- Я ничего не чувствую, - сказал
Дафан. Это была правда. Он не чувствовал
совсем ничего. Словно та часть его, что
могла чувствовать, была отнята у него
вырвана, вырезана и отброшена.

Конечно, именно эта часть его души
была связана с Саторазелом, слившись с
демоном в варп-шторме. То, что осталось
не связанным, независимым и способным к
самостоятельным действиям -- мыслящая
часть, его разум. Но без эмоциональной

части его разум никогда не сделал бы того, что сделал, потому что у него не было бы никаких побуждений делать это: ни страха, ни амбиций, ни гордости, ни страсти; ни чувства долга перед огромной семьей человечества среди звезд.

Так что же он есть сейчас? И чем он может стать?

- Я верну все это, - сказал Дафан, не будучи уверен, откуда он это знает. -- Я буду жить, и опыт жизни вернет желание, и надежду, и тревогу...

- Ты мог бы стать великим колдуном, - сказала мертвая Гицилла, - под надлежащим руководством.

- У меня не было ни частицы гара, - напомнил ей Дафан. -- И поэтому я еще жив, а ты -- нет.

Следовало бы сказать «а Гицилла -- нет», но такие тонкости его уже не волновали.

- Есть исключения в каждом правиле, - сказала мертвая Гицилла. -- Они так радуют меня. И ты научишься любить их -- когда привыкнешь... Ты не обязан подчиняться правилам, если ты этого не

хочешь. Поразмышляй об этом, когда
покажешься способен испытывать желания
вновь. Спроси себя, что мог бы пожелать
Сновидец Мудрости, живущий в мире,
подобном этому? Другого все равно ты не
увидишь.

- Я не буду служить твоему делу,
сказал Дафан. - Никогда. Я всегда буду
предать тебя, потому что я человек.
Человечество -- единственная сила, что
стоит между сущностями, подобными
тебе, и окончательной гибелью всего.

- Ничто не может помешать
гибели всего живого, - ответил бог
Гульзакандры устами Гициллы. - В
конечном счете - все, что живет --
вернется в пыль и прах, а все, что
облагало силой -- к бессилию. Значение
имеет только то, как жизнь горит. И не
насколько быстро, но КАК. И в чем была бы
радость принять сторону Хаоса -- быть
Хаосом -- если бы не было Порядка, чтобы
бороться с ним? Какое удовольствие в
победе, доставшейся слишком легко? Какая
гордость, радость, чувство достижения,
триумф? Враги нужны мне больше, чем

дрүзья. Ничто так для меня не ценно, как предатель. Но у моих врагов все по-другому. Запомни это хорошо, Дафан, когда к тебе вернутся чувства. Порядок не терпит к предателям и слабым, и к творчеству, и к тем, кто не умеет приспосабливаться к положению вещей. Порядку нужен лишь порядок, и неподвижность разума. Ты можешь к этому прийти, если захочешь -- когда ты сможешь что-то захотеть. Но если бы ты выбрал путь иной -- то большего достиг бы... Если твой выбор будет мудрым -- ты станешь более великим колдуном, чем Гавалон.

- Никогда, - ответил Дафан. - Я человек, и не имеет значения, что я могу потерять, защищая людей. Я не могу и не хочу быть чем-то иным -- и если я не могу сейчас испытывать чувства, по крайней мере, это означает, что я свободен от всех соблазнов и искушений. Меня невозможно склонить к скверне.

- И это очень хорошо, - сказала сущность, которое не было Гициллой. -- Единственное, что Губительные Силы

ценить способны больше наших душ —
лишь души чистые. Я пожелал бы тебе
долгой жизни, если бы мог ты долго жить,
и счастья, если бы оно существовало.
Однако полагаю, что будет больше шансов
выжить у тебя, если отсюда ты пойдешь
на запад.

Дафан отпустил обтянувшие,
покрытые язвами руки Тициллы, и она
упала на бок.

Как только ее тело упало на землю,
плоть начала слезать с костей,
растекаясь по жирной земле, словно ей
очень хотелось стать удобрением для
обновленного мира, не терпелось принять
участие в будущих событиях его жизни.

Дафан знал, что это не сновидение.
Он знал, что еще понадобится время,
чтобы научиться снова видеть сны — и
когда он научится, в его снах не будет ни
капли так называемой «мудрости».

Он поднялся на ноги и поставил лицо
теплому ветру, обдувавшему его холодные
щеки. Солнце сейчас было алым, как
артериальная кровь, поднявшись еще выше
в словно окровавленном небе, и было скорее

пугающим, чем манящим.

Но все равно, когда Дафан отправился искать свое место в новой жизни, он пошел на восток, а не на запад, потому что знал -- только глупец поверит словам лживого бога. И если бы Дафан мог сейчас чего-то хотеть, он, несомненно, хотел бы узнать, что же в действительности стало с дотом, где жили они с матерью -- которая, если судьба окажется необычайно великодушна, может быть еще жива.

Пожалуй, было бы вполне логично именно там начать новую -- правильную -- жизнь.

ЭПИЛОГ

ДАФАН проснулся, не увидев никаких сновидений. Отвернувшись от загадочного взгляда мертвых глаз Гициллы, он посмотрел на кроваво-алый рассвет.

Диск поднивавшегося солнца был багровым. Чтобы достигнуть поверхности планеты, его лучи должны были пройти сквозь пелену ожившего варп-шторма, а потом -- завесу дыма и непла, поднятого имперскими бомбами. Эти два

полупрозрачных барьера перемешивались и сливались друг с другом, и их игры со светом, несомненно, являли собой чудесное зрелище. Все небо было разноцветным -- красным и оранжевым, розовым и фиолетовым, испещренным яркими радугами и бушующими вихрями -- но Дафан смотрел на все это бесстрастно, не испытывая никаких чувств.

Когда Дафан увидел, что сделал с местной растительностью варп-шторм, сотворенный Саторазелом, в его разуме на мгновение возник вопрос, не было бы более интересно проснуться немного раньше, но Дафан не мог ощущать сожаление, что не сделал этого -- как и какое-либо другое чувство. И вопрос был оставлен без ответа и без внимания, как и любой другой каприз воображения.